

18+

**ОЛОНХО: ТАЁЖНАЯ ПЕСНЯ
ФЁДОРА И НАДЕЖДЫ — ДВЕ
СУДЬБЫ, ОДНА ВЕЧНАЯ
МЕЛОДИЯ**

НАТАЛЬЯ ЧЕРВЯКОВСКАЯ

Наталья Червяковская

**Олонхо: таёжная песня
Фёдора и Надежды — две
судьбы, одна вечная мелодия.
Современная проза и поэзия**

«Издательские решения»

Червяковская Н.

Олонхо: таёжная песня Фёдора и Надежды — две судьбы,
одна вечная мелодия. Современная проза и поэзия /
Н. Червяковская — «Издательские решения»,

Трилогия «Олонхо: таёжная песня Фёдора и Надежды — две судьбы, одна вечная мелодия» — это книга-созвучие, вобравшая в себя ранее изданные тома, словно река, принимающая в своё русло три чистых притока: «Природа вне времени: четыре грани вечной красоты», «Хранители традиций: Мудрость Хозяйки Тайги» и «Моя Монголка: суровая красота тайги — колыбель нашей любви». Ныне они слиты в единое полотно, где переплетены нити одной семейной саги, растянувшейся на два десятилетия.

Содержание

Предисловие	6
Природа вне времени: четыре грани вечной красоты	10
Природа вне времени: четыре грани вечной красоты	10
Зимнее солнцестояние: Обновление. Возрождение. Надежда	19
Весеннее равноденствие в тайге: там, где молчит город, говорит природа	38
Летнее равноденствие: время, когда зов крови вспоминает, а Солнце правит	44
Осеннее равноденствие: время, когда Тыковка обретает голос женственности	61
Моя Монголка: суровая красота тайги — колыбель нашей любви	68
Моя Монголка: суровая красота тайги — колыбель нашей любви	68
Дом, распахнутый навстречу гостям — благословенный островок, где сердце обретает покой, а душа — отраду	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Олонхо: таёжная песня Фёдора и Надежды — две судьбы, одна вечная мелодия Современная проза и поэзия

Наталья Червяковская

© Наталья Червяковская, 2026

ISBN 978-5-0071-2119-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Уважаемый читатель!

Перед вами — книга, рождённая из самого сердца тайги, из её векового дыхания и тихого шёпота кедровых ветвей. «Олонхо: таёжная песня Фёдора и Надежды — две судьбы, одна вечная мелодия» — это не просто роман, это путешествие в мир, где время течёт иначе, где природа становится не фоном, а живым участником каждой истории, где любовь обретает форму древнего эпоса.

Три книги, три грани одного великого сказания. Первая книга- «Природа вне времени: четыре грани вечной красоты» — открывает этот мир с самой его сокровенной стороны. Здесь тайга предстаёт не как декорация, а как мать-прародительница, как хранительница всех начал. В этой части вы найдёте оду природе, воспетую не сухими словами, а живым, трепетным чувством. Колесо года — славянские праздники, отмечаемые в согласии с движением солнца и луны, — сплетается в единый узор с бытом героев. И именно здесь, в этой первозданной красоте, зарождается искра — встреча двух судеб: Фёдора Викторовича и Надежды Александровны. Их знакомство, их первое путешествие по таёжным тропам к бабушкам на далёкую заимку, — это не просто дорога, а путь к самим себе, к тому, что сильнее слов и времени.

Но история не закончилась на последней странице первой книги. По просьбе читателей, словно по велению самой Хозяйки Тайги, родилось продолжение. Вторая книга — «Моя Монголка: суровая красота тайги — колыбель нашей любви» — это уже не просто романтика, это становление семьи. Любовь, окрепшая в таёжной глуши, обретает новые формы: рождаются дети, в доме появляются первые животные — оленуха Мать-Важенька с её мудрыми глазами и маламут Тундра, верная и преданная, как сама природа. Дочь Златогорка, сыновья-близнецы Ведагор и Александр — каждое имя звучит как заклинание, как оберег, вплетённый в ткань семейной судьбы. А затем, как благословение, рождается четвёртый сын — Фёдор Фёдорович, названный в честь отца, продолжение рода и его будущая опора.

Жизнь семьи Ванцевых — это не идиллия, а ежедневный труд, наполненный смыслом. Они живут в таёжном посёлке, где каждый день подчинён законам природы, где почитание Хозяйки Тайги — не дань моде, а живая вера, переданная через поколения. Здесь славянские Боги соседствуют с христианскими праздниками, а традиции православных староверов переплетаются с якутскими обычаями, создавая уникальный мир, где нет противоречий, есть лишь гармония двух культур, взращённых на одной земле.

Третья книга — «Хранители традиций: Мудрость Хозяйки Тайги» — это уже не просто повествование, это итог, осмысление двадцати лет семейной жизни. Двадцать лет — срок, за который герои прошли путь от влюблённости до глубокой, зрелой любви, от первых сомнений до несокрушимой веры друг в друга. Но самое главное, что делает эту трилогию особенной, — её идея. Это не история о выживании в суровом краю, это гимн семейным ценностям. Любовь между мужчиной и женщиной здесь — не мимолётное чувство, а фундамент, на котором строится всё. Рождение желанных детей — не случайность, а осознанный шаг, продолжение рода и духовной традиции. Воспитание отца и матери своих чад, уважение детей к родителям, передача мудрости от бабушек и дедушек к внукам — всё это составляет стержень повествования.

Особое место в книге занимает быт таёжных жителей. Автор не идеализирует жизнь вдали от цивилизации, а показывает её такой, какая она есть: суровой, требующей силы, терпения и смекалки. Но именно в этой суровости раскрывается красота человеческих отношений. В семье Ванцевых соприкасаются две культуры — русская и якутская, и это соприкосновение не приводит к конфликту, а рождает нечто новое, синтез, обогащающий и детей, и родителей. Традиции этих народов прививаются с самого рождения, как естественная часть мира, как воздух, которым дышит ребёнок.

Мистика и шаманские традиции пронизывают повествование тонкой, но осязаемой нитью. Хозяйка Тайги — не мифический персонаж, а живое присутствие, которое чувствуют герои, когда оказываются в лесу, когда принимают важные решения, когда сталкиваются с испытаниями. Шаманские обряды, описанные в книге, — не экзотика, а реальная практика, укоренённая в мировоззрении героев. Это мир, где незримые силы действуют наравне с видимыми, где слово, произнесённое с верой, обретает силу.

Читая эту трилогию, вы не просто следуете за сюжетом — вы проживаете вместе с героями их радости и печали, их победы и утраты. Вы ощущаете запах хвои и дым костра, слышите пение птиц и шаги оленя, чувствуете, как морозный воздух тайги наполняет лёгкие. И в этом погружении рождается главное понимание: семья — это не просто кровные узы, это духовная связь, которую необходимо беречь, как берегут огонь в очаге. Традиции, передаваемые из поколения в поколение, — это не мёртвый груз, а живой источник силы, который позволяет человеку оставаться собой в любых испытаниях.

Эта книга — о любви, которая не боится времени. О том, как в глухой тайге, вдали от шумных городов, можно построить мир, полный тепла, смысла и веры. О том, как две судьбы, Фёдор и Надежда, становятся одной мелодией, которая звучит сквозь годы, сквозь судьбы их детей, сквозь саму вечность. И если вы откроете эти страницы, будьте готовы к тому, что тайга войдёт в ваше сердце и уже не отпустит.

В лесной глуши, где кедр сжимает твердь,
Где в шуме трав рождается напев,
Там дикий нрав — не тьма, а жизни суть,
Дыханье матерей, что подарили вечность.

Здесь время — не песок, а смоляной,
Тягучий, золотой, живой поток,
Здесь каждый вздох — как колокол немой,
И каждый лист — как мудрости урок.

Луна ведёт свой круг из века в век,
Светило жжёт тропу, и в этом суть,
Здесь вера — не пустой, а звонкий бег,
Река, что знает свой извечный путь.

В той первозданной, дикой, хвойной мгле,
Где иней — серебро, а снег — парча,

Два сердца, как два дерева в земле,
Срослись корнями, пламени не пряча.

Их встреча — не случайный, робкий шаг,
А зов, что слышен сквозь лесную тьму,
Когда в груди — не страх, а тихий знак,
Что путь один назначен к одному.

Они идут тропой, где мох и хвоя
Хранят следы невиданных веков,
Где бабушкино слово, заговор и мудрость,
Вплетается в узор их новых снов.

Здесь дом растёт не стенами, а ладом,
Где каждый угол — оберег от бед,
И дети, как посевы, с добрым взглядом
Вращены на любви, а не на вражде.

Мать-Важенка — в глазах её рассвет,
И верная собака, что в глубину глядит,
И в каждом имени — не звук, а свет,
Заклятье, что сквозь зиму сохранит.

А жизнь — не тишь, а гулкий, ровный труд,
Где топором и сердцем рубежи,
Где русский дух и якутский встают,
Как две реки в единой полной чаше.

И в этом сплаве — сила, не раздор,
Две веры, как два крыла у птицы,
Один полёт, один и тот же взор,
И в этом мире некому смутиться.

Хозяйка Тайги — в костре, в дыму,
Она в обряде, что хранит ответ
На все вопросы, что людьми творимы,
В ней — жизни суть и вечности завет.

Двадцать зим и двадцать вёсен — срок,
Что превращает чувство в вечный свет,
Где каждый взгляд — как чистый, свежий слог,

Где в каждом вздохе — мудрости ответ.

Так пусть тайга, что жизнь им даровала,
Дыханье дарит тем, кто входит в дом,
И в сердце не угаснет, не устанет,
А будет жить, как в поле вешний гром.

Природа вне времени: четыре грани вечной красоты

Природа вне времени: четыре грани вечной красоты

В тишине бесконечного бытия, где время теряет свою власть, природа являет себя во всём своём неземном великолепии, распахнув четыре грани в сокровищницу неподвластной красоты: неукротимую мощь, мимолётную нежность, мудрое безмолвие и чарующее преображение.

Первая грань — неукротимая сила стихий, творящая хаос бурь и огненный восторг извержений, вздымающая в яростном танце до небес волны и рассекающая гранит скал, словно тончайшее кружево. Она рычит в рёве ветра, обрушивается грохотом водопада, вспыхивает треском молний, пронзающих тьму ночи. Она — первозданная мощь, скульптор ландшафтов и властитель судеб мира. Тайна, которую нам никогда не постичь до конца. Она клубится в сердцевине грозowych туч, незримо плетёт нити рек, заставляет в неспешном танце геологических эпох дрейфовать континенты. Мы ловим лишь отблески её величия, ощущаем слабое дуновение ее дыхания в порывах ветра, видим её отражение в мерцании звезд.

Вторая грань — мимолётная нежность первых весенних цветов, с робкой надеждой пробивающихся к свету сквозь остывшую от зимней стужи землю — словно хрупкие посланники тепла и возрождения. Она — трепетный вздох в хрустальном хороводе снежинок, тихий шёпот листвы, омытой ласковым летним дождём, неуловимый полёт бабочки, что порхает над изумрудным ковром луга, оставляя след лишь в сердце замороженного наблюдателя, словно мимолётное видение, сотканное из света и тени. Это тончайшая мелодия жизни, звучащая лишь краткий миг, но оставляющая неизгладимый отпечаток в глубине души.

Третья грань — мудрое безмолвие вековых лесов, где время скользит неспешно, а каждый камень хранит эхо минувших эпох. Она дышит в тиши горных вершин, дремлет в задумчивом отражении звёзд в зеркальной глади озера, движется неторопливым пульсом ледника. Это безмолвное знание, накопленное тысячелетиями, дарующее умиротворение и осознание вечности.

Четвёртая грань — чарующее преображение природы, расцветающее в калейдоскопе времен года, в огненных восходах и багряных закатах, в мистическом танце северного сияния. Она сияет золотом осенних листьев, искрится серебром морозных узоров на стекле, взрывается изумрудом весенней травы. Это непрерывное чудо обновления, напоминающее о вечном круговороте жизни и смерти, света и тьмы, тепла и холода.

И в каждом из этих чудесных проявлений, от неукротимой мощи до волшебного преображения, мы видим отражение вечной и нетленной красоты природы, красоты, которая вдохновляет, завораживает и напоминает нам о нашем скромном, но важном месте в этом огромном и поистине прекрасном мире.

И, стоя на пороге этих граней, мы ощущаем себя частью чего-то большего, чем мы сами, растворяемся в этой грандиозной симфонии бытия. В порыве ветра, в нежном лепестке, в молчании леса, в ярком закате — везде мы видим отражение самих себя, наших страстей и надежд, наших страхов и мечтаний. Природа становится зеркалом души, отражающим наши самые сокровенные уголки, напоминая о нашей связи со всем живым.

*В объятиях Вечности, где грёзы время ткнут,
Природа — неземной, пленительный приют.
В сокровищницу тайн распахнуты врата,
Где красота живёт, безусловна и свята.*

*За первую — стихий бушующий разгул,
Вулканов ярость, шторма злобный гул.
Морская гладь, как зверь, вздымается к луне,
И скалы кружевные дремлют в тишине.*

*Вторая грань — весны дыханье, трепет роз,
Пробившийся сквозь тьму росток, надежды упование.
Снежинок вальс, дождя хрустальный перезвон,
И бабочки в лугах — небесный, лёгкий сон.*

*А третья — сумрак леса, древней тайны храм,
Где камни помнят шёпот трав и звонкий гам.
В горах — безмолвие, озёр зеркальный плен,
Ледник, как призрак, выползает из глубин времён.*

*Четвёртая грань — природы дивный лик,
Времён года калейдоскоп: то буйство, то покой.
Закат, как зарево, пылает в небесах,
И северное чудо — танец звёзд в чарующих глазах.*

*В мгновеньях каждого — и мощь, и благодать,
Природа вечно юная зовёт — внимать, познать.
Чтоб помнили мы место в мире хрупком, бренном этом,
Где страхи, и надежды, и сердца согреты светом.*

*Мы у порога Вечности — симфонии тончайшая струна,
С листвою, ветром, солнцем неразрывно сплетена.
В лесной тиши, в закате пламенно-алом,
Себя мы видим в отражении зеркальном.*

*И в этой связи — мирозданья вечный зов,
Услышать интуицию сквозь пелену оков.
В стихийной мощи — обрести души покой,
И каждое мгновенье в сердце трепетно нести, как самоцветный изумруд.*

*Природа — лекарь, мудрый наставник наш,
Дарует силы, радость, красоту, кураж.
Беречь её — наш долг, наш дар бесценный,
Чтоб красоту её дарить потомкам, неизменно.*

*Пусть в шелесте листвы, в алмазной россыпи росы,
Послание вечности поймает сердце, жаждущее зова.
Раскроем душу миру нарастающую,
И в танце жизни прикоснёмся к Вечности покрова!*

Осень доживала последние дни. Ещё неделя, и зима вступит в свои права по календарю. Небо затянулось бесконечной серой пеленой. Листья давно облетели, лишь крики воронья да завывание ветра нарушали тишину засыпающей природы.

В этот день на пороге супермаркета столкнулись два человека, казалось бы, из разных миров.

Она — юная, дерзкая, с хрупкой фигуркой, скрывающей недюжинную внутреннюю силу. На плечах — серое драповое пальто, на ногах — колготки в сетку и грубые ботинки в стиле милитари. Под пальто — лёгкая блузка, то ли офисная, то ли школьная, и короткая юбка. Русые волосы, тонкие, подстрижены под каре без чёлки. От неё веяло неуловимым ароматом, запахом ведьмы. Она, конечно, об этом и не подозревала, но этот запах не спутаешь ни с чем. Сложно описать его конкретно, ведь у каждой представительницы магического мира свой неповторимый флёр. Но есть в нём нечто общее — притягательность, сила, уверенность. Аромат, который ощущаешь не носом, а всем телом. Сладковато-сандаловые нотки будоражили воображение. Глаза — узкие щёлочки, то ли от непогоды, то ли от привычки щуриться, то ли такая генетика.

Столкновение у входа в супермаркет обернулось трагедией — пакет не выдержал удара и лопнул. «Чёрт возьми, — проворчала она. — Как всегда! Даже с этим пакетом — неудача!»

Он — худощавый молодой мужчина, одетый во всё тёмное, с элементами военной формы. Непонятного покроя плащ, словно из другой эпохи, и длинная взъерошенная борода добавляли ему загадочности. Прямые, замасленные волосы, будто он только что сошёл со страниц истории. Да и весь его облик выдавал человека, чуждого суевериям современного мегаполиса. В руках — пустой рюкзак, явно для будущих покупок. На ногах — берцы.

«Смотри, куда прёшь!» — грубо бросил он девушке. Его взгляд задержался на её лице, заметил подступающие слёзы. Слёзы не из-за порванного пакета, а из-за какой-то душевной боли, терзающей её. В этот момент жалость, словно ледяной шип, пронзила его сердце, и он почувствовал, как чужая боль отзывается в нём тягучим эхом. Он протянул ей кристально чистый носовой платок: «Возьмите, утрите. И позвольте помочь». Мужчина достал из рюкзака пакет и начал аккуратно перекладывать рассыпавшиеся вещи. Свечи, интерьерные тыковки, дешёвые подсвечники, мишура... Улыбка тронула его губы. «Не иначе ворожить собрались?» — проговорил он. «А тебе какое дело?» — огрызнулась девушка. «Барышня, давайте будем вежливы. Если у вас плохое настроение, не нужно портить его другим». Она окончательно разрыдалась. Он терпеть не мог женских слёз. Собрав все вещи, взял её за руку и повёл к скамейке: «Успокойтесь и идите колдовать». «С чего вы взяли, что я буду колдовать?» «Решил — и всё. И скажу вам, девица, настоящие ведьмы не плачут, и у них на алтаре непременно должен быть настоящий природный инструмент». Она моментально успокоилась. Он явно чем-то её заинтриговал. «Мне сейчас некогда, меня ждут. А давайте встретимся ровно через неделю, в это же время, на этом месте. Если не придёте — значит, не судьба. А если придёте — буду искренне рад». Он быстро направился в магазин. Когда вышел с полным рюкзаком, её и след простыл.

Неделя пролетела, как один миг, наполненный странными снами и необъяснимым предчувствием. Она не могла понять, почему её так взволновала эта случайная встреча. Вроде бы ничего особенного, но слова незнакомца, этот загадочный взгляд... Всё это не выходило из головы.

В назначенный час она стояла у супермаркета, нервно поправляя воротник пальто. Он появился ровно в полдень. Его тёмная фигура выделялась на фоне серого городского пейзажа. В руках он держал свёрток, обернутый в грубую ткань.

«Здравствуй, девица, — произнёс он, слегка поклонившись. — Вижу, любопытство победило. И это хорошо». Развернув свёрток, он протянул ей предмет, от которого у неё перехватило дыхание. Это был кинжал. Не просто кинжал, а настоящий артефакт. Рукоять из чёрного дерева, украшенная резьбой в виде переплетающихся корней, лезвие из матовой стали, словно впитавшее в себя лунный свет. От него исходила едва ощутимая, но мощная энергия.

«Возьми, — проговорил он, заметив её замешательство. — Это клинок силы. Он поможет тебе отыскать свой путь. Но помни, он лишь инструмент. Использовать его во зло — значит погубить себя». Она осторожно взяла кинжал. Он идеально лёг в руку, словно был создан специально для неё. В голове промелькнули обрывки смутных воспоминаний, словно это не первая их встреча.

«Откуда он у вас?» — прошептала она, не отрывая взгляда от клинка. «Это не важно. Важно, что теперь он у тебя. Судьба сама привела тебя к нему. А я лишь помог ей немного ускориться». Он улыбнулся одними глазами, и она почувствовала, как по коже пробегает лёгкий озноб. «Вы знаете, кто я?» — наконец спросила она, пряча кинжал под пальто. «Я знаю достаточно, чтобы понимать — ты особенная. И этот мир нуждается в твоей силе».

Она молчала, обдумывая его слова. Внутри бушевал ураган эмоций — страх, любопытство, сомнение и... надежда. Надежда на то, что она не одна в этом мире, что её странные ощущения и видения — это не выдумка воспалённого воображения, а реальность. «Зачем вы это делаете?» — спросила она, глядя ему прямо в глаза. «Я делаю то, что должен. И ты будешь делать то, что должна. Нам предстоит долгий путь. И тебе решать, пойдёшь ли ты по нему одна или с моей помощью».

Волна впечатлений от подарка и от самого человека, доселе совершенно незнакомого, всё ещё держала её в плену. Внутри клочкотало чувство, будто она знала его целую вечность, если не в этой жизни, то в прошлой. Эмоции переполняли, смешиваясь с буйством непогоды и хлопьями снега, отчего её начала бить мелкая дрожь.

— Ровно через три дня я жду тебя здесь. Видишь мой внедорожник? — Она взглянула в указанном направлении. В стороне стоял мощный автомобиль цвета мокрого асфальта, стекла которого были покрыты грязью и казались заплаканными, добавляя облику стальной суровости и тоскливой безысходности.

— Через три дня ты оставишь все свои дела, рассчитаешься с работой и учёбой. И явишься сюда в это же время. Вот список необходимых вещей. — Он протянул конверт, в котором также лежала банковская карта. — Всё, что в списке, купишь по этой карте. Возьми документы, телефон и выбрось это пальто с чулками. Вся продрогла, только заболеть не хватало.

— По какому праву вы со мной так разговариваете? — возмутилась она, но он не дал ей договорить, направившись к машине.

— Помни, Сибирь не любит слабых. Три дня. Надеюсь, этого достаточно. И выброси эти тыковки. — Он громко расхохотался. — Тыковка, — проговорил он, — буду звать тебя Тыковкой, милая барышня.

— Мужлан! — огрызнулась она ему вслед.

Девушка стояла, как громом пораженная, сжимая в руках конверт и ощущая под пальто леденящее прикосновение клинка. Слова незнакомца, грубые и прямолинейные, всколыхнули в ней бурю противоречивых чувств. Они звучали властно, но в них не было злобы. Скорее, уверенность и... забота? Непонятно... Она ощущала в себе неодолимое любопытство и смутное предчувствие, что этот человек — ключ к разгадке её собственной тайны. Она чувствовала, как внутри неё поднимается волна энергии, готовая вырваться наружу. Энергии, которую она всегда ощущала, но никогда не понимала.

Вернувшись домой, она первым делом достала из-под пальто кинжал. Лезвие матово мерцало в полумраке комнаты, словно живое. Провела пальцем по гравировке на рукояти, и её словно пронзило электрическим разрядом. Воспоминания нахлынули с новой силой — лица, места, события, которые она никогда не переживала. Она увидела себя в лесу, у костра, в окружении других людей, таких же, как она. Вдохнула аромат трав, смешанный с терпким дымом костра, и уловила тихий шёпот ветра, играющего в листве. Внезапная острота ощущений, их обжигающая реальность, перехватила её дыхание.

Развернув конверт, она достала банковскую карту и список вещей. Одежда, обувь, тёплая куртка, походный рюкзак, спальный мешок, аптечка, навигатор... Всё, что нужно для долгого путешествия. И ни слова о том, куда она должна ехать. В голове пульсировала только одна мысль: Сибирь. Холодная, дикая, необъятная Сибирь. Что её там ждёт? И почему она должна верить этому незнакомцу, который называет её Тыковкой?

Решение пришло внезапно и неожиданно. Она уволилась с работы, забрала документы из университета и купила всё необходимое по списку. Старое драповое пальто и колготки в сетку отправились в мусорный контейнер. Она смотрела на них как на символы прошлой жизни, от которой готова была отказаться ради неизведанного будущего. Собрав вещи, она набрала номер телефона друга, но не смогла выдать из себя ни слова. Просто сбросила вызов и выключила телефон.

Ровно через три дня, в полдень, она стояла у супермаркета, одетая в новую тёплую куртку и удобные ботинки. В руках держала небольшой чемодан и рюкзак. Внедорожник цвета мокрого асфальта ждал её. Незнакомец, которого она уже начинала воспринимать как проводника в другой мир, стоял, облокотившись на капот, и смотрел на неё с лёгкой улыбкой. «Готова, Тыковка?» — спросил он. Она кивнула, и он открыл дверцу автомобиля. Они отправились в путь, навстречу холоду, тайнам и судьбе.

*Все встречи не напрасны — то судьбы решение,
Как в книге жизни красочной, что нам читать дано.
Лишь выбор дан пути нам, путника того,
Кто тропку пролагает к счастью своему.*

*В неведомую даль стремимся, Сибирь чтоб покорить,
В пути познать себя, души заветы отыскать.
Что ждёт нас там, за гранью, судьбы ль печать?
Об этом ведать сможем, лишь продолжая жить и грезить.*

*И тыквы осень щедро собрала, амбары полны,
Зимы дыханья ждут, как ждут весну, тепла глоток.
Наполнится наш дом уютом, негой тишины,
Когда зима отпустит вьюги, злых кошмаров морок.*

*И вновь душа стремится к неизведанным краям,
Где горизонт зовёт, маня своей красотой.
Оставим позади сомненья, горечь, страх пустой,
И устремимся ввысь, подобно птице к небесам.*

*Пусть ветер странствий в паруса наполнит силу,
И компас верный путь укажет средь морей.
Познаем мир, его богатство, краски, звуки дней,
И в каждом новом дне найдём судьбы счастливую обитель.*

*И в зеркале реки увидим отраженье,
Не только лик свой, но и души глубину.
Почувствуем единство с миром, ощущение,
Что каждый миг — подарок, данный нам в судьбу.*

*И зашумит листва осенняя под ноги,
Как будто шепчет сказки древние лесов.
И в каждом шорохе услышим зов дороги,
Что к новым приключениям нас позвала без слов.*

*И пусть костёр горит, тепло даря в ночи,
И песни льются, наполняя сердца радостью.
Мы будем помнить все мгновения, встречи, дни,
И делимся друг с другом счастьем, мудростью, отвагой.*

*И пусть рассвет алеет над тайгой бескрайней,
Напоминая о начале нового пути.
И каждая тропинка, каждое касанье тайны
Помогут нам себя в себе найти.*

*И звёзды в небе, словно искры мирозданья,
Расскажут нам легенды древних шаманов снов.
Почувствуем мы связь времён, пространства обаянье
И растворимся в музыке молчанье веков.*

*И колокольчик дальней церкви тихо зазвонит,
Напомнив о духовных ценностях, о вере.
В молитве обретём покой, дух исцелим,
И станет жизнь светлее, чище, искреннее.*

*И печь затопим, хлебом свежим запах в дом внесём,
Согреем душу разговором задушевым, тёплым взглядом.
В простых моментах счастье истинное обретём,
И осознаем, как жизнь прекрасна, даже с градом.*

И за руки возьмёмся, круг единства сотворим,

*В сердцах зажжём огонь любви, надежды, сострадания.
И мир вокруг себя добром мы озарим,
И станет жизнь прекрасней, словно в сказочном преданье.*

Внедорожник плавно тронулся с места, оставляя позади серые городские улицы и привычный мир. Она смотрела в окно, наблюдая, как меняется пейзаж. Мелькали поля, леса, небольшие посёлки. С каждым километром она чувствовала, как отдаляется от прошлой жизни и приближается к чему-то новому и неизведанному. В салоне царила тишина, нарушаемая лишь мерным гулом мотора. Незнакомец вёл машину уверенно и спокойно, словно знал каждый поворот дороги. Она украдкой наблюдала за ним. Его лицо, суровое и сосредоточенное, казалось высеченным из камня. Она чувствовала его взгляд, но он молчал, давая ей время собраться с мыслями.

К вечеру они добрались до небольшого заброшенного посёлка. Несколько покосившихся домов, заброшенная церковь, заросшая травой площадь. Место казалось вымершим. Незнакомец остановил машину у одного из домов и вышел. «Приехали, Тыковка, — сказал он, открывая багажник. — Здесь будем ночевать».

Дом оказался небольшим, но крепким. Внутри было чисто и уютно, словно кто-то недавно здесь жил. Незнакомец быстро растопил печь и зажёл керосиновую лампу, стоявшую на столе. Комната наполнилась теплом и мягким светом.

— Давай познакомимся, — вдруг прорезал тишину мужской голос. Всю дорогу молчал, словно воды в рот набрал, а тут — прорвало.

— Меня зовут Фёдор. Сейчас вмиг ужин наколдую. Сегодня я тут главный по кухне! А ты давай, помогай. Понимаю, городские барышни не привыкли к такой жизни. Ничего, завтра утром, как тронемся в путь, завернём в придорожный отель. Искупаемся, приведём себя в порядок, пообедаем от души домашней едой. Кстати, барышня, готовить-то умеете? И чего молчите? Не бойтесь, я вас пальцем не трону, не обижу.

Печь уже всю пылала, согревая их временный ночлег. Ей показалось, что он здесь частый гость.

Когда комната наполнилась живительным теплом, она скинула куртку и произнесла:

— Приятно познакомиться, Фёдор. Меня зовут Надька.

— Рад знакомству, Надежда, — заулыбался Фёдор, поглаживая свою окладистую бороду. — Вот и познакомились.

— Да нет же, говорю, зови меня Надька, мне так больше нравится.

— Замётано, — ответил Фёдор. — Тогда зови меня Змеем Горынычем! — И он расхохотался во всю ширь своей богатырской груди.

— Ну же, вон там в шкафу чашки, тарелки, приборы — не зевай! Будем ужинать и баиньки, завтра дальняя дорога, да и мне с утра надо дровами на будущее запастись, капканы проверить. Давай, ешь, не стесняйся! С этого дня чувствуй себя как дома. Зла тебе не причиню, но многому научу, — сказал Фёдор и лукаво прищурился. — Ну что, приятного аппетита! А спать залезай на печь, там тепло, я лягу здесь, на тахте.

Надька с удовольствием приняла предложенную тарелку дымящейся каши с тушенкой. Простое блюдо казалось невероятно вкусным после долгой дороги и пережитых волнений. Она ела, с любопытством разглядывая Фёдора. Он был похож на Лешего: широкий в плечах, с густой бородой и пронзительным взглядом серых глаз. От него веяло силой и уверенностью, но вместе с тем чувствовалась какая-то скрытая печаль. «Кто он? Что он делает в этой глуши? И зачем я ему понадобилась?» — вопросы роились в её голове, но она не решалась их задать.

Ужин прошёл в молчании. Фёдор наблюдал за ней, изредка подкладывая дрова в печь. Когда они закончили есть, он собрал посуду и вымыл её в старой жестяной миске. Надька забралась на печь, укрывшись стареньким ватным одеялом. Тепло от печи приятно расслаб-

ляло, но сон не приходил. Она вспоминала события последних дней, словно это происходило не с ней, а с героиней какого-то фильма. Встреча с Фёдором, бегство из города, таинственная дорога... Всё казалось нереальным.

Фёдор устроился на тахте, накрывшись тулупом. Лампа горела тускло, отбрасывая причудливые тени на стены. Надька долго ворочалась, пытаясь уснуть, но тревожные мысли не давали ей покоя. Наконец она не выдержала и тихо спросила:

— Фёдор, а куда мы едем? Зачем я тебе понадобилась?

Фёдор вздохнул и повернулся к ней. В полумраке его глаза казались ещё более глубокими и загадочными.

— Узнаешь, Тыковка, всему своё время. Доверяй мне. Я зла не причиню. А едем мы туда, где ты сможешь начать жизнь заново. Туда, где тебя никто не найдёт. А зачем ты мне понадобилась... Это долгая история. Спи, утро вечера мудренее.

Он замолчал, и в комнате снова воцарилась тишина. Надька чувствовала, что он не хочет говорить, и не стала настаивать. Усталость взяла своё, и она провалилась в беспокойный сон. Ей снились серые городские улицы, погоня, злобные лица, а потом — бескрайние поля и леса, глаза Фёдора, полные радости и решимости.

Утром Надька проснулась от запаха свежесваренного кофе. Фёдор уже хлопотал у печи, напевая какую-то незатейливую мелодию. На столе источала тепло керамическая кружка, наполненная благоухающим напитком, а рядом, на глиняной тарелке, горкой высились золотистые ломтики хлеба, опалённые жаром печи.

— Доброе утро, Тыковка! Вылезай! Завтрак готов. Сегодня будет насыщенный день.

После завтрака Фёдор занялся своими делами, а Надька вышла на улицу. Посёлок выглядел ещё более заброшенным и унылым, чем накануне вечером. Тишину нарушало лишь пение птиц и редкое потрескивание сухих веток под ногами. Она бродила по заросшей площади, заглядывала в пустые окна покосившихся домов, представляя, как здесь когда-то кипела жизнь. Внезапно её взгляд остановился на заброшенной церкви. Деревянные стены покосились, крыша прогнила, но на куполе ещё виднелся ржавый крест. Надька подошла ближе и толкнула скрипучую дверь. Внутри царила полумгла и запустение. Иконы потемнели от времени, штукатурка осыпалась, а под ногами хрустели осколки стекла. Но даже в этой разрухе чувствовалось былое величие и духовность.

Она долго стояла, погруженная в свои мысли. Кто она? Куда едет? И что ждет её впереди? Вопросы оставались без ответа. Внезапно она услышала шаги и обернулась. На пороге стоял Фёдор.

— Пора ехать, Тыковка. Нас ждут великие дела.

В машине ласкала слух красивая музыка.

— Надька, к обеду заедем в отель, нам нужно привести себя в порядок. Искупаться. Да и мне не помешает горячее, да и тебе тоже. Ты же совсем тростинка. Хотя, знаешь, мне плевать, как выглядит человек, хотя следить за собой, конечно, нужно. Главное — как он мыслит. Я немного введу тебя в курс дела и предстоящих планов. Весной мы двинемся по тайге, сплавливаясь до деревни староверов. Там живут две замечательные старушки, с которыми тебе предстоит познакомиться. Сейчас же наш путь лежит в Омск, затем нас ждёт мой дом, там перезимуем. Я научу тебя премудростям... Ничего не бойся. От меня зла не будет. Я когда тебя впервые увидел, что-то щёлкнуло внутри. Необъяснимое. Хотя я примерно догадываюсь, что со мной произошло в тот момент... Дома твои тебя искать не будут? Предупреди, хочешь — позвони.

— Не будут, — отрезала она. — Родителей нет, меня воспитывала бабушка, её прошлой весной не стало. Одна, как ковыль в поле. Квартиру закрыла, счётчики отключила и вот — еду с тобой, как видишь. Но есть у меня приятель, Димка, я ему всё-таки дала твой номер машины, он в органах работает.

Фёдор расхохотался, у него был заразительный смех.

— Однако, барышня, вы не так просты.

— Внешний вид обманчив, — буркнула Надька.

— Не ворчите, барышня. Моя прекрасная Тыковка.

Он сделал музыку погромче. Дорога вела их в какую-то историю, о которой ей только предстояло узнать.

— Надька, — вдруг снова заговорил Фёдор. — Сегодня первое декабря, давай каждый день будем отмечать праздники!

Надька возразила:

— Это неинтересно совсем — каждый день пребывать в празднестве.

— Согласен, — ответил Фёдор. — Ну, давай не каждый день, а через день?

— Не-а, — махнула головой девушка.

— А давай я познакомлю тебя с родными славянскими праздниками? И вместе мы с тобой встретим Зимнее солнцестояние, весеннее равноденствие, а затем летнее и осеннее... Упф, я, кажется, немного проговорился, — сказал Фёдор. — Не буду забегать вперёд. Ну что, Надежда... как вас там по отчеству? Александровна? Великолепно! А я Фёдор Викторович. Вот и познакомились.

Зимнее солнцестояние: Обновление. Возрождение. Надежда

Надька задумалась. Славянские праздники... Зимнее солнцестояние... В самой этой мысли звучала музыка давно забытых мифов, эхо костров, пылающих в ночной тьме. Что-то притягательное, неуловимое, словно дремлющая память крови, манило её в этой древности. Давно уже зияла в душе пустота, словно вырвали с корнем из родной земли. Городская круговерть, этот ослепительный калейдоскоп фальшивых улыбок и пустых обещаний лишь болезненно подчёркивали её нарастающее чувство отчуждения. Не таилась ли подлинная сердцевина её «я» именно там, в полузабытых обрядах и песнях, словно в древнем ларце, ждущем своего часа?

— Ладно, уговорил, Змей Горыныч, — улыбнулась она. — Будем отмечать твои славянские праздники. Но уговор дороже денег: с тебя — красочный рассказ о каждом празднике. И никаких нудных лекций, только байки из склепа, легенды и придания!

Она и опомниться не успела, как из тоскливой, пропитанной одиночеством осени, вихрем ворвалась в первый день зимы — и рядом с совершенно чужим человеком. Ещё месяц назад она и помыслить не могла о его существовании, даже в самых смелых мечтах.

— Скажи, Надька, — вдруг заговорил Фёдор, — наколдowała меня? Только честно, говори, как на духу. — И улыбнулся лукаво.

Ей нравилась его непосредственность и одновременно ощущаемая за ним надёжная защита. А ему в ней — её задиристый характер, этакая «злючка-колючка». «А может, это шипы от той, прежней жизни? Кто знает...», — подумал Фёдор. Но эта девчонка ему нравилась.

— Моя Монголка, — проговорил он, не отрывая от неё взгляда.

— Это ты о чём? — удивлённо вскинула брови Надька.

— Тыковка, — Фёдор приобнял её за плечи, — мы будем не только праздники отмечать. Ты у меня ещё будешь получать интересные имена.

— Главное, чтобы не прозвища! — прищурилась она.

— Хорошо, буду звать тебя Борода, — Фёдор подмигнул.

— Замётано! — ответил он и, рассмеявшись, прибавил громкость музыки.

В простом, казалось бы, предложении Фёдора Надька неожиданно услышала трепетное обещание чего-то большего, чем просто забаву. Его желание отмечать праздники словно сквозь завесу серых будней пробивалось робкой надеждой на новую, яркую жизнь. На жизнь, наполненную смыслом, традициями, обрядами, в которой она, быть может, впервые обретёт себя настоящую. И даже нарочито-весёлый тон Фёдора не мог скрыть волнения, с которым он ждал её согласия. Это было похоже на протянутую руку помощи, на приглашение в мир, где она, потерявшаяся в суете мегаполиса, сможет найти свой дом.

В полумраке салона автомобиля, под звуки незнакомой, но приятной музыки, слова Фёдора приобрели особый смысл, словно их шептали древние духи дорог. «Наколдовала меня?» — вопрос, прозвучавший просто и искренне, заставил её задуматься. А ведь и правда, разве могла она представить себе ещё месяц назад, что окажется в заброшенном посёлке, в компании незнакомца, направляясь навстречу неизведанному? Может быть, и правда она подсознательно искала именно такой поворот судьбы, чтобы вырваться из замкнутого круга и начать новую жизнь. И Фёдор, словно явившийся из древних легенд богатырь, стал проводником в этот новый мир. Может быть, это и есть колдовство?

Надька смотрела в окно, наблюдая, как за окном мелькают зимние пейзажи. Белые поля, покрытые пушистым снегом, тёмные силуэты деревьев, словно стражи уходящего года. Она чувствовала, как меняется внутри, как страх и сомнение постепенно отступают, уступая место любопытству и надежде. И даже предложенные Фёдором имена, забавные и необычные, вос-

принимались как своеобразный ритуал посвящения в новую жизнь, в которой ей заново предстоит узнать саму себя.

Дорога петляла, уводя всё дальше от прошлой жизни, к новым горизонтам, к новым встречам. Впереди ждали славянские праздники, сплав по таёжной реке и знакомство со староверами. Впереди её ждала настоящая жизнь, полная приключений, открытий и, возможно, любви. Фёдор молчал, управляя машиной, но Надька чувствовала его взгляд, полный тепла и заботы. И в этот момент она поняла, что не ошиблась, доверившись этому странному, необычному, но такому надёжному человеку.

К обеду они добрались до уютного придорожного отеля. Горячий душ, вкусная домашняя еда, мягкая постель — после долгой дороги всё это казалось настоящим раем. Надька с удовольствием потянулась, ощущая, как тело наполняется бодростью и энергией. Фёдор, устроившись напротив, внимательно наблюдал за ней. В его глазах, помимо уже привычного лукавства, промелькнула нежность и какая-то глубокая забота.

— Ну что, Монголка, отдохнула? — спросил он. — Тогда слушай меня внимательно. В Омске я живу в небольшом доме на окраине. Там есть всё необходимое для комфортной жизни: тепло, уют, баня. Зиму проведём там, подготавливаясь к весеннему путешествию. Я научу тебя охотиться, рыбачить, разбираться в травах, ориентироваться в лесу. В общем, всему тому, что может пригодиться в глуши. А весной мы отправимся в тайгу.

— К староверам? — с любопытством переспросила Надька.

— Да, к ним. Это удивительные люди, сохранившие древние традиции и мудрость. Они живут в гармонии с природой, чтят предков и обладают уникальными знаниями. Ты многому сможешь у них научиться. Но главное — там ты сможешь обрести покой и начать новую жизнь. Забудь о прошлом, Монголка. Его больше нет. Есть только настоящее и будущее, которое мы будем строить вместе.

Надька слушала Фёдора, затаив дыхание. Его слова лились ровным, уверенным потоком, словно река, направляющая её к новому берегу. «Забудь о прошлом... Есть только настоящее и будущее, которое мы будем строить вместе». В этих словах звучала твёрдая решимость и бесконечная вера в их совместное будущее. Она вдруг осознала, что впервые за долгие годы почувствовала себя в безопасности. Рядом с этим человеком ей не было страшно смотреть в завтрашний день.

После обеда они снова отправились в путь. Дорога стала извилистой, петляющей между заснеженными холмами и бескрайними полями. Надька, утомлённая дорогой и новыми впечатлениями, задремала. Ей снились странные сны: древние славянские боги, костры, пылающие под звёздным небом, и Фёдор, превратившийся в могучего медведя, охраняющего её сон.

Когда они подъехали к дому Фёдора, уже стемнело. Небольшой, но уютный дом, окруженный заснеженными деревьями, приветливо светился из окна. Внутри пахло свободой и душистыми травами. Надька почувствовала себя как дома, словно вернулась в место, где всегда хотела быть. Фёдор провёл её по дому, показал комнату, где она будет жить, просторную кухню с русской печью и уютную гостиную с камином.

Вечером, сидя у камина, Надька и Фёдор пили горячий чай с травами и разговаривали. Он рассказывал ей о своей жизни, о своих увлечениях, о староверах и о таёжных приключениях. Она же слушала, замороженно глядя на огонь, и чувствовала, как её душа наполняется теплом и надеждой. В этот вечер она поняла, что сделала правильный выбор, доверившись этому необычному человеку. Впереди их ждала долгая и долгая зима. Но вместе они справятся со всеми трудностями и построят новое, счастливое будущее.

Утренний сон Надьки был прерван каким-то переполохом за окном. Выглянув, она увидела молодую, эффектную женщину, оживлённо беседующую с Фёдором. Его сдержанность не могла скрыть нервозности, словно кто-то или что-то нарушало тщательно выстроенные планы. Дверь чёрного авто, блестящего, словно вороново крыло, распахнулась, и на тротуар спрыгнул

вихрастый мальчуган лет четырёх-пяти, а следом — огромный, лохматый пёс неопределённой породы. Надька, если честно, не разбиралась ни в марках этих железных коней, ни в родословных четвероногих. Породистых псов и бездомных дворняжек она всегда невольно ассоциировала с собой.

Рано осиротев, она хранила в памяти лишь зыбкий образ матери — тепло её тонких рук и песню, ввевшуюся в сердце с младенчества, словно заноза: «Плавали уточка с лебедушкой по речке, две одинёшеньки в тумане дней. Искали верного плеча, сердечка, среди тихих заводи и звонких ручейков...» Эти слова, словно призрачное эхо, преследовали её на протяжении всей короткой и непростой жизни. С отцом — вечным странником, блуждающим по миру и отстранённым от её судьбы, — они почти не виделись. Детский дом стал её временным приютом — бабушка, слабая здоровьем, не смогла оформить опеку. Но несколько дней в месяц Надька проводила в родном доме бабушки. В эти дни там частенько также гостили и двоюродные брат с сестрой. Они-то и напоминали Надьке этих надменных породистых псов, а она чувствовала себя выброшенной на обочину жизни дворняжкой. Тётка, мамина сестра, не питала к ней тёплых чувств и не упускала случая кольнуть: «Мама, ты опять её из детского дома забрала?» — с особым ядовитым акцентом на словах «из детского дома», выказывая пренебрежение, граничащее с брезгливостью. «Я бы своих детей вам не доверила». На что бабушка отвечала уставшим голосом: «Зачем пришла? Хочешь — забирай. Для меня они все трое одинаково родные». Брат и сестра в принципе были неплохими, но держались отстранённо, полностью находясь под властью материнского влияния. Вскоре был найден хрупкий компромисс: когда Надька приезжала к бабушке, брата и сестры предусмотрительно не было. И от этого в доме становилось как-то тише и спокойнее — словно утихала внезапная буря. Бабушка, вся поглощённая заботой о маленькой внучке, нежно называла её «моя куропаточка». Почему именно «куропаточка»? Маленькая, беззащитная... Хотя Надька не была слабой — в детском доме выживать было непросто, тем более ей, у которой всё-таки были родственники. В детском доме её считали домашней, а в доме бабушки — детдомовской. Но у неё было два надёжных защитника: родная бабушка и верный друг из детского дома, Димка, готовый драться за Надьку с кем угодно.

Зачем же множим стены меж сердцами, деля детей на своих и на чужих?

Ведь все мы — искры Солнца, в объятьях дней живых.

Мы дети Бога, матери Природы, для них едины,

Под небосводом васильковым, любовью мы хранимы.

Зачем породы выбираем, как дань моде слепой?

В них видим статус, блеск, забыв о доброте простой.

Ведь и в дворняге столько красоты и преданного счастья,

В глазах её — вселенная, минуя все ненастья.

Зачем же меряем друг друга златом да рублём?

В душе важнее клад, что светит тихим огоньком.

Ведь состраданье, милосердие, любовь — богатство истинное,

Оно сияет ярче, чем камень драгоценный, льстивый.

Зачем кумиров создаём из плоти и костей?

В них ищем совершенство, забыв о слабости людей.

*Ведь идеал — лишь призрак, в зеркале кривом играющий,
А ценность в каждом — в уникальности, неповторяющийся.*

*Зачем же гонимся за трендами, меняя маски лиц?
В угоду мнениям чужим, теряем суть крупниц.
Ведь искренность — наряд прекрасный, что не подвластен моде,
Он греет душу, дарит свет, в любой лихой погоде.*

*Зачем твердим, что время лечит, замазывая боль?
Ведь ирамы памяти — уроки, что играют роль.
Они напоминают нам о ценности мгновений,
О том, что жизнь — не только праздник, но и ряд падений.*

*Зачем же прячем чувства нежные, боясь открыть сердца?
Ведь в хрупкости их — сила скрыта, что нет конца.
Любовь, забота, состраданье — вот ключ к взаимопониманию,
Они способны мир преобразить, изгнав все злодеяния.*

*Зачем же ждём, что кто-то явится и счастье принесёт?
Ведь счастье — в нас самих, источник, что в душе живёт.
В умении видеть красоту в простом, в объятиях близких,
В каждом моменте, что дарован, в лучах небесных, чистых.*

В утренней дымке размышлений Надька вернулась на год назад, в ту пору, когда уходила бабушка. Два месяца, багряные от боли и озарённые прощальным светом, перевернули её юный мир, оставив неизгладимый след. Незадолго до конца бабушка объявила о своём решении — оставить свою скромную квартирку Надьке. Слова эти вызвали бурю негодования у дочери и зятя, утопавших в роскоши, но алчно тянувшихся и к этой малости. Бабушка оформила всё по закону, и дело о наследстве было закрыто, словно захлопнутая книга. После одной из особенно горьких ссор с дочерью бабушка слегла, и забота о ней тяжким бременем легла на хрупкие плечи Надьки и сердобольной женщины из соцзащиты. Тётя Вера, социальный работник, как-то сказала Надьке слова, врезавшиеся в память: «Запомни, девочка, никогда не презирай людей, ни в мыслях, ни в поступках, не возвышайся над ними из-за своего положения. Даже самый богатый и могущественный в своей болезни может оказаться во власти бедных рук санитарки, убирающей его немощи». Бабушка ушла на рассвете, с тихой улыбкой на устах, словно освободившись от земных пут. Надька вновь осталась одна в этом мире. Был, конечно, Димка, верный друг, окончивший институт, работавший в органах и недавно женившийся. Он по-прежнему оставался незримым щитом, оберегающим свою подругу Надьку.

Разговор Фёдора с гостьей затягивался. Надька, забыв о приличиях, не сводила глаз с этой сцены, пытаясь угадать, о чём они так оживлённо беседуют. Её внимание невольно переключилось на мальчугана, который весело гонял пса вокруг дома. Звонкий смех ребёнка, переплетаясь с добродушным лаем собаки, серебряным эхом разливался по двору. Неожиданно мальчик споткнулся и упал прямо в сугроб. Пёс тут же подскочил к нему, начал лизать заплаканное лицо, словно утешая. Надька не выдержала и выбежала из дома.

— Ты как, маленький? — спросила она, поднимая мальчика на руки. Личико его было перепачкано снегом и слезами.

— Это Мишка виноват, он меня толкнул, — всхлипнул малыш, показывая на пса.

— Мишка никого не толкал, ты просто не удержался, — возразила Надька, вытирая ему слёзы. Мишка завил хвостом, словно соглашаясь с её словами.

В этот момент к ним подошла женщина. Её лицо выражало явное недовольство вмешательством Надьки.

— Спасибо, я сама разберусь, — холодно бросила она, забирая мальчика у Надьки. В её голосе чувствовались высокомерие и неприязнь. Она окинула Надьку презрительным взглядом, словно оценивая её одежду и манеры.

Фёдор подошёл к ним.

— Знакомьтесь, Надежда, это Лена, моя... давняя знакомая, — неловко произнёс он. Лена окинула Надьку ещё одним презрительным взглядом и, взяв сына за руку, направилась к машине. Фёдор проводил её взглядом, в котором читались растерянность и какая-то обречённость. Он молча вернулся в дом, оставив Надьку в полном смятении. Внутри неё поднялась волна ревности и обиды, смешанных с тревогой и непониманием. Что это было? Кто эта женщина и какое место она занимает в жизни Фёдора? И что теперь будет с их планами на будущее?

Они вошли в дом, и Фёдор, словно предвкушая что-то, начал: «Доброе утро, Надежда Александровна... Надька... Дорогой мой человек... Родная... Тыковка моя... Злючка-колючка... Моя Монголка... Отныне и навеки в этом доме учреждаю традицию: каждое утро я буду приветствовать тебя, прекрасная девица, именно так!»

Надька взглянула на Фёдора с лукавой улыбкой. «Доброе утро, Змей Горыныч... Смотри у меня, не ровен час, отлетит одна из твоих голов... Фёдор, напomini, сколько их у него там? Что-то я запомнила...»

— Право, не знаю, — отозвался Фёдор, пожимая плечами. — Как-то не интересовался до сего момента. Нужно, пожалуй, справки в книгах навести.

— Зубы мне не заговаривай, — прервала его Надька. — Не буду больше задавать тебе глупые вопросы. Захочешь — сам расскажешь. Но мальчуган и Мишка были просто прелестны. И ещё, Горыныч, с этого дня в этом доме рождается ещё одна традиция: я буду готовить тебе завтрак. Так что живо проводи меня на кухню и ознакомь с местными порядками. И ещё кое-что. У меня есть деньги. Я работала, откладывала, да и бабушка небольшую сумму оставила. Так что скажи, сколько я тебе должна за одежду, что я приобрела по твоей карте?

Выражение лица Фёдора мгновенно переменилось: «Ты ничего мне не должна, Надежда, абсолютно ничего». Он посмотрел на неё с какой-то неожиданной теплотой: «В моём доме гостей всегда встречают хлебосольно, ничего не прося взамен. А знаешь, у меня есть одна страсть — я обожаю готовить. Так что иногда злючке-колючке придётся уступить место дяде Фёдору».

И они рассмеялись.

— У меня уже всё готово. Сейчас сварю кофе, и будем уплетать наш вкусный завтрак. Совсем скоро нам предстоит отправиться туда, где кофе пить, увy, нельзя. Так что лови момент, Надька!

За завтраком, в уютной тишине кухни, они старались не вспоминать о недавнем визите. Фёдор, как и обещал, оказался отменным кулинаром. Аромат свежесваренного кофе и румяных оладий с таёжным медом наполнял комнату теплом и уютом. Но в глазах Надьки всё ещё читалось беспокойство. Она чувствовала, что между ней и Фёдором появилось какое-то напряжение, которое он старательно пытался скрыть. Закончив завтракать, они приступили к сборам для лесной прогулки, которая служила своего рода разминкой перед предстоящим большим походом в тайгу. Фёдор извлёк из шкафа тёплую одежду: валенки и объёмный тулуп. Он

детально проинструктировал Надьку о правилах выбора одежды, чтобы избежать переохлаждения в лесу.

А потом Фёдор объявил ей: «Собирайся, едем в магазин. Раз уж ты решила обосноваться на моей кухне, закупим продуктов на неделю. Выбирай всё, что душе угодно для твоего хозяйства». В сердце Надьки от этих слов затрепетала давняя мечта о собственном доме, о возможности выбирать вещи по своему вкусу. Год жизни в бабушкиной квартире она, конечно, потихоньку обживалась, стараясь привнести уют. Но скромная зарплата делопроизводителя и заочное обучение заставляли оставлять многие задумки до лучших времен. И хотя она понемногу откладывала, да и бабушка оставила небольшую сумму, эти деньги лежали нетронутыми, предназначенные для будущей крупной покупки, о которой она пока только мечтала.

«Дядя Фёдор, а можно мне купить всё, что захочется?» — с надеждой спросила Надька. «Конечно, можно», — улыбнулся Фёдор. И они отправились за покупками, предвкушая приятные хлопоты.

В огромном супермаркете глаза Надьки разбежались от изобилия. Она осторожно брала продукты, сверяясь с мысленным списком, который составила по дороге. Фёдор, наблюдая за её смущением, подбадривал: «Бери всё, что нужно! Не стесняйся». Она выбрала несколько сортов мяса, свежую рыбу, овощи и фрукты, которые давно не позволяла себе из-за их высокой цены. В отделе бакалеи её внимание привлекли экзотические специи и ароматные травы. Вспомнив бабушкины советы о целебных свойствах растений, она набрала несколько пакетиков, представляя, как будет готовить ароматные чаи долгими зимними вечерами.

Фёдор с улыбкой наблюдал за её увлечением. Он не вмешивался в выбор Надьки, лишь изредка давал советы о том, какие продукты лучше сочетаются друг с другом. В конце концов, тележка была заполнена доверху. На кассе Надька достала свою банковскую карту, но Фёдор опередил её, расплатившись первым. «Это мой подарок для моей хозяйки», — сказал он, подмигнув. Надька смущённо улыбнулась, чувствуя тепло в груди.

После магазина они вернулись домой и принялись разбирать покупки. Надька с удовольствием раскладывала продукты по полкам, представляя, какие вкусные блюда она приготовит в ближайшие дни. Фёдор помогал ей, рассказывая о своих кулинарных предпочтениях и делясь секретами приготовления различных блюд из таёжных продуктов.

Закончив с продуктами, они стали собираться в дорогу. Надька чувствовала лёгкое волнение перед предстоящей поездкой в тайгу. С одной стороны, её манила неизведанная природа и красота этих мест. С другой, в сердце ещё жила тревога, вызванная недавним визитом Лены и её сына. Она надеялась, что вдали от города и суеты они с Фёдором смогут разобраться в своих чувствах и укрепить отношения.

— Монголка, подойди, мне нужно тебе кое-что сказать. Сегодня, когда закат окрасит горизонт в золотисто-алые тона, мы отправимся в лес. Я покажу тебе моё Капище, и ты станешь свидетелем моего первого праздника. Я сейчас принесу огромную корзину, в которую мы сложим всё, что я прикажу: мёд, круглый хлеб, орехи, конфеты, шоколад, оладьи и кисель. Прямо сейчас я поеду за цветами, но они не для тебя — позже ты поймёшь, для кого. А ты позаботься о нашем обеде и ужине.

— Я уехал, — сказал Фёдор.

Надька не успела и моргнуть, как Фёдор уже направлялся к автомобилю. За эти почти три дня она осознала важную вещь: этот человек всегда делает то, что считает нужным и правильным для себя. Если ты решаешь идти с ним по жизни, ты должна принять его выбор. Мужская мощная воля в доме подчинена только ему. Нет, это не эгоизм — это способность принимать все жизненно важные решения самостоятельно.

Он отсутствовал несколько часов и вернулся с огромным букетом тёмно-алых роз, бутоны которых казались поистине гигантскими. Надька никогда не видела таких прекрасных цветов, и её губы безмолвно замерли, не находя вопросов.

— Борода, вымой руки, тебя будут кормить, — произнесла она.

Она приготовила суп из рыбы, запекла картофель в духовке и сделала свежий овощной салат. Фёдор помыл руки и по-хозяйски вошёл на кухню.

— Славно, Тыковка. По душе. Я тебя научу всем премудростям русской кухни позже, а сейчас с великим удовольствием отведаю твоё угощение.

Он ел с аппетитом и благодарностью.

— Надька, живо убери со стола и переодевайся. Надень потеплее штаны, или что там носят барышни, — сказал он, покраснев от смущения. — В шкафу есть тёплое платье, оно новое, никто его не носил. Надень его и живо вниз. Мы едем на Капище отмечать праздник. Это день славления — день Марены, богини смерти, зимы и увядания.

Некоторые традиции праздника дышали отвагой: чтобы показать, что страх перед Мареной им неведом, люди, словно вызывая саму тьму на поединок, шли к зловещему болоту и с шипением гасили горящие головни в жирной, чёрной трясине, где, казалось, таились сами духи хтони. Праздничный стол ломился от даров земли: румяный кисель, золотистые оладьи, сочная репа и яркая морковь.

Обычно сердце праздника принадлежало Обавнице — ведающей женщине, чьи слова, словно древние заклинания, умирляли Марену: «А ни Мара, ни Морока не осмием славить». Обавница, облачённая в белые льняные одежды, расшитые серебряной нитью, стояла у самого края болота, освещённая пляшущими языками факелов. В её глазах, глубоких и мудрых, отражалось пламя, а голос, когда она начинала петь нараспев своё заклинание, звучал подобно гудению ветра в вершинах древних дубов. Она поднимала руки к тёмному небу, словно вызывая к самым звёздам, шептала слова, наполненные силой и надеждой, отгоняя холод Марены от людских поселений и сердец.

На поляне вокруг болота разворачивалось настоящее пиршество. Смех и песни разносились в ночном воздухе, переплетаясь с мелодичными звуками гуслей. Молодёжь водила хоро-воды, их движения напоминали танец колосьев под ветром, символизируя плодородие и грядущий урожай. Старики, сидя у костров, рассказывали былины о героях прошлого, чьи подвиги вселяли веру в будущее, напоминая о силе рода и нерушимости традиций.

Каждый участник праздника приносил с собой угощение, выражая благодарность земле за её щедрые дары. Хлеб, испечённый из муки нового урожая, символизировал достаток и процветание. Мёд, собранный трудолюбивыми пчёлами, обещал сладость жизни и гармонию. Мясо диких зверей, добытое на охоте, демонстрировало силу и умение добывать пропитание.

Однако веселье никогда не переходило грань дозволенного. В каждом взгляде, в каждом движении ощущалось уважение к силам природы, к древним богам, к памяти предков. Праздник был не просто развлечением, а священным обрядом, укрепляющим связь между человеком и миром, между прошлым и будущим.

Фёдор и Надька, с корзинкой, полнящейся угощением, двинулись к Капищу, словно навстречу древней тайне.

Тропинка вилась между вековых сосен. В прохладном воздухе ещё чувствовался запах прелой листвы и грибов. Над головой, сквозь плотно свитые ветви деревьев, пробивались редкие лучи солнца, раскрашивая землю причудливыми узорами. Надька шла молча, стараясь не отставать от Фёдора, который уверенно прокладывал путь сквозь заросли. Она чувствовала его напряжение, его внутреннюю сосредоточенность. Этот лес был для него не просто местом, а чем-то гораздо большим, чем-то сакральным.

Вскоре деревья расступились, и перед ними открылась небольшая поляна. В центре её возвышалось грубое сооружение из необработанных камней, расположенных в форме круга. Внутри стоял массивный дубовый чур с вырезанным на нём ликом Марены. Вокруг кумира стояли небольшие алтари, на которых лежали подношения: плоды, зерно, цветы. Фёдор оста-

новился, глубоко вздохнул и поставил корзину на землю. Он достал из неё алые розы и бережно разложил их вокруг Марены.

— Здесь я чту предков и богов, — тихо произнёс он, словно боясь нарушить тишину этого места. — Здесь я обращаюсь к ним за мудростью и силой. Сегодня я хочу поблагодарить Марену за её суровость, за умение отбирать старое и давать место новому.

Он достал из корзины круглый хлеб, разломил его на две части и положил на алтарь. Затем вынул горшочек с мёдом и вылил его на землю у подножия кумира. Надька смотрела на всё это с благоговением, чувствуя себя частью чего-то древнего и важного. Она понимала, что этот праздник, этот лес, это Капище — всё это было частью души Фёдора, частью его связи с прошлым. И она, оказавшись здесь, становилась частью этого мира. Надька почувствовала тепло, разливающееся по всему телу. Тепло единения, тепло принятия. Она больше не боялась.

Фёдор обернулся к ней, и в его глазах она увидела нежность и какую-то детскую беззащитность. Он взял её за руку и подвёл к дубовому изваянию Марены.

— Марена, прими эту женщину в свой круг, — произнёс он, и его голос эхом разнёсся по поляне. — Она пришла ко мне не случайно. Она сильна духом и чиста сердцем. Даруй ей мудрость и защиту.

Затем он достал из корзины кисель и олады, разложил их на алтарях вместе с орехами и конфетами. Атмосфера на Капище наполнилась каким-то мистическим умиротворением. Казалось, сами деревья замерли в ожидании, а ветер шептал древние заклинания.

Завершив обряд, Фёдор, словно сбросив груз с плеч, повеселел. Он обнял Надьку за плечи и повёл её к небольшому костру, который заранее развёл на краю поляны.

— Теперь, Тыковка, будем пировать, угощать духов и богов. Ведь праздник — это не только обряды и поклонения, но и радость, и общение.

Они уселись возле костра, греясь в его тёплых объятиях. Фёдор рассказывал Надьке о значении каждой травинки, каждого дерева в этом лесу, о древних легендах и преданиях, связанных с этим местом. Надька слушала, затаив дыхание, погружаясь в мир, который открывался ей с каждой минутой.

Солнце уже клонилось к закату, когда Фёдор вдруг замолчал и пристально посмотрел на Надьку.

— Ты знаешь, почему розы были не для тебя, когда я их привёз?

Надька отрицательно покачала головой, заинтригованная вопросом.

— Эти розы — подношение Марене. Это символ красоты, которая увядает, но дарит свою энергию новой жизни. Это символ принятия неизбежного, которое приносит с собой мудрость и смирение.

Надька почувствовала лёгкий озноб, несмотря на тепло костра. Слова Фёдора звучали зловеще, но в то же время завораживающе. Она понимала, что за этой традицией кроется глубокий смысл, который ей ещё предстоит постичь.

Они сидели молча, глядя на угасающий костёр. Лес постепенно погружался в сумрак, и лишь искры, взлетавшие в тёмное небо, освещали их лица. В этой тишине Надька ощущала особую близость с Фёдором, связь, которая выходила за рамки обычных отношений. Она понимала, что он открыл ей часть своей души, показал свой внутренний мир, который был одновременно прекрасен и страшен.

С наступлением полной темноты они неторопливо уложили свои вещи и отправились в обратную дорогу. Фёдор тащил корзинку, а Надька шла поблизости, смотря себе под ноги, чтобы не запнуться о древесные корни, припрятанные под снежным покровом. В темноте лес казался совсем другим, полным таинственных звуков и теней. Надька чувствовала себя спокойно и уверенно, зная, что Фёдор рядом и защитит её от любых опасностей.

Вернувшись домой, они молча вымыли руки и легли спать. Надька долго не могла уснуть, перебирая в голове события этого дня. Она чувствовала, что что-то изменилось в их отноше-

ниях, что они стали ближе и глубже. Она осознавала, что приняла выбор Фёдора, его мир, его традиции. И она знала, что это только начало их совместного пути, полного приключений и открытий.

«Монголка, спокойной ночи», — бросил Фёдор из своей комнаты. «И да, чуть не забыл, завтра чуть свет уезжаю. Дней на семь, может, десять... Но доброго утра непременно дождусь и пожелаю. Ах да, еще: ты не останешься здесь одна, к тебе приедет Аксинья, тётка Аксинья».

«Кто? Что? Почему? Для чего?» — рой вопросов сорвался с губ Надьки, но Фёдор уже не слышал её. Он скрылся в тиши своей комнаты, где сон, словно мягкое покрывало, уже ждал его, чтобы укрыть от забот дня.

На рассвете Фёдор тихонько вошёл в комнату Надьки, присел на корточки у её постели и долго смотрел на неё глазами, полными нежности и какой-то затаённой грусти. И прошептал: «Доброе утро, Надежда Александровна... Надька... Дорогой мой человек... Родная... Тыковка моя... Злючка-колючка... Моя Монголка... Завтрак сотворишь сама, если потребуются деньги, они на кухне, в буфете, в шкатулке с лисой. И помни, к обеду приедет Аксинья. Не случай, дни пролетят быстро».

Сквозь пелену сна Надька проворчала: «Доброе утро, Змей Горыныч... Сейчас как отрублю тебе одну из голов...»

«Не сердись, я уехал», — тихо сказал Фёдор и вышел из дома, оставив в воздухе едва уловимый аромат одеколона и тяжесть разлуки.

Когда дверь за Фёдором закрылась, Надька окончательно проснулась. Растерянно огляделась в полумраке комнаты, пытаясь собрать ускользающие обрывки сна. Запах его одеколона ещё витал в воздухе, напоминая о его присутствии, о его непредсказуемом характере, о его внезапных отъездах. Она села на кровати, взъерошила волосы и тяжело вздохнула. «Аксинья? Тетка Аксинья? Что за персонаж?» — пронеслось у неё в голове. Она чувствовала себя марионеткой в его руках, которую дёргают за ниточки, не объясняя правил игры.

Нехотя поднявшись с постели, она направилась на кухню. Пусто. Тихо. Только слабый луч солнца пробивался сквозь занавески, освещая пылинки в воздухе. Надька открыла буфет и обнаружила шкатулку, украшенную резной лисой. Внутри лежала пачка купюр и записка, написанная его небрежным почерком: «На расходы. Не стесняйся». Надька усмехнулась. «Не стесняйся», — повторила она про себя. С ним всегда так: щедрость граничит с неожиданностью, а забота — с отчуждением.

Приготовив скромный завтрак, она принялась за уборку дома, пытаясь занять себя и отогнать навязчивые мысли. Вопросы роились в голове: куда он уехал? Почему так внезапно? И кто такая эта Аксинья? Она чувствовала себя брошенной, словно маленькая лодка в бушующем океане. Ей хотелось позвонить ему, но у неё не было его номера телефона.

К полудню Надька вычистила дом до блеска. Усталость немного притупила остроту тревоги. Она присела на диван в гостиной, взяла в руки книгу, но читать не могла. В голове пульсировало лишь одно имя: Аксинья. Она представляла себе сухопарую старуху с пронзительным взглядом и язвительным языком. Или, наоборот, дородную, громкую бабу, которая будет учить её жизни, используя Фёдоровские записки на новые платья.

Ближе к полудню в дверь постучали. Надька вздрогнула и, колебавшись, пошла открывать. В проеме стояла элегантная женщина лет пятидесяти, с короткой стрижкой, открывавшей холёные скулы, и пронзительно-серыми глазами. Безупречно сидящий костюм оттенял её стройную фигуру, а взгляд источал внутреннюю силу, словно за плечами у неё остались неразгаданные тайны.

— Здравствуйте, я Аксинья, — произнесла она, протягивая руку с тонкими, аристократическими пальцами. — Фёдор просил меня присмотреть за вами.

Надька облегчённо выдохнула. Акси́нья оказалась совсем не такой, какой она себе её представляла. В ней не было ни тени надменности или покровительства, лишь спокойствие, участие и любопытство.

— Здравствуйте, проходите, — ответила Надька, распахивая дверь шире. — Я как раз думала, чем вас угостить.

— Давайте знакомиться, я старшая сводная сестра Фёдора. Коли он меня тёткой Акси́ней величает, так и я ему в ответ — дядя Фёдор, не иначе.

— Приятно познакомиться, меня зовут Надька.

— Какое красивое имя, — мягко сказала Акси́нья.

— Вот и познакомились. Акси́нья, можно я буду звать вас Саней?

— А почему бы и нет? Зови меня так, Надька. Саня мне нравится.

На тот момент Надька и сама не догадывалась, что имя Саня для Акси́нии было не просто прозвищем. Под этим именем она блистала на гоночных трассах, искусно управляя болидом. Фёдор, оберегая Надьку от лишних волнений, умолчал об этой стороне жизни своей эксцентричной сестры. Откуда же эта юная девушка узнала?

Акси́нья, не торопясь, прошла в ванную комнату, вымыла руки.

— Как же у тебя здесь чисто, — заметила Акси́нья, с удовольствием оглядывая сияющую кафелем ванную. — Давно в этом доме не было такой чистоты. Я, с твоего позволения, поднимусь на второй этаж, в гостевую комнату. Я обычно там располагаюсь. И давай выпьем с тобой по кофейку.

И Надька с Акси́ней одновременно произнесли:

— Ведь совсем скоро мы двинемся в тайгу, и там нам не удастся испытать этого благословенного напитка.

Акси́нья отнесла свои немногочисленные вещи и быстро спустилась к Надьке. Акси́нья была необыкновенно хороша, её спортивная фигура сохранила плавность женственных очертаний. Ей можно было дать и пятьдесят, и тридцать. И глаза... да, у них с Фёдором были одинаковые глаза.

Акси́нья, словно прочитав мысли Надьки, улыбнулась.

— Все верно, глаза у нас с дядей Фёдором одинаковые. Давай присядем, и я тебя немного введу в курс дела. Наверняка мой братец не сказал, куда он пропал на эти дни. Они уехали на праздник кузнецов. Мой супруг — кузнец, его зовут Илья. У нас с ним два сына, Макар и Иван. Они тоже кузнецы. А я — домохозяйка и, по совместительству, занимаюсь автогонками. Так что наши мужчины уехали — пусть едут, а я приехала к тебе, чтобы не скучать. Да и вообще, мне порядком надоела эта мужская братия. Елена приезжала с сыном, слышала, и Мишку притащила. Эта собака Фёдора, но при расставании Мишка остался с ними. Уж очень он полюбился маленькому сынишке Матвейке. Да, Елена с Фёдором прожили буквально год-полтора. Я её не осуждаю, характер моего дяди Фёдора не каждая выдержит. Вот и кофе поспел, ну же, проходи, Надька, давай ещё поговорим.

Надька слушала рассказ Акси́нии, зачарованно наблюдая за её жестикуляцией и слушая сочный, чуть хрипловатый голос. Акси́нья говорила просто и откровенно, словно они знакомы тысячу лет. Надьку поражала её легкость и какой-то внутренний свет, который исходил от этой уверенной в себе женщины. Она невольно задумалась о том, что же такого особенного в Фёдоре, что вокруг него собираются такие неординарные личности.

— Знаешь, Надька, не стоит ждать от дяди Фёдора логичных объяснений, — прервала ход её мыслей Акси́нья, словно прочитав их. — Он живёт так, как чувствует, повинаясь своим внутренним порывам. Он человек настроения, человек-стихия. С ним сложно, но с ним никогда не бывает скучно. Главное — не пытаться его переделать, а принимать таким, какой он есть. И тогда... тогда можно увидеть всю красоту его души.

После кофе Аксинья предложила прогуляться по окрестностям. Надька с радостью согласилась, ей хотелось узнать о Фёдоре как можно больше. Они долго бродили по лесу, разговаривая обо всем на свете. Аксинья рассказывала о детстве Фёдора, о его страсти к природе, о его увлечении древними традициями. Она вспоминала забавные истории из их общей жизни, смешные случаи и трогательные моменты.

У Аксиньи и Фёдора была общая мать, но разные отцы. Фёдор, материнская гордость, с юных лет нес бремя ответственности за семью, помогая по хозяйству и при этом преуспевающая в учёбе. Школу окончил с блестящим аттестатом. Затем была армия, потом пекло войны, опалившее его душу. Он вернулся домой другим человеком — угрюмым, словно вырванным из реальности, не находящим себе места в привычном мире. Но материнская любовь, поддержка старшей сестры и верность боевых товарищей помогли ему открыть цех по изготовлению мебели. В отношениях с женщинами он был нерешителен, искал родственную душу, ту, что поймёт его не только с полуслова, но и с полувзгляда. Не прислугу, нет, ему нужна была родственная душа, равная ему в паре, где мужчина — добытчик, а женщина — воплощение мудрости, нежности и тихая гавань.

После ужина, устроившись поудобнее в гостиной, Надька поведала Сане о своей юной, но уже полной испытаний жизни. В этот момент Аксинья обняла её, словно родную дочь, прижала к себе с материнской теплотой.

— Знаешь, Наденька, мне всегда хотелось дочку, — промолвила она. — Две невестки у меня есть, девки вроде неплохие, да вот языка общего с ними найти не могу. Четыре внука есть.

— Ого! — удивилась Надька.

— Да, настоящее мужское царство, — усмехнулась Аксинья. — А с тобой, Надька, я как с дочкой. Мне очень приятно твоё общество. С невестками такого душевного единения нет. Ничего страшного, я держу дистанцию. Может, дело во мне, в моём болтливом языке. Но зла в моих словах нет. Они живут своей жизнью, а мы с моим кузнецом — своей. Мой как Сварог, а я его матушка Лада, — рассмеялась Аксинья. — Надька, хочешь, я приоткрою тебе несколько секретов?

— Говорите, — ответила Надька, заинтригованная.

— Фёдор просил передать тебе номер его телефона. Если честно, мне непонятно, что ты здесь делаешь, милое дитя, — продолжила Аксинья, понизив голос. — Сюда он никого не пускает, ты первая женщина, которую он впустил в свой дом. Елена жила с ним в его городской квартире.

— Ого, — повторила Надька, поражённая.

— Да, наш дядя Фёдор удивляет меня всё больше и больше, — подтвердила Саня. — Он делает мебель для дома. Красивую интерьерную мебель. Увлекается народными традициями, помогает народным коллективам и очень любит деревню староверов в тайге. Мы все вместе для чего-то должны туда попасть. Я со своим мужем и сыновьями и ты, Надька. Навестить каких-то двух бабушек. Надя, я ничего до точности не знаю. Может, ты мне скажешь, в чём дело? Хотя мне и нравится это наше предстоящее путешествие.

— Саня, я тоже ничего не знаю. Да и вашего дядю Фёдора я знаю чуть меньше недели, — развела руками Надька.

— Чего вдруг спалила? — усмехнулась Саня. — Вот те дела. Осталось ещё больше вопросов, и всё меньше ответов. Ну, ты, Надежда, не бойся, я тебя в обиду не дам.

— Спасибо вам, Саня, но я и сама смогу отбиться от нашего дяди Фёдора, — с улыбкой ответила Надька.

— Надь, с твоего позволения, я поднимусь в свою комнату. Запиши в свой телефон номер дяди Фёдора, — сказала Саня, поднимаясь по лестнице. И уже почти у самой двери добавила:

— Твой Змей Горыныч улетел делать очередную татуировку.

— Чего? — не поняла Надька. Но Саня уже скрылась в своей комнате.

У Надьки голова шла кругом от такого количества информации, выданной Аксиньей. «Мне кажется, Фёдор специально её прислал, чтобы она всё объяснила», — подумала она.

Надька достала телефон и с сомнением уставилась на чистый экран. «Делать татуировку?» — эхом отдавалось в голове. Она представила Фёдора в тату-салоне, окружённого брутальными мастерами и эскизами драконов. Ей стало одновременно смешно и неловко. С одной стороны, этот образ совершенно не вязался с тем Фёдором, которого она успела узнать: заботливым, немногословным, с нежными утренними прощаниями. С другой — она понимала, что за этой маской скрывается что-то большее, что-то дикое и непредсказуемое. Всё-таки, послушав совета Сани, она вбила номер Фёдора в телефонную книгу, подписав контакт: «Змей Горыныч».

Перед сном Надька долго ворочалась, не в силах уснуть. Она вспоминала слова Аксиньи, её рассказы о Фёдоре, о его страсти к народным традициям и о загадочной деревне староверов в тайге. Зачем Фёдору понадобилось везти их туда? Что там такого особенного? И кто эти две бабушки, которых нужно навестить? Вопросы роились в голове, не давая покоя. Наконец, утомленная бесконечными размышлениями, она провалилась в беспокойный сон.

Утром Надька проснулась с ощущением лёгкой тревоги. Она чувствовала, что впереди её ждёт что-то новое, неизведанное. Она вышла на кухню, где Аксинья уже вовсю хлопотала над завтраком. Аксинья, увидев Надьку, приветливо улыбнулась: «Доброе утро, Надька! Как спалось?» Надька в ответ лишь пожала плечами. «Слишком много мыслей в голове», — честно призналась она. Аксинья понимающе кивнула. «Ничего, всё образуется. Главное — не бояться», — сказала она, протягивая Надьке чашку ароматного кофе. — Сегодня мы поедем в одно интересное место. Но сначала позавтракаем».

После завтрака Аксинья и Надька отправились в путь. Аксинья вела машину уверенно и плавно, словно рождённая для скорости. Надька с интересом разглядывала окрестности, наслаждаясь красотой зимнего пейзажа. «Куда мы едем?» — спросила Надька, нарушая тишину. «Увидишь, — загадочно ответила Аксинья, не отрывая глаз от дороги. — Тебе понравится». И действительно, то место, куда они приехали, поразило Надьку своей красотой и необычностью. Это был заброшенный аэродром, где стояли старые самолёты и вертолёты, словно застывшие во времени. Начиналось что-то новое.

Аксинья остановила машину у ангара, распахнула дверцу автомобиля и, подмигнув Надьке, сказала: «А сейчас самое интересное!» Внутри гаража их ждал сюрприз — ярко-красный гоночный болид, сверкающий гляncем свежей покраски. Надька ахнула от восторга, не ожидая увидеть такое чудо в столь неожиданном месте.

«Ну что, прокатимся?» — лукаво спросила Аксинья, доставая из багажника два гоночных шлема. Надька, не раздумывая, кивнула. Она всегда мечтала о скорости и адреналине, и сейчас ей выпадала уникальная возможность испытать это. Аксинья умело усадила её в кресло пилота, помогла застегнуть ремни безопасности и провела краткий инструктаж. Звук мотора, взревшего под сводами ангара, заставил сердце Надьки биться чаще.

Они выехали на расчищенную от снега взлётную полосу, и Аксинья нажала на газ. Болид рванулся вперёд, набирая скорость. Ветер свистел в ушах, а пейзаж за окном сливался в одну размытую полосу. Надька чувствовала, как в кровь вливается адреналин, и на лице расцветала счастливая улыбка. Аксинья виртуозно управляла машиной, выписывая головокружительные виражи и заставляя Надьку то задыхаться от страха, то смеяться от восторга.

Катались они долго, пока солнце не начало садиться. Вернувшись в ангар, Надька с трудом выбралась из болида, чувствуя приятную усталость во всём теле. «Спасибо, Саня! Это было невероятно!» — воскликнула она, обнимая Аксинью. «Это тебе спасибо, за компанию!» — ответила Аксинья, улыбаясь. — А теперь пора возвращаться домой. Совсем скоро нас ждёт тайга». На обратном пути Надька думала о том, как же ей повезло встретить такую необычно-

венную женщину, как Акси́нья. И о том, что её ждёт впереди, в таинственной деревне староверов.

После ужина Надька и Акси́нья не стали засиживаться допоздна. Разбредлись по своим комнатам, словно тени. Надька, прихватив телефон, торопливо набрала сообщение Фёдору: «Эх ты, Горыныч... Нарушил свою святую традицию. А говорил: «С добрым утром» — как штык!» Отправив послание, сердито отключила телефон. Мгновение спустя пришла SMS: «Горыныч забыл голову... Вы же ему, матушка, на днях её отрубили, а новая ещё не в курсе дел...», — ответил Фёдор.

«Спокойной ночи», — промурлыкала Надька.

«Добрых снов, Тыковка», — отозвался Фёдор.

Наутро телефон разразился лавиной сообщений: «Доброе утро, Надежда Александровна... Надька... Дорогой мой человек... Родная... Тыковка моя... Злючка колючка... Моя Монголка...»

И следом другое: «Сегодня в полдень буду звонить. Будь на связи!» Ровно в полдень зазвонил телефон, и голос Горыныча показался чужим, искажённым болью: «Надька, как же мне больно... Выйди на улицу и кричи во все горло!»

Не раздумывая ни секунды, Надька выскочила на улицу и заорала: «Горыныч, а-а-а-а-а-а-а-а!»

В трубке повисла тишина. «Горыныч, не молчи, миленький! Говори, что происходит!» — взмолилась она.

«Надька, кричи, ори во всё горло!»

И Надька закричала — А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А! — так, что переполошила всю округу. Птицы, дремавшие вороны, встрепенулись и присоединились к её крику.

«Всё, родная, заходи в дом. Мне полегче», — сказал он и отключился. Надька, как ошпаренная, влетела обратно в дом.

«Надя, с тобой всё в порядке? Почему ты кричишь?»

Надя улыбнулась, словно безумная, и еле слышно пробормотала: «Горыныч велел кричать... Этот ваш дядя Фёдор...»

В это время Фёдор корчился в кресле тату-мастера. Ему набивали сложную татуировку на груди. Человек, не привыкший отступать, вдруг почувствовал такую обжигающую боль, какой ещё не знал. Он, конечно, примерно догадывался, что будет нелегко, поэтому и предупредил Надьку быть на связи ровно в полдень. И когда она поняла его без слов и закричала так, что сквозь километры до него донёсся этот отчаянный крик, Фёдор и правда почувствовал облегчение. Его Тыковка... Она — его исцеление от любой боли.

Акси́нья окинула Надьку долгим, пронизательным взглядом. «Что-то здесь нечисто, — промелькнуло в её глазах. Она подошла к Надьке и взяла её за руку. — Наденька, милая, присядь. Расскажи мне всё, как есть. У меня сердце не на месте». Надька, всё ещё дрожащая от пережитого, подчинилась. Она подробно изложила Акси́нье утреннюю переписку и телефонный разговор с Фёдором, не утаивая ни единой детали. Акси́нья слушала молча, с нахмуренными бровями. Когда Надька закончила, Акси́нья глубоко вздохнула. «Вот оно что... Татуировку он делает! А я-то думала...» — Она замолчала, словно раздумывая, стоит ли продолжать.

«Что вы думали, Акси́нья?» — нетерпеливо спросила Надька. Акси́нья снова вздохнула. «Дело в том, что дядя Фёдор наш — человек сложный. Очень сложный. Он много чего в себе держит. И татуировки для него — это не просто украшение тела. Это... способ выразить то, что словами не скажешь. Болью заглушить другую боль. Физической болью — душевную». Все бури, что терзали душу Фёдора, он хранил за семью печатями, ни единым словом не выдавая своих терзаний родным.

Потянулись часы ожидания. Надька не находила себе места. Она то и дело поглядывала на телефон, боясь пропустить звонок от Фёдора. Акси́нья старалась её успокоить, рассказывая

забавные истории из жизни дяди Фёдора, но безуспешно. Наконец, ближе к вечеру, телефон зазвонил. На экране высветился номер Змея Горыныча. Надька судорожно схватила трубку и прижала её к уху: «Фёдор, ты как?» «Жив, Тыковка. Почти как новенький. Спасибо тебе».

«Что с татуировкой?», — робко спросила Надька. В трубке на мгновение повисла тишина, а потом Фёдор вздохнул: «Там... долгая история. Увидишь — расскажу. Главное — я теперь знаю, что ты всегда будешь рядом. Даже если я в другом городе, и мне больно». Надька почувствовала, как слёзы подступают к глазам: «Я всегда буду рядом, Фёдор. Всегда». Разговор прервался, связь была плохой.

Аксинья наблюдала за Надькой с сочувствием. «Ну что, полегче?», — спросила она, когда Надька опустила телефон. Надька кивнула, вытирая слёзы: «Странный он, этот Фёдор. Очень странный. Но... родной». Аксинья улыбнулась: «Это самое главное. Главное, чтобы человек был родным. Тогда всё можно пережить».

Вечером Аксинья достала из старого сундука толстую книгу в кожаном переплёте: «Вот, почитай. Может, хоть немного поймёшь, что у Фёдора в голове творится. Это книга его деда, знахаря. Там много про травы, про обряды разные... Фёдор очень этим интересуется». Надька взяла книгу с опаской. Страницы были пожелтевшими, шрифт — старинный, с ятями и фитами. Но она открыла её на случайной странице и начала читать. И чем больше она читала, тем больше понимала, что Фёдор — это не просто заботливый и немногословный мужчина. Он — часть чего-то большего, древнего, загадочного.

Ночь прошла в чтении. Надька погрузилась в мир трав, заговоров и народных преданий. К утру она чувствовала себя немного просветлённой. Книга деда Фёдора оставила в её душе неизгладимое впечатление. Она поняла, что Фёдор — это не тот человек, которого можно понять до конца. Он — тайна, которую нужно разгадывать всю жизнь. И эта тайна её безумно привлекала.

Утром Аксинья застала Надьку спящей за столом, с книгой деда Фёдора в руках. Надька спала так крепко, что Аксинья не решилась её будить. Тихонько прикрыла книгу, накрыла Надьку пледом и вышла из комнаты. На кухне она заварила крепкий чай и задумалась. Что-то подсказывало ей, что поездка в тайгу будет непростой. Фёдор не случайно позвал их с собой в деревню староверов. Видимо, ему нужна была помощь. И Надька, судя по всему, уже стала частью его жизни, частью его тайн.

Ближе к полудню Надька проснулась, чувствуя себя отдохнувшей и полной сил. На кухне её ждал горячий завтрак и улыбающаяся Аксинья. «Ну, как спалось, ученица знахаря?» — поддразнила её Аксинья. Надька лишь улыбнулась в ответ. «Я думаю, мне ещё учиться и учиться», — сказала она, беря в руки чашку с чаем.

После завтрака Аксинья предложила Надьке прогуляться по окрестностям. Зимний лес был тих и прекрасен. Снег искрился на солнце, а воздух был свежим и морозным. Они шли молча, наслаждаясь красотой природы. Вдруг Аксинья остановилась и указала рукой на небольшую поляну, усыпанную еловыми шишками. «Здесь часто бывают зайцы», — сказала она. Надька огляделась. Ей казалось, что за ними кто-то наблюдает. «Мне кажется, здесь не только зайцы», — прошептала она. Аксинья внимательно посмотрела на Надьку. «Чувствуешь?» — спросила она тихо. Надька кивнула.

Звонок телефона ворвался в хрупкую тишину их прогулки, словно осколок стекла. Фёдор. Его голос, пробиваясь сквозь треск помех, звучал взволнованно, но решительно: «Тыковка, скоро буду. Начинаем готовиться к отъезду». И связь оборвалась, оставив после себя лишь сиротливое эхо, застывшее в воздухе. Аксинья и Надька обменялись встревоженными взглядами. «Ну что, пора?» — прозвучал вопрос Аксиньи, в голосе которой уже плескалось предчувствие неизбежного. Надька молча кивнула, ощущая, как внутри поднимается терпкая волна нетерпения, смешанного со сладостным страхом. До весны ещё были долгие месяцы, но она уже манила, дразнила таёжными далями, затерянной среди вековых лесов старообряд-

ческой деревенькой, неизведанными тропами, обещавшими приключения. Её сердце билось в груди, словно пойманная птица, стремясь вырваться из тесной клетки ожидания навстречу манящей, неизведанной свободе. Она рвалась ей навстречу, не ведая одной простой истины: от себя не убежать.

— Надь, а давай завтра рванем в Кафедральный собор Успения Пресвятой Богородицы? Покажу тебе Омск. По легендам это Асгард, а для меня — просто любимый город, пропитанный запахом детства. Дядя Фёдор знает тут каждый камень, каждый уголок, все окрестности исходил вдоль и поперёк, — щебетала Акси́нья, подталкивая подругу локтем. — Послезавтра наши вернутся.

— Как — послезавтра? — искренне удивилась Надька. — А Горыныч сейчас ничего не сказал... Не успел, видимо...

— Да твой Горыныч... Вечно где-то в облаках летает, хорошеньким девушкам головы морочит, — поддразнила Акси́нья, игриво прищурившись.

Надька, словно спелый мак, зарделась, густо залившись краской, и тщетно пыталась удержать трепетную улыбку, вспыхнувшую бабочкой на щеках. Фёдор вернулся, как и обещал, через несколько дней. Он приехал вместе с мужем и сыновьями Акси́ньи — могучие, статные мужчины, истинные богатыри, словно сошедшие со страниц былин.

— Ого! Три богатыря! — невольно вырвалось у Надьки.

— Всё верно, — подтвердила Акси́нья, лукаво посматривая на Фёдора. — Наш дядя Фёдор против них — так, сморчок.

— Я всё слышу, тётка Акси́нья! — отозвался дядя Фёдор, прищулив хитрые глаза.

Надька не могла оторвать взгляд от этих внезапно появившихся великанов. Неразговорчивые богатыри, их энергичная мать и жена Акси́нья... Она принялась хлопотать на кухне, создавая для них щедрый, гостеприимный обед, состоящий из множества аппетитных блюд. И лишь под вечер, когда солнце стало клониться к закату, окрашивая небо в багряные оттенки, они наконец-то остались вдвоём — Надька и Змей Горыныч.

«Надька, помоги, пожалуйста, — прохрипел Фёдор, словно каждое слово давалось с трудом. — Еле вытерпел это хлебосольное застолье моей тётки Акси́ньи...» Он проковылял в ванную на первом этаже, сбросил свитер, следом полетела и футболка. На груди алела свежая татуировка, словно выжженный узор. «Нужно смазать мазью... Надька, здесь, на груди, больно... не передать. Рука, нога — совсем другое, но это... только между нами». Он замолчал, а потом выпалил: «Знаешь, Надька, я люблю свою тётку Акси́нью... она такая... замечательная».

Надька вздохнула. «Я поняла тебя, Горыныч. Буду помалкивать. Особенно о том, что происходит в этом доме... и между нами». Федя взглянул на неё с неожиданной нежностью: «А моя Монголка мудра не по годам».

— Фёдор, скажи, сколько тебе лет? — с любопытством в голосе спросила Надька.

— Тридцать два, — отозвался Горыныч, в его взгляде промелькнула искорка веселья.

— Да ладно...?! — Надька всплеснула руками, изображая крайнюю степень удивления. — Мне казалось, больше!

— Ну и сколько же мне лет тогда, колючка ехидная? Признавайся!

— Сто пятьдесят, ворчун старый, — парировала она, лукаво прищурившись.

Фёдор усмехнулся, поглаживая бороду.

— Знаешь, Надь, а ведь ты права... В душе я и правда старый дед.

В преддверии Зимнего солнцестояния, когда леденящая тень Карачуна, мрачного владыки, чьё имя шепчут как Чернобог, сгущается над землёй, наступает день зимнего солнцестояния. В этот день Зимнего солнцестояния, когда стылый шёпот ледяного ветра пробирал до самой души, Фёдор и Надька встретили рассвет на древнем Капище. Кратчайший день года, будто застывший во времени, наполнился для них особенным теплом среди заснеженных просторов.

На Капище, окутанном хрустящим саваном снега, витала звенящая тишина, прерываемая лишь шёпотом ветра в кронах застывших сосен. Деревья, словно древние стражи, облачённые в ледяные доспехи, хранили неисчислимые тайны, а воздух был наполнен ощущением вневременности. Фёдор привёл Надьку сюда, в сердце заповедного покоя, веря, что в этом месте силы их души смогут говорить без слов. Медленно, благоговейно они обходили священный круг, касаясь озябшими ладонями шершавых, обледенелых камней. Надьке казалось, что сквозь ледяную кору гранита она ощущает глубинную пульсацию жизни, древнюю, первобытную энергию, пронизывающую каждый атом этого места.

Фёдор остановился у подножия древнего деревянного чура, почерневшего от времени. Лик божества, изъеденный ветрами и морозами, казался одновременно пугающим и исполненным вековой мудрости. Он попросил Надьку закрыть глаза и раствориться в тишине, прислушаться к голосу сердца. И в Надьке поднялась волна щемящей тоски, смешанной с трепетным предчувствием грядущих перемен. Она почувствовала, как Фёдор берёт её руку в свою. Его ладонь, тёплая и шершавая, словно кора векового дуба, вселяла уверенность и спокойствие.

Солнце, робко выглянувшее из-за морозного горизонта, окрасило снежный покров в нежные розоватые тона. Фёдор поведал Надьке о сакральном значении Зимнего солнцестояния, о вечной борьбе света и тьмы, о неугасающей надежде на возрождение. Он говорил о том, что даже в самые беспросветные времена нужно верить в свет, который неизменно возвращается, изгоняя холод и мрак. Надька слушала его, затаив дыхание, и ей казалось, что она слышит не только слова, но и древний голос самой земли, что вещает через Фёдора, касаясь самых потаённых уголков её души.

Затем они развели у подножия Капища небольшой костёр. Пламя, жадно пожирая сухие ветки, танцевало причудливые тени на заснеженных деревьях, отгоняя мрак заблудшей ночи. Запах дыма смешался с морозной свежестью воздуха, создавая неповторимую атмосферу таинства. Фёдор достал из сумки термос с горячим травяным чаем и деревянные кружки. Надька с благодарностью приняла согревающий напиток, чувствуя, как тепло разливается по всему телу, прогоняя остатки зимней стужи. Они молча сидели у костра, наблюдая за пляской огня, и в этом молчании было больше смысла, чем в любых словах.

Когда костёр начал догорать, Фёдор достал небольшой кожаный мешочек. Развязав его, он извлёк два маленьких амулета, искусно сделанных из серебра. Один изображал коловрат — символ солнца и вечного движения, другой — ладинец, оберег женского счастья и плодородия. Фёдор протянул ладинец Надьке. «Это тебе, — сказал он тихо. — Пусть он хранит тебя и приносит удачу во всех начинаниях». Надька приняла амулет с трепетом, чувствуя, как его тепло согревает её ладонь.

После они вернулись домой в тишине, озарённые лишь светом звезд и луны. Внутри Надьки что-то изменилось. Капище, ритуал, слова Фёдора — всё это переплелось в сложный узор, оставив в душе глубокий след. Она чувствовала, что готова к тайге, к любым испытаниям. Зима — это время внутренней работы, время, когда нужно набираться сил, чтобы с приходом весны расцвести с новой энергией.

Ночью Надька снова долго не могла уснуть. Она лежала в постели, всматриваясь в тени, танцующие на потолке, и думала о Фёдоре, о его словах, о древних символах, о предстоящей поездке к староверам. Сердце её билось в унисон с тихим перезвоном ветра за окном, напевая мелодию надежды и предвкушения. Она знала, что впереди её ждут новые приключения, новые встречи, новые открытия. И она была готова к ним, потому что рядом был Фёдор, её Горыныч, её проводник в мир тайн и загадок, её верный друг и, возможно, нечто большее.

*В преддверии Зимнего солнцестояния,
Когда земля под хрусталём безмолвно спит,
В лесном святилище, в обители молчания,*

Мы собрались, отринув мира быт.

*Под сенью сосен, в полумраке чар,
Где вечность дремлет в камне поседевшем,
Сплелись сердца, объятые пожаром,
Забыв о прошлом, лишь душой взлетившие.*

*Карачун в двери ледяные скребётся,
Метель поёт сказания седые,
И в звёздном небе искрами смеётся,
В костре пылает кровь, огнём повита.*

*Вокруг костра танцуют наши души,
В сплетении теней давно ушедших,
И ветры шепчут вечные ступени,
О тайнах, прежде миром не изведанных.*

*Забыты имена и все мирские званья,
Единый дух нас здесь соединяет,
Мы — дети Рода, верные Создателю,
И вера предков духом окрыляет.*

*Пьём хмель забвенья из чаши круговой,
Чтоб с миром тонким нитью породниться,
И слышим голос мудрости седой,
Чтоб в жизни новой светом озариться.*

*Пусть мрак отступит, солнце вновь родится,
И тьма отступит пред лучом рассвета,
И новый год надеждой заискрится,
Для тех, кто верен Роду без ответа.*

*Огнём очистим души наши трепетные,
Чтоб стать достойными наследниками славных.
И вспыхнет вновь любовь, огнём согретая,
К земле родной, вскормившей нас исправно.*

*И связь времён упрочится в ночи,
Когда Зимний Солнцеворот настанет.
Мы — дети света, сильные, речистые,
И предков дух нам путь благословит и освещает.*

Как и обещал Фёдор Надьке, их ждала череда праздников, славянских и народных — какая разница, все они дети великой России-матушки. Вслед за Карачуном отметили Коляду — солнце-младенец, в славянской мифологии — воплощение новогоднего цикла. Коляда — поворот Солнца на весну — праздновался в период Больших зимних святок. Славяне ликовали, когда день прибавлялся «на воробыный скок», и зимняя тьма начинала отступать. Декабрь, в народе прозванный Студнем, щедро одаривал праздниками.

Новый год Фёдор и Надька встретили в кругу семьи тётки Аксины. В их просторном и уютном доме буквально всё дышало железом, каждый предмет нёс на себе отпечаток кузнечного мастерства. Не зря в этом царстве обитали три кузнеца: отец и два сына, молотом и огнем творящие чудеса. Невестки тётки Аксины, две современные девушки, оживляли этот патриархальный уклад. В семье старшего сына кузнеца было уже трое крепких сыновей, в семье младшего подрастал маленький сынок. Надька с удивлением и теплотой смотрела на этих простых, добрых и радушных людей, словно обретая новую, большую семью.

Незадолго до торжественного боя курантов, возвещающих наступление Нового года, который Фёдор, живущий по своему календарю, не любил, но свято чтит традиции своей огромной семьи, Аксинья поманила Надьку к себе.

— Ну, рассказывай, как вы там с моим братцем сблизились?

— Не понимаю, о чём вы, — растерянно переспросила Надька.

— Ну как же, о чём? Вы вместе, как мужчина и женщина...

Надьке стал неприятен этот откровенный разговор, и словно в ответ на её смущение зазвонил телефон. Фёдор вскинул бровь. Ему явно не понравился этот звонок. Да и кто мог беспокоить его Монголку в канун праздника? На том конце провода был её друг, Димка.

— Надька, ты куда пропала? Представляешь, я стал отцом! У меня родилась дочь, и я назвал её Надеждой!

— Здорово как, — искренне сказала Надька. — Поздравляю!

— Димка, у меня всё хорошо, не переживай, — поторопилась она закончить разговор.

— Я знаю, — уклончиво ответил Димка.

— Откуда? — удивилась Надька.

— Навёл справки, воспользовавшись своим служебным положением. Эх ты... Надь, ну прости, с Новым годом, мне пора.

— Спасибо, Димка.

Горыныч, испепеляемый ревностью, курил одну сигарету за другой. Он подошёл к ней, словно хотел что-то спросить, но так и не решился.

— Это Димка был. У него дочка родилась, Надеждой назвал.

Фёдор посмотрел на неё долгим, пронзительным взглядом и тихо произнёс:

— А ты моя Надежда, моя Надька...

Аксинья, наблюдавшая за этой сценой, никак не могла взять в толк. Ведь любят друг друга, видно же невооружённым глазом, но всё у них почему-то сложно, запутано. Ох уж этот Змей Горыныч, дядя Фёдор! Точно многоголовый: попробуй разберись, что там в этих головах творится.

Запах хвои и мандаринов смешивался с ароматом свежеспечённого хлеба и дыма из кузнечного горна, создавая неповторимую атмосферу праздника. Надька ощущала себя частью чего-то большего, чем просто встречи Нового года. Она чувствовала себя частью рода, связанного кровью и общими корнями. Слова Фёдора, простые и искренние, затронули самые глубокие струны её души: «А ты моя Надежда...» В них было столько нежности и одновременно силы, что Надька невольно покраснела.

Аксинья же, не дождавшись объяснений, покачала головой и, словно желая разрядить обстановку, громко предложила всем налить по рюмочке домашней настойки. Застолье про-

должалось шумно и весело. Пели песни, рассказывали байки, шутили. Надька слушала всё это с интересом, стараясь запомнить каждое слово, каждое выражение лиц этих удивительных людей. Она понимала, что попала в мир, где традиции жили не только в книгах, но и в сердцах.

Когда куранты начали отсчитывать последние секунды старого года, Фёдор взял Надьку за руку. Его взгляд по-прежнему был серьёзным и пронзительным. Он не произнёс ни слова, но в его глазах Надька прочитала целую историю. Историю любви, боли, надежды и веры.

Новый год вступил в свои права, принеся с собой новые надежды и ожидания. Фёдор и Надька стояли рядом, держась за руки, и смотрели в ночное небо, усыпанное звёздами. В этот момент они оба чувствовали, что их судьбы переплелись навсегда. Впереди их ждал долгий и трудный путь, но они знали, что вместе смогут преодолеть любые препятствия.

Аксинья, наблюдая за ними из окна, тихо улыбнулась. Она знала, что любовь — это великая сила, способная творить чудеса. И верила, что эта любовь поможет Фёдору и Надьке найти своё счастье.

Весеннее равноденствие в тайге: там, где молчит город, говорит природа

*Весна-девица юная и нежная,
В саду расцвёл подснежник белоснежный.
Любовь даря, в весеннем танце грешном,
Накинув свой платок надежды безмятежный.*

*В ней хрупкость изумруда, рождение лазури чистой,
И звон капли, что смывает зимы узоры сложные.
Сквозь сон земли проглядывают грёзы, как дымка волшебства,
И льётся щебет птиц вблизи берёзы, песнь нежная, целебная моя.*

*Она танцует босоногой на росе,
И аромат цветов плывёт в её косе,
В глазах играет солнца первый луч,
И тает в сердце горечь зимних туч.*

*Весна вдохнула жизнь в уснувшую природу,
И разбудив потоки рек от зимней непогоды.
Земля, согревшись лаской солнечного света,
Оделась в зелень, словно в платье из рассвета.*

*Игривый ветер, спутник верный девы,
Листву ласкает, шепчет нежные напевы.
Уносит вдаль печаль и все ненастья,
И дарит миру радость, веру в счастье.*

*И вот она идёт, Весна, царица сада,
В её шагах — мелодия любви и лада.
Она несёт букет из юности и грёз,
Где каждый лепесток — надежда, рождённая из девичьих слёз.*

*И мир заврожён, глядит на то творенье,
На это дивное весны преображенье.
Всё дышит, расцветает, обновляется,
И сердце в предвкушении любви стучится, мается.*

*И каждый вздох земли, пропитанный весной,
Звучит как обещание любви большой.*

*Луга пестреют красками живыми,
И бабочки кружат над ними, как стихи.*

*И вот, Весна касается земли рукою
И пробуждает мир от зимнего покоя.
В ручьях искрится золото надежды,
И расцветают яблони, как в сказочной одежде.*

*В садах, где птицы строят свои гнёзда,
Звучит симфония любви, что так нежна, прекрасна.
Природа дышит полной грудью, обновляясь,
И в каждом лепестке, в каждой травинке радостью полнясь.*

*Идут влюблённые по паркам и аллеям,
Вдыхая аромат весны, своей мечте лелея.
Их сердца бьются в унисон с природой,
Обещая вечную любовь под небосводом.*

*И солнце, словно кистью, пишет красками,
Весенние пейзажи, полные прекрасной сказки.
И каждый день, как новая страница,
В весенней книге жизни, где любовь царица.*

В стремительном водовороте современной жизни отношения между мужчиной и женщиной изменчивы и непредсказуемы, словно танцующие языки пламени. Юношеский пыл, как ослепительная вспышка, бросает в омут страсти, где зыбкие иллюзии сплетаются в причудливый узор. Холодный прагматизм возводит отношения с расчётливостью инженера, проверяя на прочность каждый камень фундамента, словно это не союз, а крепость. А в ком-то говорит лишь здравый смысл — неумолимый и безжалостный, как ледяной зимний ветер.

Не кажется ли вам, что в этом калейдоскопе чувств отражаются все четыре стихии — вода, огонь, земля и воздух? И лишь когда эти элементы алхимическим образом сливаются воедино, рождаются те самые, истинные, гармоничные отношения. Но, увы, познать такую любовь дано не каждому смертному. Ведь это не только бесценный дар, ниспосланный свыше, но и каждодневный, кропотливый труд души.

И вот, подобно опытным садовникам, мы бережно возвращаем ростки чувств, поливая их вниманием, удобряя пониманием. Но порой даже самый усердный труд не приносит желаемых плодов. Сорные травы обид и недомолвок, словно коварные паразиты, оплетают нежные побеги, лишая их света и жизненной силы. И тогда вместо пышного сада, полного благоухающих цветов, мы получаем лишь жалкий, увядающий кустарник разочарования.

Отчего происходит этот печальный исход? Быть может, мы слишком эгоистичны в своих желаниях, требуя от партнера невозможного? Или же, напротив, излишне жертвенны, растворяясь в другом человеке до полного самозабвения? Истина, как всегда, кроется где-то посередине, в тонком балансе между «я» и «мы». В умении слушать и слышать, уступать и отстаивать, прощать и просить прощения.

Впрочем, не стоит забывать и о влиянии внешних факторов. Суета мира, финансовые трудности, профессиональные амбиции — всё это нещадно испытывает наши отношения на прочность. И лишь те пары, которые способны противостоять штормам судьбы, держась за руки, выходят из испытаний более сильными и сплочёнными. Они подобны мудрым капитанам, умело лавирующим между рифами и подводными камнями и уверенно ведущим свой корабль к тихой гавани.

И всё же даже самые гармоничные отношения не застрахованы от кризисов. Моменты отчуждения и непонимания неизбежны, как смена времён года. Главное — не поддаваться панике и не рубить с плеча. Необходимо набраться терпения и мудрости, дать время для исцеления ран. Ведь порой, лишь пережив бурю, мы начинаем ценить тишину и покой, обретаем истинную глубину чувств. И осознаём, что любовь — это не только эйфория и восторг, но и тяжёлый, требующий самоотдачи труд, наградой за который становится безграничное счастье.

Фёдор и Надька жили под одной крышей третий месяц. Казалось, всевидящая и любопытная тётка Акси́нья жаждала скорейшего, публичного признания их чувств. Но они не стремились выставлять свои отношения напоказ, словно это была театральная сцена для увеселения любопытных родственников, пусть даже и в лице Акси́ньи с её многочисленным семейством.

В их союзе всё текло иначе: неспешно, в познании друг друга, в обоюдном ученичестве. Фёдор оставался верен своей непредсказуемости в отъездах, но неизменным был утренний ритуал. Едва забрезжит рассвет, он тихонько прокрадывался в её комнату, присаживался на корточки и, осторожно касаясь пальцами её волос, шептал: «Доброе утро, Надежда Александровна... Надька... Дорогой мой человек... Родная... Тыковка моя... Злючка-колючка... Моя Монголка...» И она, сквозь пелену сна, отвечала: «Доброе утро, Змей Горыныч...»

За эти три месяца была проделана колоссальная работа по подготовке экспедиции в тайгу. Фёдор продумал всё до мельчайших деталей. Одно дело, когда он отправлялся в такие путешествия в одиночку, и совсем другое — когда с ним ехали самые близкие женщины: любимая сестра, тётка Акси́нья, и Надька, ставшая роднее всех на свете. Где-то глубоко в сердце Фёдора, словно семя, брошенное в ещё не прогретую землю, прорастало истинное чувство.

В условленных пунктах их уже ждали машины и специальная техника: лодки, рации, навигаторы. Провизия закуплена — не только для участников экспедиции, но и для жителей отдалённых деревень староверов, затерянных в тайге. А также лекарства, одежда, палатки... Маршрут был проложен и в голове Фёдора, и на картах, с указанием каждой остановки, времени привалов и стратегических запасов на случай непредвиденных обстоятельств.

Надьку, городскую девушку с израненной душой, Фёдор всё это время закалял. Парил в бане, а после — выводил на снег. Бывали дни, когда они часами бродили по лесу. Она осваивала премудрости выживания, несколько раз они ночевали в палатке. Он учил её ставить лагерь, готовить на костре, беречь огонь. Учил ловить рыбу, читать следы зверей. В январе, в месяц, который он с любовью называл Просинец, она сильно заболела. Тётка Акси́нья настаивала на больнице. Но Фёдор сам выходил Надьку таёжным мёдом и отварами загадочных бабушек, к которым они ещё поедут.

Надька брала уроки вождения. Права у неё были, но мастерства не хватало. В этом ей помогала Акси́нья. Также она освоила премудрости современных программ, Фёдор научил её читать карты. Жизнь заиграла новыми красками. Дом тоже преображался. Надька как-то ненавязчиво сменила шторы и посуду. Кухня задышала по-новому. Добротная мебель, которой был обставлен дом, изготовили в мебельном цехе, владельцем которого являлся сам Фёдор. В доме изменилось всё: он наполнился не только мужской брутальностью и энергией, но и женским уютом и нежностью. Надька, словно молодой ручеёк, пробилась сквозь гранитную скалу под названием «дом дяди Фёдора» и превратилась в полноводную реку. Три месяца — много это или мало? Это то, что изменило не только их дом, но и полностью развернуло радиус их отношений.

На семейном совете было решено оставить Макара, старшего сына тётки Аксины, дома. Кузнечное дело требовало крепкой руки, фабрика Фёдора не терпела отсутствия хозяина, да и четверо малых детей с двумя невестками нуждались в присмотре. Фёдор, Надька, Аксиныя с мужем Ильёй и младшим сыном Ваней отправятся в путь, поддерживаемые слаженной командой верных помощников — жителями окрестных деревень и посёлков, не раз выручавших Фёдора в его прошлых странствиях. День отправки был назначен. Для Фёдора было крайне важно, чтобы экспедиция началась сразу после весеннего равноденствия — времени обновления и надежд. О конечной же цели путешествия брутальный дядя Фёдор продолжал хранить молчание. Вопрос «Зачем?» витал в воздухе, но никто не решался высказать его вслух. Они доверяли Фёдору и его авантюрному духу и были готовы внести в свою размеренную жизнь искру приключений.

— Горыныч, — заключила Надька, глядя прямо в глаза Фёдору, — помни, рубить с плеча твою очередную голову будем не только я, но и все присутствующие. Хватит у тебя голов?

— Не скажу, — усмехнулся Фёдор, и дружный смех наполнил комнату.

Вот и наступил день отъезда. Солнце, словно рыжий кот, сонно потягивалось над горизонтом, разливая по небесам нежные акварельные краски. В воздухе трепетало предчувствие грядущего, неизведанного. Надька, стоя у окна, провожала взглядом первые машины, уходящие в сторону тайги. Двигатель каждой из них урчал, словно хищный зверь, готовый к долгожданной охоте. У неё внутри нарастало волнение, смешанное с предчувствием опасности. Она знала, что Фёдор способен на безумные поступки, и это одновременно пугало и восхищало её.

Тётка Аксиныя, закутанная в удобный дорожный костюм с броским логотипом «Таёжная песня» — точно такие же носили все члены команды, — хлопотала, осыпая домашних последними напутствиями. Голос её звучал зычно и уверенно, словно команда капитана перед отплытием в неизведанные воды. Илья, молчаливый муж, лишь покорно кивал в ответ, поправляя кепку на голове. Иван, младшенький, хранил невозмутимое спокойствие, в глазах его уже плясали искры предвкушения грядущих приключений.

Когда грузовики скрылись за поворотом, Фёдор подошёл к Надьке и нежно обнял её за плечи. «Ну что, Монголка моя? Готова в путь-дорогу?», — прошептал он, заглядывая ей в глаза. Надька улыбнулась в ответ, чувствуя, как тревога отступает, уступая место уверенности. «Готова, Горыныч. Только помни, никаких безумств! Иначе...», — она многозначительно приподняла бровь. Фёдор рассмеялся и крепче прижал её к себе.

И вот они уже ехали по извилистой лесной дороге, солнце пробивалось сквозь ветви деревьев, создавая причудливые тени на земле. Аксиныя, сидя на переднем сиденье, рассказывала забавные истории из своей молодости, Ваня увлечённо разглядывал проплывающие мимо пейзажи, а Надька, откинувшись на спинку сиденья, наслаждалась покоем. Фёдор вёл машину уверенно и спокойно, словно знал каждую кочку и ухаб на этой дороге. В его взгляде сквозила непоколебимая уверенность и предвкушение момента, когда он раскроет экспедиции сокрытую от них тайну, однако для этого нужно дождаться подходящего часа.

Приближаясь к границе тайги, Надька всё больше ощущала первобытную силу природы. Величественные кедры, будто стражи, стояли вдоль дороги, устремляясь вершинами в бескрайнее небо. Запах хвои и влажной земли наполнял лёгкие, проникая в самое сердце. Фёдор, словно почувствовав её настроение, остановил машину на небольшой полянке. Выйдя из автомобиля, он протянул Надьке руку и повёл её вглубь леса.

Они шли, погружаясь в густую чашу, где царила тишина, нарушаемая лишь пением птиц и шёпотом ветра. Фёдор как опытный проводник указывал на следы зверей, рассказывал о повадках лесных обитателей. Надька слушала его, затаив дыхание, словно маленькая девочка, попавшая в сказку.

Вскоре они вышли к небольшому озеру, окружённому высокими соснами. Вода в нём была кристально чистой, словно зеркало отражая небо и облака. Фёдор подошёл к самому краю

и, зачерпнув горсть воды, предложил Надьке. Она с удовольствием выпила, чувствуя, как живительная влага наполняет её тело энергией. «Вот она, сила тайги, — сказал Фёдор, глядя на неё с улыбкой. — Она лечит не только тело, но и душу». Надька кивнула в ответ, соглашаясь с каждым его словом. Ей казалось, что здесь, вдали от цивилизации, она обретает настоящую свободу и гармонию.

Вечером они остановились на ночлег в небольшой деревеньке, расположенной на берегу реки. Местные жители встретили их радушно, как старых знакомых. Фёдор был здесь своим человеком, всегда готовым прийти на помощь.

Фёдор вместе с сельскими мужчинами выгружал вещи и продукты из машин, муж и сын Аксины ставили палатки. Женщины же были заняты приготовлением вечерней трапезы. Надька с интересом наблюдала за ними, пытаясь перенять их навыки и умения. Ей хотелось стать частью этого мира, научиться жить в гармонии с природой и людьми.

После сытного ужина все собрались у костра. Звучали песни под гитару, рассказывались байки и легенды о таёжных духах и сокровищах. Надька слушала, затаив дыхание, словно переносясь в другую эпоху. Она чувствовала, как её сердце наполняется теплом и любовью к этим простым и искренним людям. Фёдор сидел рядом с ней, обняв за плечи, и его присутствие давало ей ощущение защищённости и уверенности.

Ночь прошла быстро. Надька проснулась от пения птиц и яркого солнца, пробивающегося сквозь ветви деревьев. Выглянув из палатки, она увидела, что все уже на ногах и готовятся к дальнейшему путешествию. Она быстро собралась и присоединилась к остальным. Сегодня им предстояло преодолеть сложный участок пути — болото, которое местные жители называли «Чёртовой трясинной». Надька немного волновалась, но, глядя на уверенное лицо Фёдора, понимала, что всё будет хорошо.

Машины медленно продвигались по узкой тропинке, проложенной через болото. Колёса вязли в грязи, двигатели ревели, но опытные водители уверенно вели их вперед. Надька с замиранием сердца наблюдала за происходящим. Она знала, что вместе они преодолеют любые трудности, ведь их объединяет не только любовь, но и вера в чудо.

На протяжении всего их пути Иван, словно летописец, вёл скрупулёзную видеосъёмку этого захватывающего приключения, кадр за кадром создавая грандиозный проект под названием «Таёжная песня», звучащий как гимн первозданной природе. Тётка Аксины спустя два месяца с начала похода заметно утихла, и пулемётная очередь слов, прежде извергавшаяся из её уст, сменилась осторожным молчанием — тайга её приземлила. Илья, её супруг, напротив, расцвел в говорении, будто родник прорвался сквозь плотину молчания. Всю жизнь проведя в кузне, в плену огня и магииковки, он вдруг вырвался на свободу, чтобы увидеть этот необъятный мир.

Надьку же с самого начала путешествия преследовало странное, необъяснимое чувство — возможно, зов крови, эхом отдававшийся в её душе. Она никак не могла постичь, что именно с ней происходит. Необъяснимое волнение сменялось тихим осознанием: такая красота возможна не только на экране, на страницах книг или в блогах — это реальность, с которой она столкнулась лицом к лицу, и была несказанно благодарна своему Змею Горынычу, своему Фёдору. Именно здесь, в сердце тайги, навсегда стёрся вопрос о том, что между ней и Фёдором, как назвать их отношения и кем они приходятся друг другу. Он был её самым родным человеком, и благодаря ему она узнала, что такое настоящая семья, где каждый готов за другого стоять горой.

Изменился ли Фёдор в этом путешествии? Внешне — никак. Он был здесь как рыба в воде, — един с самой природой, един с людьми, встречающимися на их пути. Когда они заезжали в посёлки или деревни, разговор со старостами и старейшинами всегда вёл Фёдор. И неизменно, словно велела сама щедрая тайга, он оставлял жителям затерянных таёжных деревушек, что встречались на их долгом пути, провизию, лекарства и тёплую одежду.

Аксинья и Надька, следуя примеру местных женщин, никогда не вмешивались в беседы мужчин. У староверов свои устои и порядки. Двум городским жительницам впервые предстал во всей красе и неприглядности настоящий деревенский быт — сплочённые, словно вековые дубы, семьи, хоровод ребятишек, которым, казалось, нет числа. Аксиньиная семья и сама по себе была немаленькой, но в староверческих родах десять, а то и больше детей было обычным делом.

В посёлках были школы, небольшие, но уютные, где детям давали настоящие знания. В одну из таких школ Фёдор завёз компьютеры и спутниковое оборудование для подключения к интернету, хотя в глубине души понимал, что не стоит нарушать устоявшийся веками уклад. Однажды им повстречалась семья староверов, чей быт был лишён даже электричества. Они хранили огонь древним способом, без спичек, считая серу и кофе дарами тёмных сил.

Фёдор и члены его экспедиции ступали по этой земле гостями с тихим почтением. Как ни тянулись щупальца цивилизации к старообрядческим общинам и поселениям, там пульсировала жизнь, сотканная по иным законам. Каким бы ни был посёлок, деревня или уединённое поселение, скрытое от цивилизации, в каждом доме жила вера — вера в Бога с сохранением всех традиций. В одних деревнях были старые, чудом сохранившиеся деревянные церкви, в других — новые, отстроенные.

Незаметно подкрался июнь, Червень, как называл его Фёдор. Солнце щедро осыпало землю золотыми лучами, проникая сквозь плотную листву, и тайга наполнялась многоголосым хором птиц. Река, словно зеркальная лента, вилась среди зелёных холмов, отражая плывущие облака. Иван старательно фиксировал на камеру каждый момент, желая передать всю полноту красок и звуков, чтобы зрители его канала на «Рутьюб» смогли бы хоть на миг почувствовать себя частью этого мира. Материал для «Таёжной песни» накапливался, обещая превратиться в захватывающую историю о силе духа, о связи человека с природой, о вечных ценностях. В голове Ивана уже роились образы: суровый охотник, познавший самые потаённые уголки тайги; юная травница, чьи знания передавались из поколения в поколение, сплетаясь с шёпотом ветра и журчанием реки; забытый богом посёлок, где время словно остановилось, а людские судьбы переплелись с судьбой самой земли. Каждый звук, каждая увиденная деталь, каждый обрывок подслушанного разговора оседали в творческой мастерской его разума, словно золотые крупинки в старательском лотке. Шелест хвои под ногами, крик сойки в предрассветной тишине, запах костра, смешанный с ароматом диких трав — всё это обретало смысл, выстраиваясь в общую канву повествования. Герои оживали, обретали плоть и кровь, дышали воздухом тайги, чувствовали её пульс.

Оставалось только найти верный ключ, подобрать правильные слова, чтобы передать зрителю эту необъятную красоту и суровую правду жизни, развернуть перед ним панораму человеческих страстей и неразрывной связи с матерью-природой. Требовалось не просто рассказать историю, а заставить её звучать, звенеть, словно та самая таёжная песня, которую Иван так долго вынашивал в своём сердце.

Работа предстояла кропотливая, требующая терпения и вдохновения. Нужно было отделить зерна от плевел, отшлифовать каждую фразу, каждое слово, чтобы они засверкали, словно драгоценные камни, отражая свет вечного солнца, пробивающегося сквозь густую листву. И тогда, казалось, «Таёжная песня» зазвучит во всю силу, проникнув в самые глубины человеческой души.

Летнее равноденствие: время, когда зов крови вспоминает, а Солнце правит

Июнь в тайге — время пробуждения, буйства красок и назойливого писка мошкар. Всё вокруг взрывалось цветом, дышало жизнью и клокотало энергией. Фёдор, словно опытный проводник, открывал своим спутникам тайны чарующего леса, показывая редкие цветы, шепчущие о целебных свойствах травы и прячущиеся под ковром хвои съедобные грибы. Надька, Акси́нья, Илья и Иван, применяя знания на практике, в самой гуще тайги впитывали мудрость леса, ощущая себя не просто случайными гостями, а истинными первопроходцами.

Вечер опускался стремительно. Солнце, словно рыжий лис, крадучись ныряло в густую зелень горизонта, расписывая небеса багряными и золотыми мазками заката. Фёдор выбрал для ночлега уютный уголок — небольшой пригорок у журчащего ручья, надёжно укрытый от ветра стеной из почтенных елей. Вскоре весело затрещал костёр, и в прохладном воздухе разлился дразнящий аромат дыма и жарящейся на углях рыбы. Надька, самая юная из компании, с восторгом наблюдала, как Фёдор ловким движением ножа разделявает добычу. Акси́нья, всегда собранная и практичная, тщательно раскладывала съестные припасы и проверяла содержимое аптечки. Илья, увлечённый знаток звёздного неба, уже нашёл в зарослях поляну, с которой открывался прекрасный вид на усыпанный бриллиантами небосвод.

После ужина у костра воцарилось задумчивое молчание. Только потрескивание дров и тихий шелест листвы нарушали таёжную тишину. Фёдор, прищурившись, смотрел на огонь, словно читал в нём древние сказания леса. Он рассказал им легенду о Хозяйке Тайги — могущественном духе леса, оберегающем богатства и тайны этой земли.

Эта легенда столь же пленительна, сколь и трагична. Она передаётся из уст в уста, словно древняя сказка, вышитая нитями времени. Говорят, Хозяйка Тайги — дитя Солнца и исполинской Ели, сама суть дикой, непокорной природы, воплощённая в деве неземной красоты. Лик её подобен отражению лунного света в бездонных омутх таёжных озёр, а волосы ниспадают изумрудным каскадом мхов, оплетающих вековые ветви. Хозяйка Тайги — не просто хранительница зверей и растений, она — душа леса, его трепетное сердце, бьющееся в унисон с шелестом листвы и перезвоном птичьих трелей.

Перед путниками она предстаёт в разных обликах, сотканных из сумрака и света: то юной девой с очами цвета хвойной зелени, то статной женщиной в сарафане, расшитом искрами заката, а, порой, — дивной царевной в платье, украшенном самоцветами земли или грациозной рысью, безмолвно скользящей меж стволов-колонн. Но всегда её присутствие ощущается как ласковое дуновение ветра, коснувшееся щеки, как тихий шёпот тайны, отзывавшийся в глубине души. Заблудшим она помогает отыскать дорогу сквозь чащу, указывая верный путь, больным исцеляет раны целебными травами и чудодейственными кореньями. Тем же, кто с помыслами нечистыми, алчным до сокровищ лесных, являет свой лик гневный и неумолимый.

Предания гласят, что те, кто осмелился осквернить священный покой Тайги, познал всю мощь её ярости. Лес вздымал исполинский рокошующий глас протеста: тропы обращались в непроходимый лабиринт, вековые деревья вставали непробиваемой стеной, а дикие звери набрасывались с первобытной злобой. Хозяйка обрушивала на головы дерзких смертоносный вихрь, вызвала сокрушительный оползень или беспощадное наводнение — ибо все стихии безмолвно подчиняются её воле. Лишь искреннее раскаяние, глубокое смирение и уважение к матушке-природе могут умиловить её гнев, даровать прощение.

Однако, несмотря на свою силу и безграничную власть, Хозяйка Тайги обречена на вечное одиночество. Она всей душой любит лес, каждого его обитателя, но не может свободно общаться с людьми. Она — неотделимая часть природы, и судьба её навеки сплетена с судьбой

Тайги. Бездонная печаль, застывшая в глубине её глаз, — это печаль угнетённого леса, стонущего от человеческой жадности и непростительного невежества.

Легенды шепчут, что все жители леса — от матёрого волка до робкой белки, от грациозной рыси до крошечного соболя, от мудрой совы до трудолюбивого дятла — беспрекословно подчиняются ей. Хозяйка Тайги понимает язык каждого животного и растения, и ни единая деталь не ускользает от её всевидящего ока. Она неустанно следит за тем, чтобы в тайге царили гармония и равновесие, чтобы человек не брал больше, чем ему жизненно необходимо, и чтобы сильный зверь не обижал слабого.

Поэтому, входя в лес, стоит помнить о Хозяйке Тайги, о её незримом присутствии. Стоит относиться к природе с уважением, беречь каждый куст и каждое дерево. Тогда, возможно, она смилуется и покажет свою благосклонность, одарив удачей и защитив от бед. Ведь только тот, кто любит лес, по-настоящему достоин его даров.

А ещё, говорят, она любит сладости. И поэтому Фёдор на протяжении всего их долгого пути оставлял ей конфеты, надеясь на её великодушие.

Надька слушала легенду о Хозяйке Тайги, затаив дыхание, представляя себе прекрасную и грозную повелительницу леса.

Аксинья, скептически хмыкнув, заметила, что это, конечно, красивая сказка, но гораздо важнее знать, как правильно ставить силки на зайца и не заблудиться в трёх соснах. Фёдор улыбнулся в ответ: «Тайга любит уважение во всём, Аксинья. И в сказках тоже. Нельзя покорить то, что не понимаешь».

Илья, оторвавшись от созерцания звёзд, поддержал Фёдора: «Аксинья, в каждой легенде есть доля правды. Даже если это просто метафора, она отражает суть вещей. Тайга — это не просто лес с ресурсами, это живой организм, который нужно чувствовать». Иван, молчаливый и рассудительный, кивнул в знак согласия. Он не любил пустых споров, предпочитая наблюдать и делать собственные выводы.

Ночь опустилась на тайгу, укрывая землю мягким одеялом темноты. Отблески костра плясали на лицах уставших путников, создавая ощущение уюта и защищённости в этом диком и непредсказуемом месте. Фёдор достал из рюкзака старую потрёпанную книгу — сборник таёжных рассказов и преданий. Он читал вслух, неспешно и нараспев, погружая своих слушателей в мир колдунов, шаманов и духов леса. Истории были полны мудрости и предостережений, напоминая о необходимости бережного отношения к природе и уважения к её законам.

Вскоре все, кроме Фёдора, уснули, убаюканные тихим потрескиванием костра и завораживающим голосом рассказчика. Фёдор ещё долго сидел у огня, глядя на пламя и слушая ночную тишину тайги. Ему казалось, что он слышит шёпот Хозяйки Тайги, доносящийся из глубины леса. Он чувствовал её присутствие, её силу, её любовь и её гнев. Он знал, что тайга — это не просто место, это его дом, его жизнь, его душа.

Утром, проснувшись с первыми лучами солнца, они продолжили свой путь. Природа встретила их свежестью и бодростью. Надька, проникнувшись легендами, стала смотреть на лес другими глазами, видя в каждом дереве, в каждой травинке не просто элемент пейзажа, а частичку живого организма. Аксинья, хоть и оставалась скептиком в душе, стала более внимательной к деталям, прислушиваясь к советам Фёдора и пытаясь понять язык тайги. Илья и Иван, вдохновлённые ночными рассказами, с ещё большим энтузиазмом изучали разнообразие растений и следы зверей.

Фёдор улыбался, глядя на своих спутников. Он знал, что тайга открывает свои тайны только тем, кто готов её слушать и уважать. И он верил, что эта поездка станет для них не просто приключением, а настоящим откровением, которое изменит их жизнь и научит ценить красоту и мудрость природы.

Вскоре они вышли к небольшому озеру, затерянному среди величавых сосен. Вода в нём была кристально чистой и прозрачной, словно застывшая слеза. Фёдор предложил разбить

лагерь на несколько дней, чтобы отдохнуть душой и насладиться первозданной красотой этого уединённого места. Они с головой окунулись в простые радости таёжной жизни: купались в прохладной воде, ловили серебристую рыбу, собирали спелые ягоды и ароматные грибы. Вечерами, убаюканные потрескиванием костра, делились друг с другом историями и заразительно смеялись. В этом тихом, уютном и заповедном краю, где тишина тайги плела древние легенды, а сумрак заигрывал с солнечными лучами, их сердца обрели неведомую доселе гармонию. Казалось, они не случайные путники, затерявшиеся в этой глуши, а кровные родичи лесного царства, навеки сплётённые нитями человеческой сущности и первозданной силы природы.

На берегу озера притаилось небольшое, будто уснувшее поселение. Несколько деревянных домов, покосившихся от времени и людского небрежения, сиротливо глядели пустыми глазницами окон. В день Летнего солнцестояния в посёлке появилась женщина неопределённого возраста, словно выросшая из самой тайги. Её сопровождали четыре лайки или маламута — настоящие рабочие собаки, которым нипочём ни лютый мороз, ни глубокий снег. Женщина была одета просто и скромно, коренастая фигура выдавала силу, а узкие глаза смотрели с настороженной суровостью. Но во всей этой кажущейся простоте и грубости чувствовалась невероятная внутренняя сила.

— Ну, наконец-то, — прозвучал голос Фёдора, нарушив тишину. — Ивановна вернулась.

Все оглянулись. Недалеко от них, словно часть пейзажа, стояла эта женщина — хозяйка озера. Собаки, почуяв незнакомый запах, настороженно зарычали, но, узнав Фёдора, виновато завили хвостами.

— Здравствуй, Зоя Ивановна. Встречай гостей.

Хозяйка окинула приезжих внимательным взглядом.

— Что ж, проходите.

Она пригласила их во двор своего дома, но внутрь не позвала. Все молча прошли во двор и расселись на покосившейся завалинке, не смея нарушить молчание.

— Ивановна, прими от меня угощения и гостинцы, — продолжил Фёдор, стараясь разрядить обстановку.

— Благодарствую. Чего так много-то всего?

— Бери, Ивановна, пригодится. И мазь тебе вот опять привёз, и таблетки.

На лице женщины промелькнула слабая улыбка.

— Мазь... ну спасибо.

Фёдор, не теряя времени, скомандовал:

— Надька, живо вон стол принеси, накройте!

— Ивановна, мы тут порыбачили немного, не заругаешь?

Она промолчала. Почему-то все, кроме Фёдора и Нади, испытывали перед этой суровой женщиной необъяснимый страх.

Когда стол был накрыт, в кругу собравшихся не хватало только Надьки. Она в это время, осмелев, угощала собак. Те, словно ручные, ластились к ней, принимая ласку. Наверное, именно это не понравилось Зое Ивановне — ведь это были рабочие собаки, а не домашние любимцы. Она, не повышая голоса, скомандовала:

— Место!

Фёдор быстро отвёл Надю от собак: «Тыковка, нельзя!»

— Надька погорячилась, — сказал он, обращаясь к Зое Ивановне. — Прощу прощения. По незнанию.

Зоя посмотрела на неё долгим, изучающим взглядом. В нём не было злости, скорее, любопытство и что-то ещё, трудно определимое.

Она молча ушла в свой дом.

— Зоя меня не любит, — тихо сказала Надька Феде.

Он, попыхивая самокруткой, поднял брови.

— Почему ты так решила?

— К тебе она приветлива, к гостям ровна, а меня невзлюбила сразу. И дело тут вовсе не в собаках, я уверена. Знаешь, Горыныч, я когда грожусь тебе голову отсечь, у меня примерно такое же выражение лица, — продолжала Надька. — Это ревность, что ли? — Надька вопросительно посмотрела на Фёдора. — Не пойму... ко мне, что ли?

Она сама себе задала вопрос и сама же на него ответила:

— Наверяд ли...

Фёдор молчал, наблюдая за ней.

Ивановна вернулась и вынесла из дома варенье из таёжных ягод и вяленое мясо. Все уселись за стол, и началась неспешная таёжная трапеза.

— Ивановна, — снова заговорил Фёдор. — Я тебе папирос привёз и табак.

— Спасибо, милый человек...

Зоя Ивановна всю жизнь проработала охотником-заготовителем. У неё был муж, тоже охотник, они вдвоём добывали пушнину. Лет пять назад он погиб от лап медведя-шатуну. И она осталась одна.

Все чувствовали: эта суровая женщина, словно сама тайга, живёт по своим неписаным законам и порядкам и явно не рада незванным гостям, за исключением Фёдора. Фёдор явно был ей по душе.

Вдруг из леса появился молодой мужчина, на вид лет тридцати или старше. Там, в тайге, трудно определить возраст — суровый климат и тяжёлый труд накладывают свой отпечаток.

— Приветствую честную компанию! Мама, гости уже во дворе, а я чуток задержался, — прозвенел молодой голос. Это был сын хозяйки, живущий отдельно от матери в посёлке охотников-добытчиков. Он представлял собой воплощённую тень тайги. Сын Зои Ивановны приехал по просьбе Фёдора, чтобы присоединиться к экспедиции.

— Ну что, завтра двинемся? — спросил он.

— Да, Игнат, завтра, — ответил Фёдор и скомандовал:

— Благодарствую, Зоя Ивановна, за гостеприимство. Мы в лагерь свой на ночёвку. Игнат, утром часов в шесть двинемся в путь.

Надька подошла к Зое Ивановне.

— Простите, ради Бога, если чем обидела, и примите от меня... — С этими словами она протянула ей пуховый платок — один из нескольких, купленных ещё в Омске в подарок жительницам суровой тайги. Эти подарки она выбирала с любовью и надеждой.

Зоя приняла платок и сказала:

— Дай посмотрю на тебя... Хорошая ты. Фёдору под стать.

Почему у Надьки при виде Зои Ивановны и Игната всё внутри переворачивалось? Ведь на протяжении всего пути ей встречалось множество разных людей, но почему именно эти два человека оставили в её душе какое-то странное чувство: недосказанность или тревогу? Может, ей просто показалось...

Они вернулись в свой лагерь. Ночь выдалась на редкость тихой и звёздной. Надька долго не могла уснуть, ворочаясь в спальнике и прислушиваясь к тихим звукам ночной тайги. Её мучили непонятные предчувствия, смешанные с любопытством. Что-то подсказывало ей, что встреча с этими людьми не случайна и оставит след в их таёжном путешествии.

Утром, как и договаривались, они встретились с Игнатом у дома Зои Ивановны. Тот был весел и полон энергии, словно предвкушал интересное приключение. Зоя Ивановна, как всегда, была немногословна, но в её взгляде мелькнула еле заметная теплота. Игнат оказался отличным проводником, знающим каждый уголок этого леса. Он рассказывал им о повадках зверей, о целебных свойствах растений и о тайнах старых охотничьих троп.

Надька старалась не отставать от остальных, внимательно слушая рассказы Игната и любуясь красотой окружающей природы. Однако её не покидало чувство тревоги. Ей казалось,

что за их спинами кто-то наблюдает, и эта мысль не давала ей покоя. Акси́нья, заметив её беспокойство, поинтересовалась, что случилось. Надька лишь отмахнулась, сославшись на усталость и недосып.

К сумеркам они добрались до покосившейся избушки, которую Игнат, старый лесной волк, изредка жаловал во время охоты. Тесная и промозглая, она всё же обещала защиту от ночного ветра и дождя. Игнат, не теряя времени, принялся растапливать печь, и вскоре пляшущие языки пламени оживили бревенчатые стены, изгоняя сырость. Пока Акси́нья хлопотала у очага, готовя немудреный ужин, Надька, Илья и Иван с молодецким задором принялись устраивать подобие спальных мест. Фёдор же, плотнее запахнувшись в свой выдавший виды плащ, безмолвно взирает на суетливую подготовку. В глубине его глаз, словно в тёмном омуте, плескалось предчувствие небывалого чуда — тихая, но властная тень, подобная мудрому филину, зорко стерегущему их хрупкое, временное пристанище.

После ужина, когда все уже собирались ложиться спать, Игнат вдруг достал из своего рюкзака старый покоробленный бубен. Он уселся посреди избушки, закрыл глаза и начал ритмично бить в него, издавая странные гортанные звуки. Надька вспомнила легенду о Хозяйке Тайги, рассказанную Фёдором у костра. Ей стало жутко, и она невольно прижалась к Акси́нье. Игнат неистово бил в бубен, тело его плясало в причудливой, исступленной тряске, словно одержимое неведомой силой. Внезапно, сквозь глухой рокот бубна, прорезался его голос, становясь все громче, все пронзительнее, будто взывающий к незримому собеседнику, затерянному в глубинах мироздания. Вдруг Игнат резко замолчал, открыл глаза, в тот момент искрившиеся безумием, и хриплым голосом прошептал: «Она идёт...»

Все замерли в напряжённом ожидании, не понимая, что происходит. Акси́нья испуганно посмотрела на Игната, потом на Фёдора, ища хоть какой-то ответ в его непроницаемом взгляде. Но Фёдор лишь молча покачал головой, словно говоря, что сам не знает, чего ожидать. Илья и Иван переглянулись, чувство тревоги охватывало их все сильнее. Надька, с широко открытыми от ужаса глазами, не могла отвести взгляд от Игната, чье лицо исказилось в гримасе безумного страха.

Тишину нарушил протяжный вой, который, казалось, доносился отовсюду одновременно. Он заставлял стечь кровь в жилах, проникал в самые кости. Вой усиливался, превращаясь в неистовый рёв, от которого в избушке задрожали стены. Игнат отчаянно схватился за голову, будто стремясь удержать ускользающий рассудок, но звук, словно зловещий камертон, резонировал всё сильнее, пронзая его насквозь.

Вдруг дверь избушки распахнулась с оглушительным треском, и в проёме возникла высокая тёмная фигура. От неё исходила такая мощная волна холода, что все почувствовали, как вокруг замерзает воздух. Фигура была окутана густым туманом, сквозь который едва просматривались очертания. Надька поняла, что это Хозяйка Тайги — древняя и могущественная сущность, повелительница леса.

Хозяйка Тайги медленно вошла в избушку, и её взгляд, казалось, пронзал каждого насквозь. Она остановилась напротив Игната, склонилась к нему и прошептала слова, которые слышал только он. Игнат вздрогнул, его глаза наполнились ужасом, и он упал на пол без сознания. Он, сын таёжных охотников, возвращенный в самом сердце тайги, впитал в себя её дикую самобытность. В венах его отца текла кровь шамана, но Игнат не принял бремя дара, отверг наследие деда. Шаманская болезнь нет-нет, да и терзала его, напоминая о себе, но он упрямо сопротивлялся зову этой новой жизни. Однако с духами лесов и с самой Хозяйкой Тайги он вёл безмолвные беседы, чувствуя их присутствие в каждом шорохе, в каждом дуновении ветра. Фёдор хранил тайну Игната, молчаливую ношу, которую тот никому не открывал.

Хозяйка Тайги выпрямилась и обвела взглядом всех остальных. В её глазах не было ни злобы, ни сочувствия — лишь вечное спокойствие и мудрость. Она произнесла всего одно слово, которое эхом разнеслось по избушке и наполнило её каким-то новым, непонятным смыс-

лом. В нём чудилась глубинная суть, ускользающая от понимания, словно мерцающий огонёк в дремучем лесу. «Позволяю», — эхом прокатилось оно в тишине, неся в себе бремя власти и неведомой силы. После этого Хозяйка Тайги растворилась в воздухе, словно её никогда и не было.

— Что это было? — прошептала Надька, и голос её дрожал, словно осенний лист на ветру.

Игнат, уже пришедший в себя, но ещё лежащий на полу, с загадочной улыбкой, игравшей в уголках его губ, словно отблеск луны в тёмной воде, промолвил:

— Хозяйка Тайги приветствовала вас. Она рада гостям, пришедшим с добром.

Фёдор подтянул лямки рюкзака. Надька знала, что там, среди вещей, спрятаны дары для Хозяйки. Украшения, самые изысканные, она сама их выбирала, ещё в Омске. «Надька, подбери украшения со вкусом, для особого подарка», — сказал ей тогда Фёдор. Она ещё не понимала, о какой хозяйке идёт речь, но интуитивно выбрала вещи, достойные самой загадочной особы.

Надька облегчённо выдохнула. Илья и Иван, всё ещё дрожа от пережитого страха, начали приходить в себя. Аксинья, крестясь, тихо молилась в углу. Фёдор подошёл к Игнату и помог ему подняться. Игнат был бледен, как полотно, но на лице его играла странная улыбка.

— Она довольна, — прошептал Игнат, словно оправдываясь. — Она приняла вас. Теперь мы можем идти дальше.

Фёдор кивнул и жестом подозвал Надьку. Они вышли из избушки в ночную прохладу. Звёзды ярко сияли в чёрном небе, и лунный свет серебрил верхушки деревьев. Фёдор достал из рюкзака небольшой мешочек и передал его Надьке.

— Это, — сказал Фёдор, — малая толика того, что она заслуживает. Положи под старый кедр на опушке. И попроси у неё защиты в пути.

Надька взяла мешочек и, стараясь не шуметь, направилась к опушке леса. Деревья казались огромными и зловещими в полумраке. Она нашла старый кедр, корни которого сплелись в причудливый узор. Надька положила мешочек под дерево и закрыла глаза. Слова сами собой сорвались с её губ: «Хозяйка Тайги, прими наши дары и защити нас в пути. Даруй нам мудрость и силу пройти через все испытания».

*В глуши безмолвной повстречали мы Хозяйку вод Таёжных,
Где ели шепчут сказки, негой полные и сложные.
Прекрасна так, что кисть просится прямо в руки, моля о чуде,
И лик её небесный в песнях славить вечно будем.*

*Она — воплощение стихий, дыхание вечной мерзлоты,
В ладонях держит хрупкий мир, где оживают древние мечты.
В её глазах — мерцанье звёзд, сплетение северных огней
И мудрость леса векового, что слышит шёпот дней.*

*Вокруг неё танцуют тени, играя в прятки с лунным светом,
И звери дикие, несмело, выходят к ней с приветом.
Она им мать и проводник, целитель ран и страхов вечных,
Хранит покой их бытия, в обители таёжной, млечной.*

*Наряд её — мхов бархатных, украшен капельками росы,
Подол расшит узором древним, что принесли с собой морозы.*

*На голове венец из веток, сплетённый с ягодами клюквы,
И каждый шаг её легчайший — словно мелодия любви.*

*Она дарует жизнь речушкам, питая их водой хрустальной,
И направляет их течение сквозь камни, древности печальной.
Она следит, чтоб не оскудели леса грибами и зверями,
И чтобы птицы прилетали с песней, радость всем даря своими
голосами.*

*Но горе тем, кто алчен сердцем и в лес приходит с злым умыслом
—
Нарушить тишь, украсть богатство, пренебречь священным
замыслом.
Хозяйка вод Таёжных накажет яростно и властно,
Наслав бураны и метели, и темноту ночи ужасной.*

*Поэтому, войдя в её владенья, будь тих и скромн, путник милый.
Оставь корысть свою за дверью и поклонись земле родимой.
И если чист ты по деяньям, и дух твой светел и высок —
Тебе откроются секреты, что прячет мудрый таёжный кров.*

*И напоследок, помни, путник, и передай потомкам знанье:
В лесах таёжных обитает Хозяйка — светлый дух, в сиянье
одетая.
И лишь с любовью и почтеньем к ней можем мы приблизиться,
И в заповедной тиши лесной, отдохнув душой, постичь покой
таёжный, волшебный и безбрежный.*

Заря занималась не только за окном таёжной избушки, но и в сердце дяди Фёдора. Его голос, пробившись сквозь утреннюю тишину, разбудил не только обитателей избушки, но и само время, заставив его замереть в ожидании. Фёдор присел на корточки у лежанки, где, словно дикий цветок, покоилась Аксинья, а с краю, подобно робкой ласточке, примостилась Надька. Лёгким прикосновением, словно боясь спугнуть утренний сон, он коснулся её волос и прошептал: «Доброе утро, Надежда Александровна... Надька... Дорогой мой человек... Родная... Тыковка моя... Злючка-колючка... Моя Монголка...»

Надька, ещё не открыв глаз, сквозь пелену сна промурлыкала в ответ: «Доброе утро, Змей Горыныч...»

В таинство их утреннего ритуала не был посвящен ни один из присутствующих. В этой бревенчатой сторожке, затерянной в сердце тайги, после долгих дней, проведённых в отрыве от цивилизации, Фёдор, словно пробуждаясь от дрёмы, решил поздороваться с Надькой так, как делал это в далёком городе, своим привычным, почти забытым приветствием.

Первым тишину нарушил Игнат. «Ну, братуха, ты даёшь!» — воскликнул он и вышел наружу, будто не в силах вместить увиденное и услышанное. А тётка Аксинья, словно поражённая громом, впала в оцепенения.

«Дядя Фёдор, скажи, что мне это снится», — пробормотала она.

«Нет, тётка Акси́нья, это явь», — ответил Фёдор, и в усмешке его плясали озорные искорки.

Надька молчаливо улыбалась, словно хранила в себе тайну всего мироздания.

Иван, сквозь сон, пробормотал: «Эх, какой кадр для нашего фильма пропустил! Фёдор, может, сделаем повторный дубль?»

Но Фёдора уже и след простыл. Он, словно тень, ускользнул из избышки вслед за Игнатом, оставив всех в оцепенении немого изумления.

Солнце пробивалось сквозь кроны вековых сосен, окрашивая лес в золотистые тона. Дядя Фёдор, глубоко вдохнув свежий таёжный воздух, потянулся, разминая затёкшие мышцы. Игнат, опираясь на бревенчатую стену избышки, молча наблюдал за ним, в его глазах читалось нескрываемое удивление. Фёдор, заметив это, лишь загадочно улыбнулся, словно разгадал какую-то важную тайну.

«Не ожидал от тебя, Федя, такого... лирического начала дня, — наконец произнёс Игнат, нарушив утреннюю тишину. — Думал, ты у нас сухарь, а тут вон оно что... „Тыковка моя“, „Злючка-колючка“... Шекспир отдыхает».

Фёдор рассмеялся, отмахнувшись от его слов. «Да брось ты, Игнат. Просто хорошее настроение. А Надька — она особенная. С ней по-другому и не получается». Он замолчал, глядя вдаль, туманы ещё клубились над рекой, пряча в себе неведомые тайны. В его глазах читалась нежность и какая-то необъяснимая грусть.

Завтрак утонул в тягучем полумраке недомолвок и робких, ускользающих взглядов. Лишь природа, словно отрешённая от людских волнений, являла собой торжество безмятежности. Она плела свой непрерывный узор жизни, где каждое рассветное утро — чистый холст, а каждый миг — бесценный самоцвет.

«Живо собираемся! Нам нужно успеть до полудня», — скомандовал дядя Фёдор, разряжая обстановку. Никто и никогда не перечил ему. Игнат бросил на Надьку какой-то особенно братский, понимающий взгляд — так смотрел на неё Димка, её давний друг из детского дома. Но Надьку сейчас занимало совсем другое. Последние дни её неотступно преследовала странная, почти навязчивая мысль: почему Зоя Ивановна и её сын, Игнат, так упорно не желают покинуть её сознание? Она словно застряла в лабиринте их жизней, без конца прокручивая в голове эпизоды встреч, обрывки разговоров. На её жизненном пути появлялось немало людей, но почему именно эти двое завладели всеми её думами? Надя не могла этого понять. Их тени неуловимо скользили по стенам её внутреннего мира, не давая покоя ни днём, ни ночью.

И ещё... почему Змей Горыныч не выказывает и тени ревности? Игнат осыпал Надю знаками внимания с того дня, как присоединился к их экспедиции. Да, Фёдор и Надя официально не были парой, но прежде в Фёдоре то и дело вспыхивала ревнивая искра. «Что же происходит?» — терзалась Надька.

В этот момент в комнату ворвался Фёдор: «Живее! Поторапливаемся!» Акси́нья было открыла рот, чтобы возразить, но, встретившись взглядом с братом, тут же осеклась, проглотив невысказанные слова. По правде говоря, за эти месяцы её смертельно утомила эта экспедиционная авантюра. Она так и не могла до конца понять, зачем младший брат втянул её в это безумие. Поэтому ей отчаянно хотелось домой, в уютное царство комфорта.

Илья, супруг Акси́нии, тоже неуловимо изменился в этом путешествии: он стал более разговорчивым, но явно скучал по своей кузнице, по раскалённому металлу и звону молота. Иван тосковал по молодой жене и маленькому сынишке. Ему мерещилась эта утренняя, полная нежности сцена приветствия Фёдора и Надьки. Отчаянная жажда женщины терзала его, но исступленная страсть к мечте, к созданию кинематографического шедевра, пока ещё была намного сильнее. Если мать так до конца и не постигла, зачем согласилась на эту таёжную авантюру, то Иван, напротив, держал в голове ясную, как отшлифованный алмаз, цель. На про-

тяжении всей экспедиции в сердце тайги он без усталости снимал видео, чтобы щедро наполнить свой канал в социальных сетях.

Надька в этом странствии расцвела, словно таёжный цветок, пробившийся сквозь мхи и камни. В ней пробуждалась женщина, доселе дремавшая под покровом привычной жизни. Тайга приняла её, как родную, окутала запахом хвои и влажной земли. Почему здесь, в этом суровом краю, она ощущала себя как дома, Надька пока не могла понять, но чувство это было сильным и властным, как сама тайга.

«Дядя Фёдор, — обратилась она, — у меня пара вопросов». «Говори», — ответил Фёдор. «Горыныч, скажи честно, ты специально собрал нас всех в этом месте, чтобы изменить нас, не изменяя себе?» «Возможно, — сухо ответил Фёдор. — Мы выдвигаемся!» — скомандовал он, не дав Надьке задать следующий вопрос. «Мужлан! — не выдержала Акси́нья, но тут же осеклась: — Молчу, молчу...»

Вскоре вся компания покинула избушку, оставив её позади, словно декорацию к спектаклю, сыгранному на рассвете. Лес принял их в свои объятия, окутывая шелестом листвы и пением птиц. Каждый погрузился в свои мысли, стараясь не выдавать своих истинных чувств.

Продвигались они быстро, точно зная направление. Фёдор, как всегда, шёл впереди, прокладывая путь сквозь дебри. Игнат следовал за ним, внимательно осматриваясь по сторонам. Иван периодически доставал камеру, чтобы запечатлеть красоту окружающей природы. Акси́нья, ворча под нос, старалась не отставать от остальных. Илья, как обычно, молчаливо шагал рядом с ней, готовый в любой момент поддержать и помочь. Надька, словно тень, следовала за ними, пытаясь разгадать загадочную душу дяди Фёдора.

Через пару часов они вышли к небольшой реке. Фёдор остановился, окинув взглядом окрестности. «Здесь сделаем привал», — скомандовал он. Все с облегчением опустились на землю, разминая уставшие ноги. Игнат принялся разводить костёр, Иван достал из рюкзака еду. Акси́нья принялась ворчать на грязь и комаров. Илья молча взял топорик и отправился за дровами. Вернувшись, он отдал их Игнату, который принялся разводить костёр. Надька отошла в сторону, села на поваленное дерево и задумалась. Юная, словно полевой цветок, она почти не знала, что такое тепло семьи, когда все вместе заняты общим делом, когда сердца бьются в унисон. Потому часто держалась в стороне от компании, словно тень на ветру.

Фёдор неслышно ступил к ней, опустился на корточки рядом. «О чём задумалась, моя Тыковка?» — прозвучал его голос мягким бархатом, обволакивая её. Надька не отвела взгляда от ускользающей вдаль реки. «О вас, мой Змей Горыныч, — тихо ответила она. — Что вы хотите от нас? Что творится вокруг?» Фёдор вздохнул, и взгляд его устремился к горизонту, где небо сливалось с водой.

— Правда ещё должна созреть, — обронил он в ответ, словно пробуя на вес каждое слово.

Надька нахмурилась так, что казалось, вот-вот разразится гроза. «Слышала я это уже не раз. Я требую правды здесь и сейчас!», — отрезала она, словно обнажила сталь.

Фёдор замолчал, и тень, мимолётная, как вспорхнувшая ночная бабочка, промелькнула в глубине его глаз. Но он тут же взял себя в руки, словно натягивая маску невозмутимости.

Несколько часов, что они провели на привале, протекли очень быстро, словно сквозь пальцы ускользнули.

— Пора выступать, Надька. До развязки остались считанные мгновения, — сказал Фёдор.

К полудню они вышли к странному поселению, словно мираж возникшему на лесной поляне: четыре избушки, примостившиеся среди вековых сосен. У одного из домов блеяли козы, вторя их трелям, кудахтали куры. Увидеть такое посреди дремучей тайги казалось нереальным. Стог сена высился, словно золотая корона. На окнах одного из домов кокетливо красовались занавески. Вокруг царила чистота и порядок — словно островок уюта и покоя, куда они наконец вступили.

— Ура! — выдохнул Игнат, но Фёдор не дал ему договорить.

— Братуха, — предостерегающе произнес Фёдор. Игнат, словно провинившийся школьник, безмолвно изобразил замок на губах.

Иван с неотрывным вниманием фиксировал происходящее камерой. Все понимали: вот она, конечная цель их изнурительного путешествия.

— Надька, — голос Фёдора прозвучал неожиданно мягко, — видишь тот дом, что с занавесками на окнах? Иди туда.

— Фёдор, может, что-то взять? — робко спросила Надька.

— Ничего не надо брать. Просто войди, живо! — отрезал Фёдор. — Все остальные остаются на своих местах.

Внутри у Надьки всё дрогнуло от необъяснимого волнения. Она не смела перечить дяде Фёдору, особенно в такие моменты, хотя до конца и не понимала суть происходящего. Однако она догадывалась: в этом доме с кружевными занавесками, судя по всему, живут те самые пожилые женщины-староверки, ради встречи с которыми и был проделан этот нелёгкий путь сквозь тайгу и болота.

Страх внезапно отступил, уступив место любопытству и благоговению. Она уверенно направилась к дому, как учил её дядя Фёдор, и, постучав в дверь, аккуратно оперлась на притолку, произнеся тихим, но отчётливым голосом:

— Мир вашему дому, хозяйки. Позвольте войти.

Дверь отворилась медленно, словно нехотя приоткрывая тайну, скрытую за порогом. В горнице стояла женщина, время оставило на её лице печать прожитых лет — около семидесяти. В её добром взгляде промелькнуло что-то смутно знакомое, будто отголосок далёкого прошлого. Простая холщовая рубаша и тёмный сарафан говорили о скромности и близости к земле. Голову покрывал скромный платок, из-под которого непокорно выбивались седые пряди, словно нити серебра в ночи.

— Мир тебе, дитя. Коль пришла, заходи, — тихо проговорила она, отступая в глубь избы. Голос её звучал мягко и приветливо.

Надька несмело переступила порог. В избе царили чистота и уют, согретые ласковым теплом домашнего очага. В воздухе витал пьянящий аромат трав и свежееиспечённого хлеба, пробуждая самые тёплые воспоминания. В углу, словно крохотный маяк, мерцала лампада перед старинной иконой, озаряя тихим светом лики святых. За столом, укрытая тенью, сидела ещё одна женщина, древняя, как сама земля. Наверное, ей было около девяноста. Скромные одежды подчёркивали её внутреннюю силу и мудрость. Она молча наблюдала за вошедшей.

Надька ощущала их взгляды — цепкие, словно паутина, пронизывающие насквозь. Казалось, что они пытаются прочесть тайные письма, начертанные на её душе. Внутри у неё, как пойманная птица, билась тонкая дрожь волнения, предвещающая нечто важное, судьбоносное.

— Присаживайся, — голос женщины, той, что была помоложе, мягкий и тягучий, словно мёд, указал на лавку у стола. — Чайку попьёшь с нами? Редко нынче гости к нам заглядывают.

Надька присела, стараясь не встречаться взглядом с пристальными, изучающими глазами старушек. Она знала, что сейчас начнётся. Сейчас начнётся то, ради чего она проделала этот путь вместе с дядей Фёдором и остальными. То откровение, та правда, которую она так жаждала познать.

Старшая из бабушек продолжала молча наблюдать за ней. Та, что помладше поставила на стол глиняный чайник, и изба наполнилась густым, дурманящим ароматом таёжных трав. Она ловко разлила чай, и одну из чашек протянула Надьке. Жар кружки обжёг кончики пальцев, но она с благодарностью прижала её к себе, чувствуя, как живительное тепло отгоняет прочь смятение. Первый глоток ошпарил горло и тут же разлился по телу блаженной негой, смывая тревоги и согревая изнутри.

— Фёдор тебя прислал, вижу, — нарушила молчание младшая из женщин. Голос её, тихий, но властный, звучал уверенно. Надька кивнула, не поднимая глаз. — Значит, время пришло. Два года ждали мы весточки от него. Долго берегли то, что доверено нам было.

Надька чувствовала, как крепнет её замешательство. Но она решилась заговорить:

— Разрешите представиться, милые бабушки. Меня зовут Надька. Фёдор ваш зовёт меня Надеждой Александровной.

Бабушки улыбнулись в ответ, и вдруг Надьку словно пронзило током. Она осеклась. На стене висел портрет её совсем юной мамы, держащей на руках малютку — её, Надьку. Точно такая же фотография хранилась в городской квартире, оставленной ей бабушкой. Рядом с этим снимком в таёжной избушке висела ещё одна фотография: её мама, Надька лет шести и незнакомый мужчина, обнимающий их обеих. Отца своего Надька не помнила вовсе — память не сохранила ни единой черты. Рано осиротев, она знала о нём лишь обрывки фраз, оброненных бабушкой, словно та скрывала правду за непроницаемой завесой молчания. Бабушка избегала разговоров об отце Нади. Она знала, что, когда он повстречал её несчастную, глупую дочь, и у них родилась Надя, у него уже были жена и сын. Горькая правда жизни, которую бабушка хранила в тайне, считая этого человека виновником всех их бед.

Надька поднялась и подошла к стене. Среди множества снимков она вдруг увидела Зою Ивановну с тем самым мужчиной, что был на фото с ней и мамой. Зоя Ивановна, Игнат... Игнат, так похожий на бабушку, открывшую ей дверь.

— Простите, милые бабушки... Почему наши с мамой фотографии висят здесь? И кто этот мужчина, держащий меня вместе с мамой за руку? Почему?... Почему всё это?

И вдруг её осенило.

— Так вы... мои бабушка и прабабушка? А Игнат — мой сводный брат? Теперь-то всё встало на свои места! Вот почему Зоя Ивановна бросала на меня такие испепеляющие взгляды, почему Игнат, ухмыляясь, нет-нет, да называл меня сеструхой... Глупая, я не придавала этому значения. В детском доме мы все были братьями и сестрами... Но теперь... Вот почему Горыныч не ревновал! Почему этот чёртов дядя Фёдор сразу не открыл мне глаза?!

Надька, словно ошпаренная, выбежала из дома, захлёбываясь слезами. Рано осиротевшая, она провела долгие годы в детском доме, не зная всей правды о своём происхождении, о том, кем был её отец. Вспомнился ехидный, презрительный взгляд тёти, родной старшей сестры её мамы, и молчание её милой бабушки, так и не открывшейся ей...

В ней разыгралось отчаянное желание сорваться с места, бежать без оглядки отсюда, от этих людей, от всего того, что в одночасье перевернуло её прежнюю жизнь. Но куда? Вокруг простиралась лишь безмолвная, всепоглощающая тайга, своим величием и бескрайностью давящая на плечи, словно неподъёмная ноша.

Фёдор, увидев убегающую Надю, выплюнул сигарету и скомандовал:

— Игнат, проводи всех в дом к бабушкам! Живо! Угощения доставай! Мне нужно с Надькой поговорить!

И, словно сорвавшийся с цепи, он ринулся вслед за Надькой, растворившейся в сумраке стоящего рядом с домом сарая. Тишину сонного полудня вдруг пронзили тихие, как вздох ветра, рыдания. Они рождались в покосившейся избушке, где пахло козами и душистым сеном, словно воспоминаниями о лете. Там, в сумрачном коконе полумрака, сломленная горем или, быть может, ослеплённая нежданной радостью, плакала Надька — одинокая мелодия в симфонии молчания.

— Надежда Александровна... Надька... Дорогой мой человек... Родная... Тыковка моя... Злючка-колючка... Моя Монголка... Ну прости меня...

— Оставьте меня в покое, Фёдор Викторович... Мне нужно побыть одной.

— Ни в коем случае, — возразил Фёдор. — Ну, не злись, Тыковка...

— Прекратите, Фёдор Викторович! — сказала Надька. Фёдор давно подметил за ней одну особенность: когда её что-то возмущало, или она была чем-то глубоко недовольна, в общении с ним «ты» словно таяло, уступая место холодному, отстранённому «вы». Ему этот тон не понравился. Ему вообще переставало нравиться происходящее. Ему не нравились эти слёзы, в них было столько боли.

— Надька, милая, ну прости...

— Рассказывай, — вдруг перебила его Надька. — Рассказывай всё!

И Фёдор заговорил:

— Два года назад, когда я впервые познакомился с бабушками, меня заинтересовали фотографии на стене: один мужчина и две совершенно разные женщины. Одна — дитя тайги, охотник-заготовитель, суровая... Другая — совсем юная, городская барышня... Игнат в ту поездку был со мной, он и познакомил меня со своими бабушками. Он знал, что был период, когда его родители расставались. И в городе у отца появилась молодая девушка, которая вскоре родила дочь, которую назвали Надеждой.

Словно тайное зимнее солнце, пробивающееся сквозь свинцовые тучи, истина прорвалась в твою жизнь, Надька. В год, когда медведь вырвал из объятий жизни твоего отца, Зоя Ивановна, ведомая невидимой рукой судьбы, нашла его планшет. Внутри, словно в хрупкой янтарной шкатулке, покоились фотографии — твои и твоей матери. Она передала их бабушкам, двум хранительницам родовой памяти: Нине Пантелеевне и Александре Григорьевне. Игнат — твой сводный брат. Как было не заметить этого поразительного сходства? Единый взгляд, словно печать рода, доставшийся вам обоим в наследство, — чуть прищуренные, лукавые, словно отблески костра, монгольские очи, за которые я тебя и зову, любя, «Моя Монголка».

В тот скорбный год, словно с грохотом обвалившаяся завеса непроглядной тьмы, миру явилась тайна: у вашего с Игнатом отца была другая семья, другая жизнь, сокрытая под спудом молчания. Зоя Ивановна, сломленная предательством и тяжким горем, едва не растворилась в ледяной пустыне тайги, но верные собаки, словно ангелы-хранители, вырвали её из смертельной хватки.

А бабушки... казалось, испили эликсир вечной юности, радуясь неожиданному дару судьбы — у них был не только внук Игнат, редкий гость в их обители, но и долгожданная внучка, ты, Надежда, которую они сегодня впервые увидели воочию.

— Узнав эту историю, — продолжал Фёдор, — я начал тебя искать и, знаешь, довольно быстро нашёл. Связи помогли. Как только вышел на тебя, несколько дней следил. Знал, что ты живёшь одна. И в тот день, когда ты купила свои тыковки и свечки, я специально толкнул тебя... Твой пакет порвался... А дальше ты всё сама знаешь.

— Но почему вы, Фёдор Викторович, молчали? Почему сразу не рассказали? — наконец, прошептала она, глядя ему в глаза.

Надька отвернулась к окну, и взгляд её утонул в непроглядном, торжественном величии тайги. В голове бушевал вихрь мыслей, сталкивавшихся и перебивавших друг друга, словно стая взбесившихся птиц. В сердце klokотал горький коктейль из обиды, недоумения и щемящей утраты. Но рядом с этой горечью росло робкое, но настойчивое чувство: обретение семьи, корней, уходящих вглубь этой суровой земли. Бабушка, прабабушка, сводный брат... целый мир неведомых родственников, словно осколки давно разбитой вазы, собранные вместе. И отец... Отец, которого она никогда не знала... Его призрачная тень здесь, в лесном царстве, ощущалась особенно остро. Он сам был частью этого дикого, не прощающего слабости края. Воздух, настоящий на запахе трав, дыма костра и терпкой тоски по давно минувшему, тяжёлым бременем давил на плечи, заставляя сердце биться в лихорадочном ритме. Надька чувствовала, что не случайно её забросило сюда, что какая-то неведомая, но непреодолимая сила привела её в эти края, к этой правде, к этому роковому перепутью, где ей предстояло решить, как жить дальше, какую тропу выбрать в сплетении судьбы.

Фёдор неслышно приблизился к ней со спины. Лёгким движением развернул к себе, и в тот же миг их губы слились в первом, долгожданном поцелуе. Здесь, в самом сердце дикой тайги, под сенью вековых сосен, он целовал свою Монголку. Поцелуй был словно обещание, словно печать, скрепляющая их судьбы в этом суровом, но прекрасном краю.

Надька ответила на поцелуй, робко, неумело, словно бабочка, впервые коснувшаяся цветка. В объятиях Фёдора она вдруг ощутила себя в безопасности, словно в коконе, сотканном из тепла и заботы. Она отстранилась, несмело провела пальцами по его щеке, ощущая колющее прикосновение жёсткой бороды. В его глазах плескалось такое море нежности и тепла, что она невольно улыбнулась, и боль, словно испуганная птица, отступила, уступив место робкой, едва проклюнувшейся надежде. Мир, казавшийся прежде враждебным и чужим, вдруг заиграл новыми красками, и она больше не чувствовала себя одинокой.

Фёдор бережно взял её за руку и повёл обратно к избе. Там, за накрытым столом, их уже ждали бабушки, тётка Акси́нья с мужем и сыном и молчаливый Игнат. В избе витал густой, пьянящий аромат свежееиспечённого хлеба и душистых таёжных трав. Игнат, смущённо улыбаясь, едва заметно кивнул ей, а взгляд бабушек был полон безграничной любви и сочувствия. Надька почувствовала, как в её сердце начинает прорастать что-то новое, светлое и родное, словно первый росток сквозь мёрзлую землю. Она присела за стол, и прабабушка Александра Григорьевна взяла её ладонь в свои натруженные руки.

— Теперь ты дома, внученька, — прошептала она, и в голосе её звучала усталая радость. — Наконец-то ты с нами.

— Александра Григорьевна, Нина Пантелеевна, доброго здравия, — поклонился Фёдор. — Вот, отыскал вашу красавицу. Если позволите, пойду истоплю баньку. Столько месяцев в пути, не терпится смыть дорожную пыль. Игнат, помоги-ка!

Вслед за Фёдором и Игнатом Илья и Иван тоже покинули избу, оставив женщин одних. Акси́нья, казалось, пребывала в некоторой растерянности.

— Надька, ты только представь, сколько времени Горыныч от нас всё это скрывал! Протащил нас через непроглядную тайгу... Я так рада, что ты наконец обрела свою семью — бабушек, брата... и меня, твою сестру. Мне кажется, между тобой и Фёдором всё-таки что-то произошло. Или я ошибаюсь?

Надька зарделась, щеки её вспыхнули, словно маки в поле.

— Акси́нья, — вдруг оборвала она сестру Фёдора, — мы в гостях у почтенных бабушек. Полно тебе.

— Молчу, молчу...

— Но знаешь, моему брату, которого ты дядей Фёдором величаешь, так и не удалось тебя перевоспитать.

— Ничего, вернемся домой, я ему тогда задам, — с лукавой усмешкой и игривой угрозой в голосе проговорила Акси́нья. — С вашего позволения, я удалюсь, — и, оставив Надьку с дорогими её сердцу бабушками, вышла из избы.

После обжигающего жара баньки, размякшие от неги гости закончили этот богатый на события день за щедро накрытым столом. Нина Пантелеевна, хозяйка с душой нараспашку, уступила Акси́нье с мужем и сыном свою половину дома, будто открывая им двери в самое сердце гостеприимства. Игнат с Фёдором нашли приют на душистом сеновале, где травы нашёптывали им сказки полей. А Надька впервые в жизни засыпала в доме своей прабабушки, Александры Григорьевны. Бабушка Нина Пантелеевна, словно ангел-хранитель, склонилась над засыпающей внучкой, укрыв её мягким, невесомым, как облако, пуховым одеялом. Она присела рядом и, словно из самой груди вечности, полилась тихая, завораживающая песня: «Плавали уточка с лебедушкой по речке, две одинёшеньки в тумане дней. Искали верного плеча, сердечка, среди тихих заводи и звонких ручейков...» Голос её, будто нить из серебра, плел кружево воспоминаний, окутывая комнату теплотой и любовью.

*Плавали уточка с лебёдушкой по речке,
Две одинёшеньки в тумане дней.
Искали верного плеча, сердечка,
Средь тихих заводи и звонких ручейков.*

*А берег, словно в дрёме, утопает
В серебряной осоке и тишине.
Лишь ветер, странник, сказки напевает
О днях давно минувших, старине.*

*И солнце, с высоты небес лазурных,
Глядит, как будто сквозь завесу грёз,
На их печали, тайно-слёзно хмурых,
И тайны, что хранит речной утёс.*

*Уточка пёстрая, юркая, проворная,
Всё рыщет взглядом в мутной глубине,
Надеясь встретить участь благородную,
Чтоб не скитаться больше в тишине.*

*А лебедь белая, с изгибом горделивым,
Плывёт неспешно, словно королева,
И кажется, что сердцем справедливым
Она владеет, душу свою грея.*

*Но в каждой капле утренней росы,
В любой травинке, что дрожит от ветра,
Скрываются надежды и красы,
И ожидание радостного света.*

*И вот однажды, в час, когда заря
Окрасила всё небо нежным цветом,
Увидели они вдали корабль
Сияющий, манящий силуэтом.*

*На палубе стоял пригожий князь,
Один-одинёшенек, печален взглядом.
И вдруг, увидев их, он, не таясь,
Сказал слова, что стали им наградой:*

*«О, лебедь белая, и уточка моя,
Я вижу в вас надежду и участие.
Взойдите на корабль и навсегда
Забудете про горе и ненастье!»*

*И лебедь с уточкой, полны восторга,
Взошли на борт, где ждал их князь прекрасный.
Повёз он их дорогой долгой,
В край дивный, удивительный и ясный.*

*Где реки полны рыбы золотой,
Луга цветут ковром бескрайним.
Где солнце светит с теплотой такой,
Что счастье льётся через край хрустальный.*

*И зажили они в любви и ласке,
Забыв печали прошлые навеки.
И помнили всегда о доброй сказке,
Что началась на тихой, сонной протоке.*

Надька, затаив дыхание, дослушала бабушкину песню до конца. В тишине комнаты прозвучал её тихий голосок: «Знаешь, бабушка, эту песню мне в детстве мама пела... Я помню только один куплет, как сквозь сон». Бабушка Нина, с любовью глядя на внучку, тихо промолвила: «Это любимая песня моего покойного сына... твоего отца». Надька нежно обняла бабушку, прижавшись щекой к её морщинистой руке. «Спокойной ночи, родная», — сказала Нина Пантелеевна. И, убаюканная теплом родного дома, Надька уснула.

Рано утром, когда заря лишь робко касалась верхушек сосен, Фёдор, словно лесной дух, прокрался в дом, где ещё спала Надька. Присев на корточки у её кровати, он нежно, трепетно, боясь спугнуть последние грёзы, коснулся пряди её волос и прошептал: «Доброе утро, Надежда Александровна... Надька... Душа моя... Родная моя... Тыковка... Злючка-колючая... Моя Монголка...»

Надька, не открывая глаз, словно купаясь в остатках сновидений, промурлыкала в ответ: «Доброе утро, Змей Горыныч...»

Фёдор потянулся к ней за поцелуем, но в этот миг его спину оглушительно хлестнула палка. Бабушка Александра Григорьевна грозно возвышалась над ним: «Федька! Бесстыдник! Что удумал, девку целовать незамужнюю в доме её бабушек! Надька, и тебе не совестно, глаза бы мои не видели...» Федька, словно ужаленный, вылетел из дома. Во дворе, сотрясаясь от хохота, стоял Игнат, и на этот неистовый смех из дома высыпало все семейство Аксины. В стороне за этой суматохой, словно безмолвные наблюдатели, следили Нина Пантелеевна и Зоя Ивановна, окруженная своими четырьмя собаками — помесью ласк и маламутов. Игнат, утирая слёзы, резко обернулся: «Мам, а ты что здесь делаешь?» Никто из присутствующих не ожидал увидеть эту суровую, немногословную женщину.

«Дело есть», — отрезала Зоя.

Она вошла в дом, где Александра Григорьевна уже вовсю отчитывала покрасневшую Надьку. Старенькая прабабушка с трясущейся головой вещала о том, что целовать мужа позволено лишь после венчания. Надька понимала, что в её словах есть доля правды, но на дворе

двадцать первый век, век технологий и свободы. Она молчала, зная, что в этих краях, в сердце тайги, свои незыблемые устои и правила.

«Доброго всем здравия», — произнесла Зоя Ивановна.

«Вы... неожиданно», — тихо промолвила Надька.

«Бабушка Саня, можно мне поговорить с вашей Надюшей наедине?», — спросила Зоя.

Когда они остались вдвоём, Зоя Ивановна тихо произнесла: «Надюша, прости меня за тот холод при нашей первой встрече. Две ночи не спала, всё пыталась вас догнать... Всякое в жизни бывает. И твоей нет вины в том, что у моего покойного мужа была другая женщина. Но я любила его больше жизни».

Надька, взяв её руку, ответила: «Знаете, тёть Зоя, милая Зоя Ивановна, в этой истории у всех всё было сложно. Мама рано ушла, я росла в детском доме, отец погиб... Но, несмотря ни на что, мы все теперь вместе. Я очень рада, что у меня есть две бабушки и вы с Игнатом». И, не сдержавшись, Надька крепко обняла Зою Ивановну.

Зоя Ивановна, стиснув Надьку в объятиях, ощутила, как в горле встаёт давящий комочек невыплаканных слёз. Она, привыкшая скрывать свои чувства за маской суровости, впервые за долгие годы позволила себе проявить слабость. В памяти всплыли годы, сотканые из горького одиночества, опалённые болью утраты, отмеченные печатью несправедливой судьбы. И вот перед ней стоит эта хрупкая девушка, дочь человека, которого она любила, и в сердце её нет ни злобы, ни обиды. Лишь тепло и готовность принять её в свою семью.

«Прости меня, девонька», — прошептала Зоя Ивановна, отстраняясь от Надьки. Она достала из кармана варежки, некогда подаренные ей мужем, и протянула их Надьке. «Возьми. Это память. Он бы хотел, чтобы они были у тебя». Надька приняла варежки, ощущая тепло шерсти и лёгкий аромат табака, отдалённо напоминавший запах отца.

На веранде слышались голоса. Александра Григорьевна, прихватив с собой Нину Пантелеевну, явно собиралась разведать обстановку. Зоя Ивановна, выпрямившись, посмотрела на Надьку: «Пойдем к ним. Они волнуются». Вместе они вышли на веранду, где бабушки, притихнув, с любопытством и опасением ждали их появления.

Увидев рядом Зою Ивановну и Надьку, лица их смягчились. Атмосфера напряжения рассеялась. Александра Григорьевна, подмигнув Нине Пантелеевне, провозгласила: «А не пора ли нам чайку с пирогами? Зоя Ивановна, прошу к столу, гостей будете!» Зоя Ивановна, слегка улыбнувшись, кивнула в знак согласия. В этот момент Фёдор, переборов смущение, несмело переступил порог дома, неся в руках букет полевых цветов. «Надька, это тебе...», — пробормотал он, протягивая девушке букет. Надька, засмеявшись, приняла цветы и взглянула на него с любовью. День начинался, и в доме, наполненном теплом и любовью, рождалась новая семья.

За столом разливалась атмосфера душевного тепла, сотканная из тихих улыбок и негромких разговоров. Александра Григорьевна, точно добрая волшебница из старинной сказки, щедро поила гостей ароматным чаем из расписных чашек, угощала пышными, румяными пирогами, где брусничная кислинка дразнила язык, а малиновая сладость ласкала нёбо.

Зоя Ивановна, обычно сдержанная и немногословная, преображалась, когда речь заходила о её питомцах. Рассказ о статных лайках и могучих маламутах, об их дикой грации и безграничной преданности вырывался из неё бурным потоком. О своих собаках она могла говорить часами, словно пересказывая захватывающую сагу. В их преданных глазах, в их тёплых мордах она видела не просто животных — самых верных друзей, безмолвных спутников, надёжных хранителей её одиночества. И в редкие моменты общения с людьми Зоя Ивановна вновь и вновь обращалась к этой животрепещущей теме, чтобы хоть на миг почувствовать тепло и близость тех, кто безоговорочно любил её.

Игнат подтрунивал над Федькой с добродушной усмешкой, и в шутках его не было и капли злобы — лишь искренняя дружба, выкованная километрами таёжных троп, пройденных плечом к плечу.

Аксинья же, как заботливая наседка, хлопотала вокруг мужа и сына, следя, чтобы у каждого всего было вдоволь.

Нина Пантелеевна, маленькими глотками вбирая в себя ароматный чай, с тихой радостью наблюдала за этой картиной семейного благополучия. Впервые за долгие годы она чувствовала себя частью чего-то большего, чем просто одинокая женщина, затерянная в холодной тайге. Тепло домашнего очага, искренняя забота окружающих, лучистые улыбки — всё это постепенно согревало её заледеневшую душу, растапливая многолетнюю отчуждённость, словно весеннее солнце — зимний лёд. Она украдкой взглянула на Надьку, сидевшую рядом с Фёдором, и в сердце её зародилась робкая, как первый подснежник, надежда на то, что теперь, когда их судьбы сплелись в один крепкий узел, одиночество навсегда останется в прошлом.

Они провели с бабушками в тайге около недели. Мужчины помогли заготовить сено и дрова на зиму. Зоя Ивановна со своими верными собаками вернулась домой. А бабушки не могли нарадоваться общению с внучкой Надей. Аксинью же неудержимо тянуло домой — к старшему сыну и ко всей своей большой семье. В последний вечер перед отъездом Фёдор, набравшись смелости, попросил у бабушек и Игната руки их внучки и сестры. Те дали согласие, поставив лишь одно условие: чтобы он впредь не называл её Надькой. «Хорошо, — заверил он. — Буду звать Надюшей».

Надька лишь слегка нахмурилась, услышав это новое имя, но спорить с бабушками не стала — это «Надюша» ей не особо пришлось по душе.

И когда бабушки, уставшие от хлопот, ушли спать, она тихо сказала Фёдору: «Спасибо тебе, мой Змей Горыныч. Но то, что бабушки дали тебе согласие на наш брак, ещё ничего не значит». Фёдор не стал слушать эти кокетливые речи. Он крепко прижал её к себе и осыпал поцелуями. Бабушки даже не подозревали, что здесь, в тиши таёжной ночи, их внучка и будущий зять провели самую незабываемую ночь любви.

На следующее утро они тронулись в обратный путь. Фёдор, видя, как утомились сестра с мужем, их сын, да и Надька намаялась от таёжных переходов, решил больше их не испытывать. Он договорился о вертолёте, и вскоре винтокрылая машина с комфортом понесла их над бескрайним морем тайги, домой.

Осеннее равноденствие: время, когда Тыковка обретает голос женственности

Осень неслышно вступила в свои права, словно лиса, махнув рыжим хвостом. День начался не так, как обычно. С первого этажа доносилось пение Надьки: «Плавала уточка с лебёдушкой по речке, две одиёшеньки в тумане дней. Искали верного плеча, сердечка, среди тихих заводи и звонких ручейков...» Фёдор, крадучись, вышел из спальни, присел на лестнице, соединявшей первый и второй этажи дома, и зачарованно слушал любимую песню отца Надьки. Обычно ему было некогда, и до слуха долетал лишь первый куплет. Но сегодня впервые он услышал её целиком. У Нади был дивный голос. Она часто, словно стесняясь, тихонько напевала во время работы. А сейчас пела открыто, не таясь, вкладывая в каждый звук душу.

Она замолкла, и Фёдор, с высоты лестницы, произнёс заветные слова: «Доброе утро, Надежда Александровна... Надька... Дорогой мой человек... Родная... Тыковка моя... Злючка-колючка... Моя Монголка...» И, помедлив, добавил: «Надь, послушай, а ведь в этой песне глубокий смысл. Знаешь, почему твой отец её любил?»

Надя вышла из кухни и вопросительно посмотрела на Фёдора: «Говори».

«Уточка и Лебёдушка... Это ты и твоя мама, к которым рвалась его душа, гавань, в которой хотелось укрыться от суровой тайги. Ты и твоя мать — глоток нежности и свободы... — сказал он. — Уточка и Лебёдушка — это мать твоего отца, твоя бабушка Нина Пантелеевна и...»

Не дав договорить, Надька выпалила: «Да, и бабушка Александра Григорьевна...»

Фёдор удивлённо взглянул на неё: «Надь, не перебивай... Уточка и Лебёдушка — это Нина Пантелеевна и Зоя Ивановна... Ты, наверное, заметила, как они дружны, как едины мать и жена твоего покойного отца... Столько женщин вокруг, его душа и сердце разрывались... Он и есть тот князь, которому хотелось бы посадить их всех на свой корабль».

Он вздохнул: «Но жизнь, увы, иная, нежели песня...» Спустившись вниз, Фёдор, не поцеловав Надьку, вышел на улицу и закурил сигарету.

Надька, конечно, привыкла к его импульсивности и даже потакала ей. Но почему он разозлился? Она не побежала вслед за ним. Осталась в кухне готовить завтрак. За эти месяцы она стала отличной хозяйкой, и блюда у неё получались отменные, с выдумкой. Надя понимала, что путешествие в тайгу закончилось, и ей нужно возвращаться в свою городскую квартиру. И Фёдор сейчас со своими утренними размышлениями...

Она решила: как только он отправится на работу в свой мебельный цех, она тут же сядет на поезд и уедет. Тем более, билет уже куплен, и день отъезда — именно сегодня.

Дым сигареты расплзался в осеннем воздухе, смешиваясь с запахом прелой листвы и влажной земли. Фёдор глубоко затянулся, пытаясь унять внезапно возникшую тревогу. Что-то ускользало от него, какая-то важная деталь, спрятанная в словах песни, в настроении Надьки, в её взгляде. Он чувствовал приближение перемен, но не мог уловить их суть.

Фёдор докурил сигарету, бросил окурки в урну. Он взглянул на дом. Окна приветливо светились, зазывая теплом и уютом. Уют — это Надька. Её заботливые руки, её тихий голос, её нежная улыбка. Мысль о том, что он может это потерять, кольнула его сердце. Он никогда не говорил об этом, но он боялся её потерять. Боялся, что она однажды просто уйдёт, как улетаю птицы на юг, не оставив даже записки.

Он вернулся в дом и застал Надьку за накрыванием стола. Аромат свежее испечённых сырников щекотал ноздри. Надька, как ни в чём не бывало, поставила перед ним чашку дымящегося кофе. «Садись, Горыныч, завтракать», — сказала она своим обычным, спокойным тоном. Он сел, но к еде не притронулся. Смотрел на неё, пытаясь разгадать её мысли.

Надька заметила его взгляд, но ничего не сказала. Она знала, что он что-то чувствует, что-то подозревает. Но она молчала, храня свою тайну до последнего момента. Ей тоже было тяжело. Расставаться всегда тяжело, даже если решение принято. Она любила этот дом, опьяняющий запах сосен, пульсирующий ритм жизни, сотканный из шёпота ветра и треска поленьев в камине. И Фёдора... его она тоже любила. Любила с той обречённой нежностью, с какой любят мимолётное тепло костра в промозглую ночь. Но в самой глубине души она знала: эта любовь — лишь эфемерное убежище, зыбкий островок посреди бушующего моря. Она не может вечно прятаться в тени его сложного, порой непредсказуемого характера. Две вольные птицы, привыкшие к бескрайнему небу, едва ли смогут свить прочное гнездо в одной клетке.

«Решено», — отчеканила Надя, ставя точку в зыбком уравнении их отношений.

Фёдор нарушил молчание: «Надь, ты сегодня какая-то... другая». Он выделил это слово — «другая» — словно пытаясь зацепиться за эту неуловимую перемену.

Надька пожала плечами, избегая его взгляда: «Всё как обычно, Фёдор. Просто осень. Навевает... всякое». Она старалась говорить как можно непринуждённое, изображая безразличие, но Фёдор чувствовал фальшь. Он видел, как дрожат её пальцы, когда она наливала себе кофе, как она украдкой поглядывала на часы, висящие на стене.

После завтрака Фёдор поехал в цех. Надька проводила его до ворот, поцеловала в щеку и быстро вернулась в дом. Она знала, что у неё мало времени. Собрав небольшую сумку, она ещё раз окинула взглядом комнату, словно прощаясь с ней. Потом, глубоко вздохнув, вышла из дома, закрыв за собой дверь.

На перроне вокзала толпились люди, провожающие и встречающие. Надька огляделась в поисках своего вагона. Осень властно вторглась не только в город, но и в её душу, окутав всё терпким ароматом увядающих листьев и горьковатым дымом костров. Она поднялась по ступенькам вагона, показывая проводнице билет. Купе оказалось чистым и уютным. Надька положила сумку на верхнюю полку и села у окна, наблюдая за суетой на перроне.

Поезд тронулся, медленно набирая скорость. Мимо проплывали осенние пейзажи: золотые берёзы, багряные клёны, серые поля. Надька смотрела в окно, пытаясь заглушить печаль. Она знала, что поступает правильно, но сердце щемило от тоски. Она вспоминала Фёдора, его импульсивность, его нежность, его сложные и противоречивые чувства. Она улыбнулась сквозь слёзы, вспоминая свои прозвища: «Тыковка моя», «Злючка-колючка», «Моя Монголка». Эти странные, но такие милые слова, говорили о его привязанности к ней.

Городская квартира встретила Надю привычным шумом улицы и запахом пыли. Всё здесь, в отличие от пропитанного лесным ароматом дома и наполненной теплом кухни, было чужим, неживым. Белые стены, строгая мебель, отсутствие цветов на окнах — всё кричало об её одиночестве. Она поставила сумку на пол, подошла к окну и долго смотрела на прохожих, снующих внизу. Все они спешили по своим делам, погружённые в собственные мысли.

Надя заварила себе чай, села в кресло и включила старую лампу. Мягкий свет немного смягчил угрюмую атмосферу комнаты. Она достала из сумки фотографию, на которой они с Фёдором стояли на фоне залитой солнцем тайги. Его рука обнимала её за плечи, а на лице сияла редкая, но оттого ещё более драгоценная улыбка. Надя бережно провела пальцем по его изображению и тихо вздохнула.

Вечер пронзил звонок в дверь, словно треснувший лёд. На пороге — Димка, друг старый, как потемневшая от времени фотография. В глазах — не просто тревога, а выжженная безысходность. Вошел молча, ощупывая взглядом квартиру, словно ища ускользающую тень. И вдруг — отчаянно, беззвучно — обнял Надю, всем телом дрожа, как загнанный зверь. «Надя... зачем?» — хрипло выдохнул он, прижимая её к себе, словно пытаясь впитать в себя её боль. Она молчала — окаменело, парализовано. И это молчание кричало громче любых слов.

— Надька, я понимаю, говорить ты не хочешь, но мы с твоим Фёдором созваниваемся иногда. Он камень, человек слова и дела. Я-то, может, и сдам позиции под напором своей

жены, а у Фёдора — стальной хребет, взгляд на мир — как прицел снайпера. Неужели за этот год ты его так и не разглядела? Вы же прошли с ним сквозь эту тайгу... Я потом, как завороченный, смотрел фильм, который Иван, его племянник, выложил в интернете. Три часа хроники, три месяца вашего скитания — они перевернули во мне всё. Я увидел глубину этого человека, твоего дяди Фёдора. Он — сама природа, глыба, сын Хозяйки Тайги, неведомой, древней сущности. Заруби себе на носу, Надька: либо ты принимаешь его условия, его мир раз и навсегда, либо всё — он ни за кем бегать не будет и возвращать не станет. Он тебя хоть чем-то обидел? Скажи, Надька, — настаивал Димка.

— Нет, — тихо ответила Надя, — ни словом, ни делом... Димка, а откуда ты вообще узнал, что я вернулась?

— Все просто, Надька. Фёдор позвонил сегодня ещё до обеда. Сказал... «Тыковка сбегала от меня. Это её решение, и я его принимаю. Но у меня одна просьба: присмотри за ней».

— А... понятно, — бессильно выдохнула Надя. В тот самый момент, ледяным осколком, её пронзило осознание: Фёдор потерял навсегда.

— Ничего тебе не понятно, дурёха! — рявкнул Димка. — На телефон, позвони.

— Не буду, — упрямо отрезала Надя. — Дим, помоги мне с работой, ладно?

Димка понял. Молча поднялся и вышел из квартиры, оставив Надю наедине со своей тайгой в душе.

Проснувшись, она ещё теплила надежду на короткое сообщение, на знакомый голос дяди Фёдора, приветствующий её длинной ласковой тирадой: «Доброе утро, Надежда Александровна... Надька... Дорогой мой человек... Родная... Тыковка моя... Злючка-колючка... Моя Монголка...» Чуда не произошло. Надька поняла, что собственноручно лишила Змея Горыныча всех голов, срубила под корень здоровый смысл отношений. Сиротство, суровая школа детского дома, изнурительное путешествие сквозь тайгу — всё это закалило её, сделало сильнее. Но одну простую истину дурёха не усвоила: женщине нужна нежность, ласка, женственность и, конечно, плечо надёжного и сильного мужчины рядом. Осознание пришло, увы, с запозданием. Но что сделано, то сделано. Она вынесла ещё один горький урок: судьба щедро сыплет дары, но мы, ослеплённые собственным эгоизмом, их не замечаем. В памяти всплыл образ отца, мечущегося между суровыми женщинами тайги — матерью и женой Зоей — и маленькой Надькой и её мамой, искавших в нём тепло.

Надя поняла, что именно сейчас настал момент, когда стоит воспользоваться сбережениями, оставленными ей бабушкой. Она набрала номер Димки. «Дим, привет. Нужна твоя помощь. Хочу купить машину. Сумма у меня скромная, но, может, по своим каналам найдёшь что-нибудь приличное?» «Хорошо», — отозвался Димка. И уже через пару дней они оформляли документы на подержанный седан с небольшим пробегом, в отличном состоянии. Уроки вождения в тайге, наставления тётки Аксины не прошли даром. Надька начала таксовать, подрабатывала доставкой. Работа захватила её целиком: разные люди, динамичная жизнь, времени на тягостные размышления не оставалось.

Приближался день осеннего равноденствия, и Надька мечтала встретить его на Капище Фёдора. Она знала, что в праздники он появляется там после четырёх вечера, поэтому решила приехать к полудню. На рынке она купила сочные оранжевые тыквы, словно сошедшие со страниц сказок. Яблоки, груши, орехи, душистый мёд, сладости и огромный букет хризантем — мелких разноцветных, вперемешку с крупными — она несла Хозяйке Леса, Хозяйке Тайги. И ещё приглянулась ей подвеска с медовым сердоликом и, невесть зачем, мужской серебряный браслет с изображением папоротника.

Вечером, погрузив все дары в машину, она тронулась в путь. Дорога предстояла неблизкая. Но Надька всё рассчитала: в полдень она будет на Капище.

Золотые кроны деревьев играли в лучах солнца, а прохладный ветер доносил запах прелой листвы. В голове Надьки всплывали картины таёжной жизни: вечерние посиделки у костра,

звуки гитары. Однако главным в её памяти оставался Фёдор, его рассказы о лесных духах и старинных преданиях, как он учил её ориентироваться по звёздам, отличать съедобные грибы от ядовитых, как они вместе ходили на охоту и рыбалку. Вспомнила его руки, загрубевшие от работы, но такие нежные и бережные, когда он касался её. И сердце её сжималось от осознания потери.

Наконец, вдали показалось Капище — древнее место силы, где Фёдор проводил свои ритуалы. На Капище почти ничего не изменилось. Разве что лики стали смотреть на Надю... иначе. Она выгрузила дары и аккуратно разложила их вокруг валуна: тыквы, орехи и мёд. Потом украсила всё это изобилие яркими осенними цветами. Затем достала подвеску с сердо-ликом и серебряный браслет. Надька замерла. Зачем она его купила? Жест отчаяния, попытка вернуть прошлое или робкая надежда на будущее? Она подошла к одному из чуров и повесила браслет на его руку. Пусть он станет символом её понимания и веры в то, что ещё не всё потеряно. Она произнесла тихую молву Хозяйке Тайги, прося прощения за свою глупость и эгоизм. Она просила дать ей шанс всё исправить, доказать Фёдору, что она изменилась и достойна его любви.

Солнце начало клониться к закату, окрашивая лес в багряные тона. Надька долго сидела у валуна, погружённая в свои мысли. Она вспоминала Фёдора — тепло его взгляда, свет мудрости в каждом слове. В голове всплывали картины их совместных мечтаний о маленьком домике, затерянном в сердце тайги, о том, как плечом к плечу, преодолевали невзгоды, они будут находить счастье в простых, незамысловатых радостях. Слёзы катились по её щекам, но это были слёзы очищения, слёзы раскаяния.

Вдруг она услышала хруст веток. Надька вздрогнула и обернулась. Из-за деревьев вышел Фёдор. Он выглядел усталым, но глаза его светились теплом и любовью. Надька не могла пошевелиться, словно онемела. Она смотрела на него, не веря своим глазам.

Фёдор подошёл к ней и обнял. Его объятия были такими же тёплыми и надежными, как и прежде. «Я знаю, что ты изменилась, Надька», — прошептал он ей на ухо. «Я всегда знал, что в тебе есть что-то особенное. Я просто ждал, когда ты это осознаешь». Надька заплакала ещё сильнее, прижавшись к нему. Она чувствовала, как её сердце наполняется надеждой и любовью.

В этот вечер они долго сидели у костра, разговаривая обо всем на свете. Они вспоминали прошлое, строили планы на будущее. Надька поняла, что её приключение окончено, и она наконец-то вернулась домой. Домой, где её любят и ждут. И пусть осень в этот год выдалась холодной, в сердце Надьки расцвела весна.

«Добрый вечер, Надежда Александровна... Надька... Дорогой мой человек... Родная моя... Тыковка... Злючка-колючка... Монголка моя... — Фёдор словно выдохнул эти слова после жаркой встречи. — А вы, матушка, вижу, на славу постарались с дарами в этот благословенный день осеннего равноденствия. В этом сентябре, в Вересень, всё прекрасно... Лес... Дары... Букет для Хозяйки Тайги — украшение изящное». Фёдор не просто подмечал детали — он являл миру глубокое почтение к традициям предков, преклонение перед величием природы и благоговение перед каждым дыханием жизни.

И перед ним сейчас не та искусственная Тыковка, что встретила случайно или не случайно на крыльце супермаркета, а настоящая Женщина: молодая, женственная, импульсивная, как горная река. «Вижу, Надежда Александровна, и подарок вы приготовили. Размер браслета мой, и символ папоротника — мужской. Всё продумано до мельчайших деталей... Дочь своего отца, внучка своих бабушек-староверок, сестра брата-охотника Игната... Ты — часть тайги... значит, и моя тоже... Ведь и я, Фёдор, сын Хозяйки Тайги...», — и он протянул ей коробочку с кольцом. «Не зря я там, в тайге, руки у вашей таёжной родни просил... И они согласились... А вы, Надежда Александровна, согласны стать моей женой?»

Надька приняла кольцо и прошептала: «Да».

«Этим браслетом ты навеки сплела наши судьбы воедино. Отныне, рука об руку, нам идти по жизни, моя Надюша...», — прошептал Фёдор, и в голосе его прозвучала нежность, сродни шелесту листвы под лунным светом.

Надюша хотела возразить, но Фёдор запечатлел на её губах поцелуй, оставив без шансов на отказ.

Солнце медленно погружалось за горизонт, окрашивая небо в нежные оттенки розового и оранжевого. Лёгкий ветерок шелестел листвой, словно одобряя их союз. Надька и Фёдор, обнявшись, стояли на древнем Капище, окружённые дарами и светлой энергией леса. В этот миг они чувствовали себя частью чего-то большего, чем просто двое людей, влюблённых друг в друга. Они были частью тайги, частью её истории и частью её будущего.

Надька понимала, что ей предстоит многому научиться. Ей нужно будет научиться жить в гармонии с природой, уважать традиции предков и ценить каждый миг, проведённый рядом с Фёдором. Она знала, что их жизнь будет непростой, но она была готова к трудностям. Ведь рядом с ней был сильный и надёжный мужчина, который всегда поддержит и защитит её.

Фёдор смотрел на Надьку и видел в ней не только любимую женщину, но и верного друга, и спутницу жизни. Он знал, что их ждёт множество испытаний, но он верил в их любовь и в то, что они смогут преодолеть любые препятствия. Он видел в ней ту самую женщину, которая сможет разделить с ним его жизнь, которая будет заботиться о доме и семье, которая будет чтить традиции предков и передавать их будущим поколениям.

В этот вечер на Капище зародилась новая семья. Семья, основанная на любви, взаимопонимании и уважении. Семья, которая станет частью истории тайги и будет бережно хранить её древние традиции. И пусть впереди их ждут трудности и испытания, они будут идти рука об руку, преодолевая все препятствия и радуясь каждому мигу, проведённому вместе. Ведь они знают, что их любовь — это сила, которая поможет им справиться со всем.

Их история — это полотно, сотканное из нитей любви, прощения и искупления. Это притча о мимолётности счастья, о ценности каждого мгновения, проведённого рядом с близкими. Это предостережение от опрометчивых шагов, оставляющих незаживающие раны в душе. Но, прежде всего, это песнь о надежде. О том, что даже в кромешной тьме можно найти в себе силы признать свои ошибки, искупить вину и, опираясь на любовь и веру близкого человека, начать новую главу своей жизни.

*Свела нас осень, рыжая лисица,
В объятьях ветра кружевном плела.
Игриво так, даря мечты зарницы,
Но вдруг ушла, дороги развела.*

*Разъехались пути в чужие дали,
Где нет искры, лишь ледяная мгла.
Забывать, простить, чтоб не терзать больную душу,
Не ворошить кострище, где мечта спала.*

*Но мудрость лет, как ангел светлкрылый,
Всё рассудила тихо, не спеша,
Нашла ключи к сердцам давно остывшим
И вопреки забвенью шанс дала.*

*И вот стоим мы вновь, боясь дышать,
У края пропасти, где прошлое живёт.
Два силуэта, призрачных, как тень,
Что память с тихой болью бережёт.*

*Мы помним всё: и горечь расставаний,
И лёд в словах, и пламя нежных чувств.
Как трудно строить мост через молчание,
И как легко разрушить хрупкий куст.*

*Но ангел мудрости, склонившись над судьбою,
Нашёл тропу, где свет вселяет жизнь.
Где можно заново поверить в чудо
И вновь услышать сердца тихий крик.*

*Не будем ворошить былое пепелище,
Оставим прошлое навеки позади.
Построим новый мир, где нет корысти,
Где только искренность и чистота души.*

*И робкий луч надежды, пробиваясь,
Коснулся наших лиц, дрожащих от тепла.
Мы — словно дети, вновь познавшие радость,
В руках друг друга ищем утешенья два крыла.*

*И пусть дрожит земля под нашими ногами,
И страх ещё клубится где-то в глубине,
Мы верим, что любовь — сильнее расстояний,
Что сможет разбудить сердца в осенней тишине.*

*И вот стоим, как путники в тумане,
Вдыхая терпкий запах хризантем.
Забыв обиды, словно в дивном сне,
Встречаем вместе новый день.*

*Пусть ветер перемен развеет грусть
И унесёт все тягостные сны.
Наполним наши души светлым чувством,
Ведь мы друг другу так нужны.*

Забудем счёт потерянным моментам,

*И каждый миг отныне ценим свято.
Пусть осень жизни станет нашим летом,
Любовью щедрой, радостью неожиданной.*

*Вдвоём рука об руку пойдём сквозь годы,
Храня тепло души и нежность взгляда.
И пусть поёт о нас осенняя природа,
Любовь, что не боится листопада.*

Моя Монголка: суровая красота тайги — колыбель нашей любви

Моя Монголка: суровая красота тайги — колыбель нашей любви

*Благословите, Боги, кров мой родимый,
Благословите души, что в нём живут.
Пусть каждое утро росой небесной омоет,
А вечер тихой песней успокоит: «Всё ладно, всё мирно».
Боги, храните священный огонь нашего очага,
Где семья — муж и жена, и их дети — корень жизни,
И Хозяйка Тайги, матушка наша, чья сила неиссякаема, а любовь
безбрежна, как сама Вселенная.*

В семье — уют, где смех ребячий льётся,
Любовь — нить прочная, что от отца берётся.
Но есть еще Хозяйка сумрачной Тайги,
Величественна, строга — нетленные круги.

Она нам мать — в шелках зелёных мхов,
В дыхании листвы, в молчании веков.
Любовь её — бездонный, тёмный омут,
Как нежная весна, заботой нас прикроет.

И в доме, где тепло, и в чашах тишины,
Мы чувствуем сиянье из глубины.
Семья и лес — два лика у любви,
Что душу наполняют, сказки нам плетя в ночи.

И звёзды в небе плещутся, как искры,
В костре ночном, где мысли наши чисты.
Там духи леса бродят невидимки,
Храня секреты древние, как свитки.

Она — как ива плакучая, склонённая над рекой,
Где дремлет, в водах тихих отражая лунный свет.
Её дыханье — ветра шёпот, еле зримый, неземной,
Объятья — сладость диких сот, что льют янтарный мёд.

И кажется, что время замирает,
Когда она свой лик нам открывает.
В глазах её — вся мудрость мироздания,
И тайна вечная, и тайный зов познания.

А в доме — запах хлеба и тепла,
Где мама сказки нежно нам плела.
Где братья и сестра, смеясь, играют,
И где любовь от бед нас укрывает.

Два мира в нас живут, переплетаясь,
То жизнью полнясь, то тоской терзаясь.
Но в каждом вздохе, в каждом новом дне
Мы ищем истину в таёжной тишине.

Хозяйка леса нас оберегает,
От зла и бед тихонько укрывает.
А дом родной — надёжный и уютный,
Наполнит сердце радостью попутно.

И пусть летят года, как птицы в стае,
Любовь к семье и к лесу не растает.
Она в сердцах у нас навек поселится,
Источником добра вовек нам будет литься.

И станем мы мудрее и сильнее,
Когда познаем тайны, что хранит стихия.
И в каждой песне, в каждом добром слове
Мы будем славить лес и дом наш кровный.

Так пусть же будет путь наш чист и светел,
И дух наш крепок, словно мудрый ветер.
И в сердце каждого из нас навеки
Останется любовь к родной земле и к дому предков.

Задолго до первых трепетных трелей птиц, рассыпавшихся над рекой и бескрайним лесом, задолго до робкого румянца, коснувшегося горизонта, начинали пробуждаться дома таёжных жителей. Казалось, сама Заря-заряница, златокудрая дева, торопила Солнце-батюшку на златотканой колеснице, отправляя его вершить новый день. Есть в сутках миг, Богами венчанный, — всего восемь заветных минут, когда мир пронизан божественным светом, окрашен терракотовым заревом, наполнен неземными вибрациями и едва уловимой музыкой Светлой Правы. И шепчут, в эти благословенные мгновения любое желание, чистосердечно загаданное,

непременно сбудется. Июньское утро семьи, живущей в сердце тайги, — месяца щедрого на славянские праздники и земные дары.

В избе, пронизанной первым робким лучом солнца, пробуждался хозяин — кряжистый дуб, укоренённый в тайге, чья стать крепка, а взгляд знает каждый изгиб лесных троп, каждый повадок таёжного зверя. Вслед за ним, словно ласточка, касаясь половиц едва слышным шелестом, порхала хозяйка, вплетая в каждый угол бревенчатого терема тепло заботы и хлопот. На полатах, словно сонные совы, потягивались дети, предвкушая щедрые россыпи летних забав и приключений.

Июнь щедро расточал свои дары: в изумрудной чаще лесов зардели рубиновые искры первых ягод, на лугах расцветало пьянящее разноцветье трав, реки лоснились серебром, взбурдаженные игрой солнечных лучей и плеском рыб. Праздники июня, словно яркие бусины на нити времени, сменяли друг друга: от славления Ярилы Вешнего до таинств Купалы, когда костры, словно огненные столпы, устремлялись ввысь, пронзая ночную тьму, а хороводы, ведомые лунным светом, зачаровывали землю, окропляя её надеждой и волшебством.

В преддверии Зелёных Святков, Троицы, когда трепетная зелень вдыхает жизнь в дома и сердца, семья погрузилась в священнодействие подготовки. Хозяйка, словно чаровница лугов, колдовала над венками, сплетая хоровод полевых цветов и шепчущих трав. Дети, маленькие травники, увлеченно собирали целебные коренья для кукол-оберегов, чувствуя в каждом корешке силу родной земли. А хозяин, отец семейства, склонившись над золотистой берестой, вырезал лёгкие лодочки, словно мечтал отправить по реке свои сокровенные надежды, моля водяного о благодати и покровительстве.

В избе витал духмяный аромат свежее испечённого хлеба, золотистого мёда и травяного чая. Этот запах, сплетаясь с запахом леса, солнца и земли, рождает неповторимую симфонию, наполняя сердца покоем и тихой радостью. В тот миг, когда первые лучи солнца озолотили землю, семья собралась вместе, благодаря Богов за жизнь, за мир и лад в избе, испрашивая благословения на грядущий день, наполненный трудами, заботами и щедрыми дарами Матушки-природы.

Их голоса, вторя утреннему птичьему разноголосью, возносились к небесам, сплетаясь в незримую нить со Светлой Правью. И в миг, когда Заря-заряница тихонько прощалась с отправляющимся в дальний путь Солнцем, заветное желание семьи, подобно драгоценному семени, бережно легло в благодатную почву родной земли, обещая прорасти щедрым благом и небывалым процветанием — как в её плодородном лоне, так и в их сплочённой семье.

Присев на корточки у их кровати, у семейного ложа, он нежно, трепетно, боясь спугнуть последние грёзы, коснулся пряди её волос и прошептал: «Доброе утро, Надежда Александровна... Родная моя... Моя Монголка...» Его любимая супружница, не открывая глаз, словно купаясь в ускользающих остатках сновидений, прошептала в ответ: «Доброе утро, Фёдор Викторович... Сокол мой ясный... Люба мой...»

«Сокол мой ясный» — так обращались, подчеркивая не только силу мужа, но и веру в него, в его непоколебимость. «Люба мой» — так исповедовали любовь и страсть, что клубились между ними, словно жаркое пламя. Если прежде имя отчество мужа звучало с её уст как укор, отражая недовольство или непонимание, то с того самого дня, как они стали единым целым, как их души сплелись в нерасторжимый узел, это стало знаком глубочайшего уважения. Исчезли

навсегда и легкомысленные «Надька», и шутливые «Тыковка», и колкие «Злючка-Колючка», как испарился из её лексикона язвительный «Змей Горыныч». Новый статус славянской семьи возник словно из ниоткуда, безмолвно и естественно, преобразив всё вокруг. Воздух наполнился уважением, а сердца — безбрежной, всепоглощающей любовью. Лишь его нежное «Моя Монголка» по-прежнему ласкало слух, словно отголосок трудного детства и юности, дерзкого нрава и завораживающего блеска её глаз. Она же, в свою очередь, всегда обращалась к нему «Фёдор», но не позволяла себе уменьшительно-ласкательных форм — не пристало главе рода, хранителю семейного очага. Он был её Сокол Ясный, её Фёдор Викторович, и лишь в минуты сокровенной близости и при их неизменном утреннем приветствии она могла позволить себе выдохнуть горячее «Люба мой». Всё было так, как и должно быть в настоящей семье. Для родных, соседей, друзей и знакомых они были чета Ванцевых: Федор Викторович и Надежда Александровна Ванцевы.

В их семейном укладе зародился ещё один, трепетно оберегаемый ритуал — ежедневный, словно молва, возносимая сразу после первых лучей солнца.

В любую пору, будь то знойное лето или морозная зима, они выходили навстречу дню. И тогда, едва уловимым шёпотом, подобно отголоску древних традиций, рождались слова. Обращаясь к восходящему светилу, они славили Богов, призывая их благословение на все четыре стороны света:

«О Боги, ниспослите благословение дому нашему,
Даруйте мир и согласие живущим в нём.
Пусть каждое утро льёт свет благодатный,
А вечер тихой дланью отгоняет мрак и злобу.
Охраните, Боги, священный огонь домашнего очага...»

Семья — муж, жена, дети и сама Хозяйка Тайги, Мать-Земля, в чьей безбрежной любви и неисчерпаемой силе они находили исток жизни. В этом утреннем ритуале они сплетались воедино, словно нити судьбы, образуя неразрывное целое.

Окончив священный утренний обряд, приступали к делам. Фёдор Викторович, словно тень, скользил к реке — их дом стоял на самом берегу таёжной реки. Умывался студёной водой, обдумывая планы на день. Он никогда не строил планов на грядущий день ночью. Ночь была создана для неги и любви, для сладкой истомы отдохновения.

В то время как Надежда Александровна колдовала над очагом, готовя завтрак. Она была отменная хозяйка, блюда из её рук выходили невероятными по вкусу — будто сама тайга делилась с ней своими секретами. Фёдор Викторович, хоть и слыл искусным кулинаром, стряпню супруги ценил превыше всего, однако в глубине души хранил один негласный закон: есть блюда, подвластные лишь мужской руке — мясо, заготовка иван-чая и особых трав, пропитанных мужественной силой земли. Здесь ему не было равных. Как удавалось ему изготовить и заваривать этот чай, оставалось загадкой для его любимой супружницы. Ему нравилось это слово — «супружница». Она была его рекой таёжной, своенравной, но мудрой — умела вовремя менять течение. Чувствовала его суровый нрав, изменчивое настроение, его слово, его волю. В этом доме всё было подчинено его мужской воле — во всяком случае, ему так казалось. Хотя Надежда Александровна знала все тонкие струны его души и каким-то непостижимым образом, лишь взглянув своими монгольскими глазами, он понимал, что нужно сделать и когда прислушаться — ведь всё в этом доме делалось для их общего блага. Вместе они были семь лет, в браке — семь счастливых лет. У них подрастала старшая дочь, Златогорка — что означало «богатая на золото». «Золотце» так ласково называл её отец, ей было шесть лет. Фёдор Викторович души в ней не чаял. Дочь внешне была похожа на отца: статная, с красивыми чер-

тами лица, прямой нос, пухлые губы. Но глаза... глаза были матери, его любимой супружницы Надежды Александровны, только цвета изумрудного. Они часто говорили с женой об этом и понимали, что всё дело в самой Хозяйке Тайги, их матери. Цвет глаз их старшей дочери — от неё. И они были несказанно рады этому дару. Волосы у девочки были тёмно-русые. Мать искусно плела ей одну косу, украшая её лентами и заколками в виде ягод, зверушек или скромных лесных цветов. Одна коса и две косы — извечные символы Руси, знаки, говорящие о статусе женщины. Одна коса была у незамужних девушек. Такую причёску носили либо маленькие девочки на Руси, либо девицы на выданье. После обряда имянаречения в четырнадцать лет у староверов два года девочек обучали домашним премудростям, и в шестнадцать лет эта причёска символизировала готовность к замужеству. Фёдор Викторович даже думать об этом не смел — ох, не просто придётся его будущему зятю! Его золотце, его дочь Златогорка — его и только его. Длинные, густые и ухоженные волосы говорили о здоровье девочки. Две косы заплетали замужние женщины. Обычно их сворачивали в узел и прятали под головной убор. Это мог быть повойник, кичка, сорока. Две косы плели из практических соображений: симметричная причёска лучше удерживала на месте головной убор. Также считалось, что одна коса символизировала, что женщина веряет себя Богу, а вторая — мужу.

В народе поговаривали: если замужняя женщина станет носить одну косу, быть ей вдовой. Издревле космы женские несли в себе связь с миром горним, подобно бороде мужской, символизирующей богатство и продолжение рода.

Фёдор Викторович, обладатель холёной, тщательно ухоженной бороды, общался с Надеждой Александровной на языке едва уловимых знаков. Лёгкое поглаживание, мимолетное касание — в каждом движении таился особый смысл, понятный лишь ей, его супружнице, без единого слова.

Она безошибочно предчувствовала приближение его гнева — редкие, но ощутимые вспышки, словно багровые угольки, тлеющие под пеплом показного равнодушия. Сейчас он яростно тербил бороду, будто силясь вырвать с корнем терзавший его вопрос. Даже суровая тайга, казалось, не властна усмирить его нрав: в глубине души klokотала древняя ярость, словно осколки пламени, вырвавшиеся из пасти поверженного Змея Горыныча.

Стоило ему бросить на неё томный, словно пропитанный тёмным мёдом, взгляд и небрежно провести рукой по бороде, в этом танце пальцев читалось невысказанное обещание — врата в лабиринт его сокровенных желаний распахнуты, — Надежда Александровна знала: эта ночь будет не просто пламенным вихрем страсти, но предвестием новой, захватывающей главы в их жизнях... И вот, словно Заря, в их жизни взошла Златогорка, их первенец. А спустя три года Надежда Александровна одарила супруга, горячо любимого ею, двойным счастьем — явились на свет два богатыря, сыновья-близнецы, наречённые Александром и Ведагором. Одного из сыновей-близнецов отец нарёк Ведагором. Имя же первой дочери, Златогорки, Фёдор Викторович выбрал сам. Второму сыну-близнецу имя дала Надежда — в честь своего отца, Александром. Каждый из детей увидел свет в присутствии Фёдора Викторовича.

Он брал их на руки, поднося к самому лику Солнца, словно посвящая светилу: все они явились в мир на рассвете, когда Заря-Заряница, румяная, уступала место новому дню. Он, отец, первым заглядывал в их чистые, невинные очи, словно протаптывал тропку в мир земной — ту самую, что пролегает от носа к губам, тропку судьбы. Это было священно. А когда забирал их из роддома, — Надежда мечтала о домашних родах, но врачи, опасаясь за её хрупкую фигуру, настояли на своём — Надежда рожала в роддоме — после выписки первым делом, прежде чем занести ребенка в дом, он стелил на траву красивое покрывало, на котором были украшения и дары природы: хлеб, молоко, мёд, и бережно укладывал младенца на землю-Матушку, моля о защите и обереге. Призывал Хозяйку Тайги, незримую мать, взглянуть на своё дитя. И она, казалось, присутствовала незримо в тот миг, когда Фёдор поднимал чадо с земли. Личико ребёнка расплывалось в улыбке, и от него исходило нежное сияние... словно

сама Хозяйка Тайги гладила и благословляла нового таёжного жителя. Надежда часто вспоминала эти моменты, готовя по утрам завтрак мужу и детям.

Жизнь их текла размеренно и щедро, словно полноводная река, питающая плодородные земли. В этой непритязательной простоте таилась подлинная, неброская красота. Они жили в ладу с Матерью-природой, внимая её шёпоту, свято чтители мудрые заветы предков, словно звёзды, освещающие путь, и с благоговением верили в незримую силу Богов. И каждое утро с первыми лучами солнца возносили им искреннюю молву благодарности за бесценный дар жизни, за крепкую семью и за возможность быть частью этого благословенного, умиротворяющего уголка мира.

В жизни Фёдора и Надежды не только рождались дети, но и приходили потери. Порой, словно разгневанные духи, на их дом обрушивались штормы невзгод. Ушла прабабушка Надежды, Александра Григорьевна, успев, однако, увидеть маленькую Златогорку — Златушку. Она прожила долгую и достойную жизнь. Фёдор и Надежда встречали испытания с мужеством и достоинством, черпая силу в вере и безграничной поддержке друг друга. После её ухода бабушка Надежды, Нина Пантелеевна, предпочла остаться с Зоей Ивановной, несмотря на приглашения внучки. Нина Пантелеевна лишь отрицательно качала головой: у неё есть Зоя, любимая невестка, первая жена её покойного сына, отца Надежды. Супруги с пониманием и уважением приняли их решение жить вместе, остро осознавая хрупкость бытия, особенно после кончины прабабушки. Жизнь — мимолётный танец в вечности, где за каждым штормом вновь проглядывает лик Солнца, разгоняя мрак. И даже под гнётом невзгод и лишений, она, словно река, неудержимо стремится вперёд, подчиняясь незыблемой воле небесных владык.

Вера их была не обрядом сухим, но живым и всеохватным убеждением, что пульсировало в каждом вздохе, отзывалось в каждом поступке. Божественное они зорко различали во всём сущем: в трепетном шёпоте листвы, в хрустальном перезвоне реки, в ликующем гимне птиц. И жизнь свою строили так, дабы быть достойными милости небес. Совесть вела их по жизни, здравый смысл служил компасом, рождённый не из книг, но из самой гущи прожитых лет и личного постижения мира, что корнями уходил в мудрость поколений.

Так текли дни, сплетаясь в недели, а недели — в годы. Немые стражи эпох, они безмолвно взирали на ликующую поступь весны, утопали в хороводах знойного лета, принимали златые подношения щедрой осени и укрывались от леденящего дыхания зимы. И в каждом времени года находили особое очарование, постигали его жизненные уроки. Они были неразрывно связаны с этим миром, словно ветви одного дерева, а мир отвечал им взаимностью. Обласканные благосклонностью Богов, они возносили им безмерную благодарность за эту связь, за эту жизнь.

Реальность диктовала свои условия. Молодость звала вперёд, а большая семья требовала заботы и куска хлеба. Фёдор, владелец компании «Таёжная песня», искусно сплетал из шёпота вековых сосен и нитей нехоженых троп уникальные туристические маршруты по дикой тайге. Подобно опытному капитану, ведущему корабль сквозь безбрежный океан неизведанности, он прокладывал дерзкие пути будущих экспедиций. Черпая вдохновение и ресурсы из сокровищницы цивилизации, он умело пользовался её дарами: от всепроникающей сети Интернет и всевидящего ока спутниковой связи до надёжного автотранспорта и маневренных лодок. А для покорения самых диких уголков тайги Федор арендовал вертолёт с командой асов, ведь не каждому под силу выдержать суровые объятия тайги. «Таёжная песня» была не просто кормилицей, она поистине вдохновляла, даруя ощущение свободы и причастности к чему-то большому, чем повседневная рутина.

Надежда Александровна, словно верная Берегиня, трепетно хранила тепло домашнего очага и лелеяла детей. Воспитание же, подобно бремени, всецело лежало на плечах отца — таков был незыблемый закон их семьи. Он слыл строгим, но голос повышал редко; дети понимали его практически с полувзгляда. Впрочем, в те редкие мгновения, когда воспитательные

беседы отступали, он с нескрываемым удовольствием баловал своих чад, а особенно — чудесную Златогорку, свою любимую дочь. Она вила из него верёвки, словно игривый северный оленёнок, очаровывая одним лишь своим присутствием.

Когда на свет появились сыновья-близнецы, своей аристократической утончённостью, столь чуждой суровой тайге, они поразительно напоминали тётку Аксиныю. Аксиныя же, в свою очередь, словно зеркало, отражала черты их покойной с Фёдором матери. Осиротев в раннем возрасте, Фёдор, поздний ребёнок, обрел приют и заботу в семье своей старшей сводной сестры Аксины и её супруга Ильи.

Это поразительное сходство сыновей со старшей сестрой не то чтобы тяготило Фёдора Викторовича, скорее изумляло, словно сама Хозяйка Тайги причудливо пошутила над ним. Ведь нельзя было забывать, что тётка Аксиныя прошла с ними, со всеми, сквозь дебри экспедиции к бабушкам Нади несколько лет назад. Его сводная старшая сестра души в нём не чаяла, но была любопытной сорокой, всегда жаждущей проникнуть в тайны их семьи, особенно в тот сокровенный уголок, где двое — он и Надежда — сплетались в одно целое. В лицах мальчиков, как в старинном зеркале, причудливо отражались черты матери Фёдора, а значит, и бабушкины черты, эхом прошлого отзывавшиеся в облике его сыновей. Несказанно забавляла Надежду Александровну эта причудливая игра судьбы. Ей, как матери, конечно же, хотелось видеть в сыновьях отблеск их с Фёдором черт, но Хозяйка Тайги распорядилась иначе. Фёдор же, время от времени, ворчал недовольно, пряча усмешку в густой бороде. Ох, этот Фёдор Викторович... «Люба мой», — шептала Надежда, то про себя, то в утреннем приветствии, утопая в бездонном море любви к нему. Он был её сокровенной тайной, самым пылким, нежным и единственным возлюбленным, отцом их троих детей, бесценных сокровищ, которым она не желала делиться ни с одной живой душой. Надежда обрела то, о чём так долго грезилась — настоящую, полную семью, где есть и отец, и мать, и дети — дочь и два сына, а ещё бабушка, тетушки, дядюшки, братья и племянники. Лишь тот, кто вырос в холодных, казённых стенах детского дома, способен до конца постичь, каким неземным счастьем это является. Она более не была одинока — её дом превратился в полную, звенящую чашу. И Надежда посвятила себя без остатка тому, чтобы собственные дети познали, что такое настоящее, беззаботное, солнечное детство.

Прежде чем погрузить в объятия сна своих троих драгоценных чад, мать тихонько начала колыбельную. Златогорка, старшая из детей, будто солнышко, в волосах цвета каштанового мёда, и двое сыновей-близнецов, Ведагор и Александр, носящие гордые имена, внимали голосу матери. Мелодия, словно сотканная из лунного света и лёгкой грусти, когда-то звучала из уст их ушедшего деда Александра, и теперь эхом отзывалась в их сердцах.

«Плавали уточка с лебёдушкой по речке,
Две одинёшеньки в тумане дней.
Искали верного плеча, сердечка,
Средь тихих заводи и звонких ручейков...»

«Уточка и Лебёдушка...» — для Фёдора Викторовича это не просто слова, а сама жизнь: его любимая супруга, белая лебедь Надежда Александровна, и уточка-доченька Златогорка. Фёдор Викторович был князем на корабле их семейной жизни, и в их доме ещё росли двое сыновей-близнецов, Ведагор и Александр. И всегда, до самой глубины души, желал он, чтобы Боги да хозяйка Тайги одарили их ещё детишками. В тайге — свой уклад, свой неспешный ритм. Прежде люди жили до ста сорока лет, и казалось Фёдору, что у него есть время, чтобы поднять детей на ноги, всему научить. И он был безмерно счастлив оттого, что знал точно, кто в этой колыбельной кому приходится. Это было самое сокровенное, самое важное в его жизни.

Колыбельная, что мигом уносила детей в объятия сна, порой зимней ночью чудилась Фёдору и Надежде не просто отголоском, а самым дыханием Хозяйки Тайги. Летом же, когда лунный свет серебрил листву, её нежные переливы сплетались с трепетным шёпотом листьев, словно ветер, затаив дыхание, подпевал ей, а речка-матушка, извиваясь серебряной нитью у самого дома, вторила мелодичным журчанием. И даже огонь в печи, отзываясь пляшущими тенями на бревенчатых стенах и разливая тепло по всему дому, казалось, сливался со всеми стихиями в единой завораживающей колыбельной, бережно убаюкивая их чад.

В улыбке нежность трепетала, как роса на утренней заре,
Когда он тихо ворковал, как голубь сизый, нежный.
«Люба мой», — шептала в полусне, едва дыша,
Любовь, как пламя чистое, грехи сжигая, к небесам несла.

Он — сердца тайна, светлый муж, судьбой желанный,
Отец троих детей, бесценный, дивный божий дар.
Сокровище, что бережно любовью вечной охраняемо,
Его она вовек то не отдаст, как пламя бережёт от чар.

Она нашла семью, о коей грезилась ночами,
Где муж и дети, жизнь, пленительна и вся полна очарования.
Росла в стенах холодных, в одиночестве с печалью,
Теперь же счастье льётся в жизнь её, как свет из мироздания.

Их дом — то чаша полная, где смех ручьём хрустальным льётся,
Детство беззаботное, как Ирийский сад, благоуханный, чистый.
Всю жизнь семье своей она дарит, не уставая, и сердце робко
бьётся,
Чтоб мир для них стал дивной сказкой, сотканной из света из
страниц прекрасных.

Они в тайге живут, вдали от суеты и злобы,
Где вековые сосны сказки древние шепчут на ветру.
И союз крепкий бережёт Тайги Хозяйка строго,
Забываясь о семье их, направляя по пути к добру.

И вечерами долгими, когда метель завьюжит окна,
Она читает сказки им про богатырей и чудеса.
И в голосе тепло её, как будто песня льётся звонко,
Что заставляет верить в то, что мир добрей, и нет в нём зла.

Он мастерит игрушки им из дерева, с любовью, тщательно,
Медведей, зайцев, кукол, теремок, чтоб жили дружно в нём.
И дети с радостью играют до поздней ночи, беззаботно, радостно.

Благодаря судьбу за то, что вместе все, единым очагом.

В тени лесов Хозяйка Тайги, как древний страж, за путниками
тихо наблюдает.

И шлёт им вслед удачу, мир в душе, здоровье и благодать.

Она зрит чистоту сердец, души, что светом новым мир желают
наполнять,

И знает, что семья сия сумеет мир преображать.

Так и живут они в гармонии с природой и собой,

Любовь их будет крепка, как таёжный вечный лес.

Они пройдут сквозь бури, штормы, всё, что будет непременно,

Храня друг другу верность, нежность и семейный дар, сошедший
к ним с небес.

Дом, распахнутый навстречу гостям — благословенный островок, где сердце обретает покой, а душа — отраду

Фёдор, сбросив с себя прохладу речной купели, вошёл в кухню. Зябкая свежесть, цеплявшаяся за кожу, ласково таяла в объятиях жара, исходившего от русской печи, величаво восседавшей в углу.

Дом дышал ароматами свежего хлеба и душистого травяного чая.

Словно древний медведь, укрывшийся от бурь, дом приземисто и непоколебимо покоился на листовенничном фундаменте, намертво вросшем в землю. Двухэтажный сруб из колоссальных брёвен, источающий смолистый аромат и дыхание минувших лет, внушал незыблемую надёжность. Резные наличники окон — причудливый хоровод диковинных птиц и сказочных цветов — словно всевидящие очи, пристально следили за жизнью таёжного посёлка. Лишь современная крыша с вкраплениями солнечных батарей выдавала неумолимый бег времени.

Внутри обитал свой, особый микрокосм. Зимой — утробное тепло, словно из самого сердца земли, щедро изливающееся из неустанной печи, согревая каждый закоулок тёплым дыханием. Летом — живительная прохлада, таящаяся в толстых бревенчатых стенах и просторных окнах, словно сокровенная тайна, оберегающая от зноя. В воздухе витал густой коктейль ароматов: древесная смола, дым костра, сушёные травы и что-то неуловимо тёплое, родное, словами невыразимое, что оседало на сердце тихой радостью. И пусть снаружи простиралась дикая тайга, внутри дома, вопреки всему, царили последние достижения техники, мерцали огни умного дома, соседствуя с добротной мебелью от самого Фёдора. Хозяин создал этот островок уюта и комфорта в самом сердце глуши тайги, желая, чтобы его супружнице и троим детям было здесь тепло не только телом, но и душой.

Фёдор, ощущая себя здесь в своей стихии, полноправным хозяином и неотъемлемой частью этого мира, переступил порог просторной кухни. Крепкий, подтянутый, он, несмотря на приближающиеся сорокалетний рубеж, выглядел молодо и неизменно повторял, что всем обязан Надежде, его Берегини. Она была моложе на восемь лет, его ладушкой и вдохновением, щедро даря ему любовь, заботу, ласку и неубывающую женскую энергию. Надежда, подарив миру сыновей-близнецов, сама преобразилась, став величественной, словно воплощение женской природы — её внутренней силы и внешней красоты, являя миру новую, лучезарную грань своей женственности. И пусть не нарекут её «бабой» по старинному обычаю — так чествовали славянки, подарившие семье первенца-сына, — в сердце её царила иная, тройная материнская благодать. Но взамен этого статуса «настоящей бабы» она подарила своему любимому мужу сокровище, сияющее ярче золота, — дочь и два маленьких урагана, два неутомимых вихря трёхлетних близнецов, за которыми нужен глаз да глаз. И она была готова еще родить ему ребёнка. Она была дивно хороша, хотя Фёдор и не расточал комплименты вслух. Его любовь, подобно могучему дубу, пустила корни в поступках. В глазах её, цвета тёмного мёда, таилась мудрость и невозмутимое спокойствие, словно в самой сердцевине тайги, знающей каждый свой потаённый путь и внимающей безмолвному шёпоту ветвей.

Он обвёл взглядом кухню, где уже хлопотала Надежда. Её движения выверены годами, отточены до совершенства, каждое действие — осмысленно и необходимо. Она, как и дом, была частью этого мира, его неразрывной, жизненно важной частью. Фёдор улыбнулся ей, и сердце его наполнилось тихой, благодарной теплотой. Этот дом, эта женщина, эта таёжная глушь — вся его жизнь, его сокровенное счастье. И ничего другого ему не нужно.

После утренних хлопот Фёдор вошёл в дом.

— Надежда Александровна, — поздоровался он, — корми уже? Водица-то студёная нынче.

— Может, и не в воде дело вовсе, — отозвалась она, как всегда знающая всё наперёд. — Аль забыл, как ты зимой в прорубь сигаешь?

— Верно, супружница моя, ничего от тебя не утаишь. Знаешь, что-то я волнуюсь. Столько лет тётку Аксиною не видели. Пацаны-то хоть приезжают, а тут она надумала с ними... Не случилось ли чего? — не унимался Фёдор.

Надежда взглянула на него спокойно:

— Чего спешить, накручивать себя попусту? Скоро сами всё узнаем.

И вдруг, словно в ответ на её слова, со второго этажа к родителям спустилась сонная Златогорка.

— Тятя, а ты чего не разбудил меня с мамой? — пробурчала она, входя в кухню, скрестив руки на груди и надув губки.

— Доброе утро, родная моя, — ласково сказала мать.

— Доброе утро, мамочка, — пробормотала Златогорка, целуя её в щёку, а затем потянулась к отцу на руки. Она называла его «тятей» — так говорили местные ребята-староверы. В этот момент их дочь сильно напоминала Надежде того, прежнего Фёдора. «Надо же, как уродилась», — подумала она, но оставила мысли при себе.

— Родные мои, справитесь здесь сами? Я поднимусь к мальчишкам, умою их, переодену.

— Сами, Надежда Александровна, не балуйте вы их! Сами всё должны!

Но она уже удалилась, ворча себе под нос: «Сами да не сами... Эти непоседы трёхлетние, Ведагор и Александр... Как же я их люблю!»

— Доброе утро, тятя, — вдруг заговорила Златогорка.

— Доброе утро, оленёнок, — ответил Фёдор. — Говори, что случилось.

— Вы же мне обещали с мамой, что тоже по утрам будете будить и меня, и вместе будем встречать новый день, а сами забыли, наверное, — не унималась девочка.

Фёдор взял её на руки:

— Понимаешь, я заглянул к тебе в комнату, а вы с Тундрой так сладко спали, что я не стал вас тревожить.

Фёдор поцеловал дочь.

— Тундра, ко мне! — вдруг позвал Фёдор.

Это была юная маламут, собачья девочка, полная дикой грации и северного очарования. На Новый год бабушка Нина Пантелеевна и бабушка Зоя Ивановна приезжали на три дня к ним в гости, и бабушка Зоя подарила Златушке щенка четырёх месяцев. Девочка назвала её Тундрой. Собака была очень умная, команды понимала чётко. Зоя Ивановна, перед тем как передать её семье, обучила её командам и записала все рекомендации в тетрадке. Златогорка уже умела читать, но, если честно, вся забота о воспитании Тундры легла на Надежду, мать семейства. Собака оказалась умной и Надю понимала очень здорово, и любила Златогорку.

Тундра спустилась из спальни девочки сонная.

— Доброе утро, Тундра, — сказал Фёдор. — Сейчас твоя юная хозяйка выпустит тебя на улицу, а потом тебя и покормит. Ну же, родная, живо: миски чистые, насыпь корм и воды налей. Руки вымой и позавтракай со мной!

— Не хочу, — буркнула обиженная Златогорка.

— Оленёнок, — сказал отец.

И в этот момент сверху на неё смотрела мать. Она никогда не вступала с ней в полемику, не шла на поводу её непростого детского характера. Златогорка вывела собаку, подошла к отцу:

— Папуль, мама меня зовёт, я ей помогу и приду.

«Папуль,» — выпорхнуло из уст Златогорки, словно случайная бабочка, а не привычное, родное «тятя». И Фёдор нутром ощутил ледяное прикосновение фальши. Когда из её уст срывалось это елейное «папуль», ложь, словно тень, уже краслась впереди.

Да и мать не произнесла ни слова, не ответив на вопрос отца. Златогорка словно растворилась в воздухе, прикрывшись нелепым предлогом мнимого зова.

И ушла. Фёдор сохранял молчание. «Характер... Только вот в кого, интересно?..» Он понимал, что играет в ней его кровь, ведь она остра на язык не по годам.

Надежда молча помогла дочери умыться, бережно выбирая из шкафа нужное платье, терпеливо заплела красивую косу. Златогорка надела прямое, строгое платье с белым воротничком — дань моде и предосторожность перед обманчивым июньским холодом тайги, дополнив наряд белыми колготками, чёрными туфлями и светлым, почти невесомым плащом. В зеркале отражалось лицо, до боли похожее на отцовское. Лишь упрямый блеск монгольских, глубоко-зелёных глаз выдавал её собственную, непокорную натуру. Она молчала, опустив глаза, но в глазах плескалось раскаяние. Златогорка знала: грубить отцу — непростительно. «Мама, я виновата. Пойду к тятю». Надежда, не проронив ни слова, лишь приподняла бровь, отпуская дочь.

Близнецы, разодетые в модные костюмы, ещё не ведали о буре, пронесшейся в доме. Надежда Александровна всегда одевала их по-разному, подчёркивая несхожесть характеров. Александр — тихий, как мать, степенный, но способный постоять за себя. Ведагор — копия отца, такой же неугомонный и своенравный, чем-то напоминал Надежде и саму Златогорку в раннем возрасте. Она не позволяла им спускаться вниз, ограждая от неприятного разговора. Они же, терпеливо ждали, когда Златогорка попросит прощение у отца, главы семейства, чьё слово — закон.

Златогорка несмело вошла обратно на кухню. Фёдор сидел за столом, осушая кружку чая, погружённый в собственные думы. Девочка робко подошла, обвила его шею тонкими ручонками. «Тятя, прости меня. Я не права». Фёдор прижал её к себе, чувствуя, как замирает в его руках маленькое горячее сердечко. «Конечно, простил, оленёнок. Но больше так не делай, ладно?» Если я обращаюсь к тебе с вопросом, прошу, ответь мне. Златогорка кивнула, прижавшись щекой к его бороде, вдыхая родной запах тайги и отцовской силы.

Надежда Александровна заметила, как Ведагор и Александр притихли, словно птенцы перед грозой. «Живо завтракать и отца целовать!» — скомандовала она мягко. «И о Тундре не забыть, её нужно покормить и запереть в вольере», — громко прозвучал голос Надежды из глубины спальни.

— А может, Тундру с собой возьмём? — Фёдор попытался разрядить сгустившуюся обстановку.

Тем временем на кухню, словно маленькие вихри, ворвались Ведагор и Александр, трёхлетние сыновья Фёдора, близнецы. Его гордость, его мальчишки, одарили отца крепкими, по-детски искренними объятиями. Боже, какие же они красивые! Впрочем, как всегда. Всегда одеты с иголки, опрятные — заслуга жены, и Фёдор это ценил. Весь дом дышал уютом, сотканным её заботами. Как такая хрупкая женщина успевает за всем? В Надежде была удивительная черта — немногословна, никогда не спорила, тем более при детях. Не сталкивала лбами домочадцев, всегда знала, как поступить правильно. И эта мудрость Фёдора в ней пленила больше всего. Он, если честно, так до конца её и не понял за семь лет брака и восемь лет знакомства.

Вдруг Златогорка вскочила: — Спасибо, мамочка, очень вкусно! — и подбежала к отцу: — Я люблю тебя, тятя!

Их нежный ритуал. Так она всегда говорила после ссоры.

— Я Тундру покормлю, и будем собираться в дорогу.

И Фёдор шепнул дочери на ухо: — И я люблю тебя, мой оленёнок.

Малыши, словно пчелиный рой, мигом облепили отца. — И я вас люблю, мои родные, — просял он, глядя на детей. — Ну же, бегите скорее!

— Надежда Александровна, родная моя...

Когда дети умчались за Тундрой, Фёдор знал, что минут двадцать у него есть точно. И в этот момент спустилась Надя. На ней было платье цвета горького шоколада, светлый плащ, изящные туфельки. Волосы распущенные, чуть ниже каре. Платков она не носила, оставаясь молодой, цветущей женщиной. Фёдора она в этот миг сразила наповал. Он судорожно погладил бороду.

Она подошла, улыбаясь: — Ну что, помирились? — спросила она.

— Да мы и не ругались...

Он шагнул к ней, аккуратно взял прядь её волос, перебирая пальцами.

— Моя Монголка...

И он прильнул к её губам. Поцелуй, робкий вначале, словно дыхание ветра, коснувшееся лепестков, крепчал, согреваясь их общим, давно знакомым теплом. Надя ответила на его поцелуй — в этом нежном порыве она ощущала любовь, тихую и верную, как неустанное бие-ние сердца, любовь к мужу, ставшему самой её сутью, неотъемлемой частью её души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.